

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ**

**БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)**

Приложение 6

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ**

**БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)**

Приложение 6

ВETERАНЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ О СЕБЕ

**Москва
ИД «Ключ-С»
2010**

УДК 008(1-11)-051

ББК 71(5)

В39

Редакционная коллегия:

М. С. Мейер (председатель), А. А. Столяров (секретарь), Л. Б. Алаев,

Б.В. Базаров, Д. Д. Васильев, В. В. Наумкин,

Составители: Д. Д. Васильев, А. А. Столяров.

Утверждено к печати Институтом востоковедения Российской академии наук

В39 **Ветераны востоковедения о себе** / [редкол.: М. С. Мейер (председатель) и др. ; сост.: Д. Д. Васильев, А. А. Столяров]. – Москва: Ключ-С, 2010. – 168 с. – (Бюллетень / Рос. акад. наук, Общество востоковедов ; прил. 6).
ISBN 978-5-93136-133-8

Сборник воспоминаний востоковедов старшего поколения о себе, о том, что привело их в науку, как сложилась их научная судьба, о своих впечатлениях об отдельных событиях, встречах, поездках, научном поиске и открытиях.

УДК 008(1-11)-051

ББК 71(5)

ISBN 978-5-93136-133-8

© Общество востоковедов РАН, 2010

Содержание

От составителей	5
Арутюнов С.А.	
Плач по мыши, горой порождённой	6
Егорова М.Н.	
Воспоминания о В.В. Балабушевиче	19
Комаров Э.Н.	
Как мы изучали Индию: из воспоминаний	21
Концевич Л.Р.	
Как я стал востоковедом	43
Коргун В.Г.	
Афганистан революционный, каким я его видел	59
Куценков А.А.	
Пути Господни... ..	74
Ланда Р.Г.	
Пятьдесят лет тому назад... ..	90
Мейер М.С.	
Как трудно стать Бартольдом	105
Потабенко С.И.	
Мой Восток («Картинки с выставки»)	109
Райков А.В.	
Мой трудный путь в индологию	122
Чудодеев Ю.В.	
Китай в моей жизни	138
Шаумян Т.Л.	
Начало пути	159

От составителей

В Приложениях к Бюллетеню Общества востоковедов РАН будут публиковаться воспоминания востоковедов старшего поколения, где наши коллеги будут рассказывать о том, что привело их в науку, как сложилась их научная судьба, свои впечатления об отдельных событиях, встречах, поездках, научном поиске и открытиях. Можно утверждать, что каждый, кто избрал для себя ту или иную отрасль востоковедения, является уникальным специалистом. Поэтому и отличительной чертой материалов в этих мемуарных сборниках Общества востоковедов РАН будет, по возможности, личностный характер повествований, сохраняющий пусть субъективную, но индивидуальную точку зрения. Выпуск подобных сборников предполагается осуществлять к каждому очередному съезду востоковедов.

Плач по мыши, горой порождённой

Классическая форма работы востоковеда – кабинетная. Но лингвисту нередко приходится работать экспедиционно, с носителями языка, а для этнографа и антрополога полевой, экспедиционный материал обычно является основным, а его кабинетная обработка и дополнение данными письменных источников и литературы уже являются вторичной надстройкой и оформлением.

Как правило, добротный и достаточно полный полевой материал является залогом высокого уровня итогового труда, и сам по себе остается в науке весомым вкладом, даже вне зависимости от успешности и глубины его первичной интерпретации.

Но, к сожалению, так бывает не всегда. Случается, что ценнейший, добытый огромными трудами материал или вообще не доходит до публикации, или уровень его публикации далеко не соответствует возможностям, предоставляемым самим материалом. Печальным примером такой ситуации является история совместной советско-индийской этнографо-антропологической экспедиции 1960-1980-х годов.

Уже само начало этой экспедиции было сопряжено с рядом сложностей. Инициатива ее организации исходила от одного из крупнейших математиков XX века, проф. П.Ч. Махаланобиса, основателя и директора Индийского Статистического Института (ISI, Калькутта). Идея Махаланобиса была далеко идущей: изучить по всем возможным антропологическим программам около 100 эндогамных популяций (племён и каст), репрезентативных для населения всей Индии, обработать соотношение данных разных программ и разных популяций и получить таким образом уникальный материал в области генетики чело-

века. Напомним, что это происходило 50 лет назад, когда ни о мт-ДНК, ни о других молекулярных методиках исследования генетической структуры еще никто понятия не имел. Махаланобис считал, что генетические маркеры, факторы крови, дерматоглифику и ряд других второстепенных программ вполне могут провести сотрудники ИСИ, но центральную, расоведческую программу – измерительные и описательные признаки лица и головы, а также одонтологию должны изучать советские специалисты, и он был прав. После II мировой войны понятие «раса» в западной науке стало считаться едва ли не одиозным, и людей, способных провести грамотное обследование, в особенности дать балльные оценки описательных признаков, было очень мало, а в СССР старая школа сохранялась в полной мере.

Первоначально с советской стороны основным исполнителем выступал Н.Н. Чебоксаров, который вместе с индологом-этнографом М.К. Кудрявцевым совершил две пилотные поездки в Индию в 1964 и 1966 гг. М.К. Кудрявцева вопросы физической антропологии интересовали мало, и он успешно занимался сбором этнографического материала по интересовавшим его темам. Н.Н. же произвел обследование ряда групп.

Нет сомнения, что в это время, в середине XX века, и Н.Н. Чебоксаров, и Г.Ф. Дебец принадлежали к числу виднейших антропологов мира. Но их подходы к методологии изучения предмета, их критерий оценок исследуемых реалий существенно различались.

Здесь не место, да и не в моей компетенции разбирать сущность этих различий. В книге «Новые данные к антропологии Северной Индии» (М., 1980) имеется статья Н.Н. Чебоксарова «Работы по этнической антропологии Индии в 1964 и 1966 гг.». В этой же книге опубликован труд Г.Ф. Дебца «Антропологические исследования в Афганистане». Читатель может знакомиться с ними и сам для себя определить, в чём состоят эти различия и какой подход дает лучшие представления об исследуемом предмете. Важно, что итоги пилотных работ Н.Н. Чебоксарова явно не удовлетворяли П.Ч. Махаланобиса, а стиль работ Г.Ф. Дебца импонировал ему гораздо больше. Не помню точной даты, но где-то в 1967 г. в кабинете директора Института этнографии акад. Бромлея состоялся разговор, в котором приня-

ли участие сам Бромлей, проф. Махаланобис, Н.Н. Чебоксаров, Г.Ф. Дебеч и я (в основном в качестве переводчика). Бромлей, как обычно, пытался придать ему необязательный и плавно обтекаемый характер, но Махаланобис этого не принял, взял «быка за рога», высказал весьма резкую критику в адрес Н.Н., Г.Ф. кратко и деловито сказал о своих соображениях, Махаланобис его поддержал. Бромлей, естественно, пытался как-то сохранить вопрос о дальнейшем сотрудничестве в подвешенном состоянии для дальнейших согласований и обсуждений, но не тут то было! Махаланобис прямо обратился к Дебечу с предложением взять в свои руки руководство совместными работами, и Бромлей не успел и рта раскрыть, как Дебеч сказал, как отрубил: «I agree» - Я согласен!

Нечего и говорить, что и Н.Н., и Бромлей были весьма фраппированы таким неаппаратным поворотом дела, но возможностей для лавирования и маневра уже не было. Дело было сделано. Несомненно, для руководства АН СССР, где преобладали физики и математики, слово П.Ч. Махаланобиса, буде возникла бы какая-нибудь проблема, было куда весомее слова Ю.В. Бромлея. И он это прекрасно понимал, хотя самостоятельность и прямизна решений Дебеча его и раздражала.

Как-то без особых обсуждений стало само собой разумеющимся, что помощником Г.Ф. в поездке в Индию, запланированной на 1969 год, буду я. Мы много контактировали в 1968 г., в особенности во время VIII антропологического конгресса (ICAES) в Токио-Киото, где мы жили в одном номере и имели достаточно времени для обсуждения всех вопросов, связанных с будущей совместной работой, и не только ей одной.

В канун Нового 1969 г. Г.Ф. и я, можно сказать, уже сидели на чемоданах, ожидая окончательного оформления всех бумаг и прочих приготовлений, чтобы уже в первые месяцы 1969 г. приступить к работе в Индии. Но в январе 1969 г. Г.Ф. Дебеч заболел тяжелой формой гриппа, и через несколько дней его не стало.

Безвременная кончина Г.Ф. Дебеча стала трагедией для многих людей, любивших и чтивших этого замечательного ученого и человека. Большой ущерб она нанесла и проведению совместных советско-индийских исследований. Лишних два года

проволочек ушли на подбор и согласование кандидатуры нового руководителя экспедиции с советской стороны. Наконец, общее согласие по этому вопросу было достигнуто, и таким руководителем стал известный грузинский антрополог Малхаз Григорьевич Абдушелишвили.

Первая экспедиция под его началом состоялась весной 1971 года. По ряду причин я не смог принять в ней участие. Её началу предшествовало еще одно трагическое событие – безвременная кончина П.Ч. Махаланобиса.

С его уходом из жизни в Индийском Статистическом Институте началась настоящая чехарда, которая продолжалась еще много лет. Директора сменяли один другого с интервалом менее года. Если работа ряда отделений и не была развалена полностью, то их активность резко снизилась. Уже невозможно было понять, кто за какой участок отвечает. Наладить комплексную статистическую обработку получаемых данных, так, как это полагал, и безусловно сделал бы Махаланобис, оказалось теперь задачей невыполнимой. Отправить в небытие программу совместных советско-индийских антропологических исследований, как бы этого ни хотелось отдельным директорам-временщикам, все же было невозможно: она была прочно вбита в систему межправительственных соглашений, но ее финансирование, материальное обеспечение, комплектование кадрами год от года ухудшалось. Если Кудрявцев и Чебоксаров работали в 1960-х гг. в условиях прямо таки роскошных, то условия, в которых работала экспедиция 1971 г., были неизмеримо хуже. Но и они, поскольку созданы были в столичном городе, были роскошью по сравнению с теми бытовыми трудностями и лишениями, с которыми пришлось столкнуться экспедициям последующих сезонов, работавшим чаще всего в забытых богами и властями провинциальных городах и уездных местечках, либо в затерянных в джунглях племенных поселках. Забегая вперед, скажу, что все мы после обычных 90 дней экспедиции возвращались в Москву похудевшими на 15-20 кг. Вообще-то это можно было бы считать благом, если бы каждый из нас, попав домой, не восстанавливал бы за два-три месяца свой вес до обычных для нас всех 98-105 кг.

Первый полевой сезон, если можно его так назвать, под

руководством М.Г. Абдушелишвили, был малоудачен. Из-за проволочек как советской, так и индийской бюрократии много времени пропало впустую. Работа началась поздно, когда наступила изнуряющая предмуссонная жара, а ее территория была ограничена пригородами Дели. Было изучено всего 5 групп (чамары-джулаха, гуджары, ахиры, джаты и раджпуты Харианы), не самых репрезентативных для данного региона. Не удалось изучить ни одну брахманскую группу, хотя программой было предусмотрено изучение в каждом регионе хотя бы одной брахманской и одной «неприкасаемой» популяции.

С индийской стороны руководил работами д-р С.Р. Дас, среднего уровня антрополог, много уступавший по опыту и знаниям Малхазу Григорьевичу. Организатором Дас был неважным, цели и задачи экспедиции понимал не вполне. К тому же ему трудно было найти общий язык с М.Г., хотя бы потому, что последний не знал ни слова по-английски. В общем, сотрудничество между ними не сложилось.

Тем не менее, указанные 5 групп были изучены, как любил говорить М.Г., *legi artis*, что и позволило в 1980 г. выпустить достаточно содержательный сборник, уже упоминавшиеся «Новые данные к антропологии Северной Индии».

Дальнейшие полевые сезоны советско-индийской экспедиции были более результативны, прежде всего, потому, что руководство с индийской стороны перешло в руки энергичного и умелого организатора, талантливого и эрудированного этнографа и опытного антрополога, К.Ч. Малхотры. Удалось провести три зимних полевых сезона, в 1974-75, 1978-79 и 1982-83 гг., по 3 месяца каждый. Время использовалось достаточно интенсивно, вынужденных простоев было мало. Устоялся состав постоянных участников, как с индийской, так и с советской стороны. В число последних вошли М.Г. Абдушелишвили (изучение измерительных и описательных признаков лица и головы, т. е. сбор собственно расоведческих, важнейших, с этноисторической точки зрения, показателей), В.П.Алексеев (изучение измерительных параметров телосложения), С.А. Арутюнов (изучение межгрупповых и внутригрупповых общественных отношений, кругов брачности, особенностей питания, воспитания детей, взросления, т. е. этнографическая программа) и И.М. Семашко

(сбор зубных слепков; в отличие от прочих программ, здесь объектом выступали не взрослые, а дети 11-12 лет, поэтому она работала отдельно от остальной группы). В 1974-75 гг. в группу входил и казахский антрополог О. Исмагулов.

За три полевых сезона к 5 группам населения Харианы, изученным в окрестностях Дели, добавилось еще 9 групп, изученных в Махаращтре и сопредельных районах Гуджарата и Мадхья-Прадеш, 5 групп раджастханцев, 3 группы пенджабцев, 6 групп, изученных в штате Химачал-Прадеш, в том числе кашмирцы и сборная группа непальцев, 6 групп из штата Карнатака, в том числе иммигранты-тибетцы и афроиндийские мулаты сидди, по 4 группы населения Кералы и Тамилнада, три группы народа телугу в штате Андха-Прадеш, и одна группа, изученная в Зап. Бенгале, но происходящая из Бихара, а именно санталы. Всего, таким образом, по единой программе было изучено 46 групп. Группы, изучавшиеся в 1960-х гг. Н.Н. Чебоксаровым, в обобщающее исследование не вошли в силу методической несовместимости.

В целом все мы, и советские, и индийские специалисты, представляли собой вполне дружный, хорошо сработавшийся коллектив, и между нами царило полное взаимопонимание во всех общечеловеческих, житейских, бытовых вопросах.

Все наши индийские коллеги вели каждый свою программу – генные маркеры, факторы крови, дерматоглифику, и никто из нас никак не пытался вмешиваться в проведение этих программ. Тем более никто не вникал в работу И.М. Семашко. Правда, я иногда пытался подтолкнуть её к большей активности в наблюдении этнографических реалий индийской жизни, и в особенности в использовании уникальных возможностей бесед со своими индийскими ассистентками. Действительно, каждодневно тесно общаясь с молодыми индийскими женщинами самых разных каст и конфессий, Ирина могла бы собрать уникальный материал по индийской этнографии гендера и выдать несколько ценных публикаций. Но эта возможность использована не была. Относительно малая публикационная продуктивность Ирины позднее послужила причиной довольно острого конфликта между ней и зав. Сектора Зарубежной Азии М.В. Крюковым.

Валерия Алексеева и Малхаза Абдушелишвили связывала прочная, давняя и теплая дружба. Она сохранилась в общем ничем неомраченной вплоть до безвременной скоропостижной кончины Валерия (7 ноября 1991 г.). Довольно давняя и тесная дружба связывала и меня с этими двумя замечательными людьми. Мне вообще везло в жизни с друзьями. Не только учителями, но и настоящими старшими друзьями я могу назвать М.Г. Левина и Г.Ф. Дебеца, теснейшая дружба, спаянная многими совместными экспедициями на Чукотку, связывала меня с Дорианом Андреевичем Сергеевым; близким другом Дориана был и Валерий, да и Малхаз симпатизировал ему, хотя они встречались редко. Так что я и по сей день не перестаю благодарить судьбу за то, что она дала мне уникальный шанс провести в общей сложности срок, почти равный году, в этих трех полевых сезонах в теснейшем повседневном, можно сказать, ежеминутном контакте с Малхазом и Валерием. О чем только мы не переговаривали за эти триста дней! Как профессиональные физические антропологи, Валерий и Малхаз были в эти годы (1970-1990), вне сомнения, крупнейшими учеными не только в общесоветском, но и общемировом масштабе. Но помимо этого, каждый из них обладал колоссальной и взаимодополняющей эрудицией в самых разных областях гуманитарного и биологического знания. Наши беседы, обсуждения, комментарии к увиденному во время переездов и работы, всевозможные воспоминания были потрясающе интересны. И понятно, особенно задушевный характер приобретали эти разговоры по вечерам, в постоялом дворе какого-нибудь захудалого уездного городка, после возвращения из села, где мы провели день в обычно успешной, но утомительной работе. За ужином, чаще всего более чем скромным, но неизменно сопровождаемым стаканом спирта, разбавленного мутноватой местной лимка-колой, наши беседы нередко затягивались далеко за полночь.

Нельзя сказать, чтобы дружба Малхаза и Валерия была абсолютно безоблачной. Каждый был фигурой титанического масштаба, и характер у каждого был по-своему очень непростой. И вспыльчивость, и обидчивость была присуща обоим в довольно высокой степени. Так что иногда между ними возникали конфликты и недолгие, но бурно переживаемые ссоры, ча-

ще всего из-за довольно мелкой, чтоб не сказать вздорной, причины. В такие дни оба титана ходили мрачные, глубоко уязвленные, дулись друг на друга, почти не разговаривали. Но длилось это недолго, от силы два-три дня, и завершалось как-нибудь за ужином взаимными объяснениями, излияниями и заверениями, после чего наступал радужный мир и полное согласие этак на три-четыре недели – до очередного «разнотыка». Ну, просто в точности, как писал Льюис Кэрролл (“Hunting the Snark”):

And when quarrels occurred, for, as one often finds,
Quarrels will, spite of any endeavor
The song of the Jub-Jub would come to their minds,
And cemented their friendship for ever

Роль сказочной птицы Джуб-Джуб нередко приходилось играть Ирине, мягко укорявшей «мальчиков» за их различные капризы. Редко, но всё же бывало, что она сердилась на них всерьёз за какую-нибудь, с её точки зрения, бестактность, и тогда оба в лепешку готовы были расшибиться, чтобы заслужить её прощение. Вообще же присутствие этой очень доброй, хотя внешне несколько строгой и церемонной женщины существенно облагораживало общий образ поведения нашей грубоватой мужской компании.

Однако всё это касалось только бытовой, общечеловеческой, эмоциональной стороны наших взаимоотношений. Но суть работы нашей экспедиции была познавательной, научной, и здесь разногласия между Валерием и Малхазом носили более существенный характер. Оба были учениками Г.Ф. Дебеца, но Валерий в основном в теоретическом плане, а Малхаз в сугубо практическом, т. к. много работал с Г.Ф. в поле. Их практика проходила в разных ареалах, у Малхаза почти всецело на Кавказе, у Валерия же отчасти на Кавказе, но более в северных и восточных регионах СССР. И на индийские реалии каждый смотрел со своей колокольни. Это были очень высокие колокольни, и с каждой из них открывался очень широкий кругозор, но ракурс, угол зрения был совершенно различен. Малхаз, почти не сталкивавшийся до этого с монголоидами, склонен был видеть монголоидность там, где реально имелось лишь слабое ее подобие

(например, у племён каткари и джену-куруба); напротив, Валерий, знавший монголоидов не понаслышке, отчетливо видел это заблуждение Малхаза, зато сам был склонен утрировать наличие негро-австралоидных черт у в общем европеоидных по своим основным чертам, но темно пигментированных популяций. Даже наличие среди исследованных групп таких эталонных, как бесспорные монголоиды – тибетцы, или явные негроиды – сидди (потомки рабов, ввезенных арабами и португальцами из Африки), не помогало сблизить эти разногласия. Споры, вызванные ими, были сами по себе очень интересны и поучительны. Однако только Господу Богу, да мне, грешному, известно, скольких усилий от редактора-составителя требовалось, чтобы получить от них впоследствии статью в соавторстве, или хотя бы добиться двух разных статей, даже пусть с диаметрально разными утверждениями, для одного сборника, что и можно видеть, например, в «Истоках...». Валерий мог писать так, словно рядом страниц Малхаза (подкрепленных первичным фактическим материалом) и вовсе не было, а Малхаз мог допускать в своем тексте явные терминологические и таксономические нестыковки, или отказываться приводить, наряду с балльными, абсолютные значения признаков, и оба были чудовищно упрямы, настаивая на сохранении в своем тексте явно противоречивых утверждений. Конечно, не будучи ни индологом, ни профессиональным физическим антропологом, мне спорить с ними было трудно. Будь на моем месте авторитет масштаба М.Г. Левина или Г.Ф. Дебеца, возможно, всё было бы несколько по иному. Но, увы, всё было так, как было.

С огромным трудом, после долгой подготовительной и согласовательной работы удалось выпустить два сборника предварительных публикаций – «Новые данные...» (1980) и «Новые материалы...» (1982). Отметим, что их отделяло 7-8 лет от времени сбора полевых материалов, легших в их основу. Для работы над их подготовкой в Тбилиси, Москву и Ленинград приезжал К.Ч. Малхотра. Предполагалось, что будет издано еще, по меньшей мере, два сборника, по крайнему северу и крайнему югу Индии, и работа по их подготовке первоначально велась достаточно интенсивно. Кроме того, еще в 1983 г. мы полагали, что эта наша экспедиция (в дравидоязычные штаты Южной Ин-

дии) будет не последней, и состоится, по крайней мере, еще одна экспедиция, на восток Индии, в Ориссу и Западный Бенгал, так как в этом ареале нами была изучена лишь одна группа, санталы.

Тогда, в 1983 г., представлялось, что только после выпуска в свет третьего и четвертого сборника можно будет приступить к написанию пятого тома трудов экспедиции, большого итогового труда, к участию в котором будут привлечены и основные индийские участники. Но ситуация быстро менялась. Вскоре стало ясно, что дальнейших поездок не будет, что от сотрудников ISI, не исключая К.Ч. Малхотры, разработок их программ ожидать не приходится, и хотя М.Г. Абдушелишвили все еще оптимистически писал в статье для итогового издания, что «нет сомнения в том, что все данные, собранные советско-индийскими экспедициями, будут опубликованы» (Истоки..., с. 263), у меня то как раз не было сомнения совершенно в обратном. Поэтому все годы «перестройки», с 1985 по 1990, наряду с работой по отделу Кавказа, заведовать которым я начал как раз в 1985 году, основное внимание я решил уделить, невзирая на все трудности, публикации хотя бы некоторого подобия итогового тома. В главном Малхаз был прав, и в этом была его, и не только его, основная заслуга: «Мы уже имеем общее представление о расовых и морфологических особенностях изученных групп и о местах, занимаемых ими в общей расовой систематике» (Там же). Правда, у В.П. Алексеева это «общее представление» было существенно иным, но выражать ли его и в какой форме, это уже было его дело и его право. Он и выразил его, в очень аккуратной и сдержанной форме, на стр. 231-241 своей статьи в сборнике «Истоки...», по существу повторив, с некоторыми коррективами, свой старый тезис о двух очагах расообразования в Индостане – европеоидном на индоарийском севере и негро-австралоидном на дравидоязычном юге (Алексеев, 1974).

Гораздо более новаторскими, и главное, построенными на фактическом материале личных полевых исследований, были выводы Малхаза Абдушелишвили. Его статья – основной *raison d'être* для публикации сборника «Истоки...» как итогового. Статьи Г.М. Бонгард-Левина и Н.В. Гурова, И.И. Пейроса, Г.А. Зографа очень содержательны сами по себе, но посвящены всеце-

ло языковой стороне вопроса и никак с итогами нашей экспедиции не связаны. Правда, ареальная типология Зографа отчасти совпадает с антропологической типологией Абдушелишвили, но это лишь подкрепляет несомненную обоснованность последней.

В статье Малхаза, как я уже говорил, есть несколько досадных несостыковок, но все мои попытки элиминировать их в процессе редакции наталкивались на упорное и даже раздраженное сопротивление автора, так что пришлось оставить все, как было. В частности, не может не вызвать недоумения (стр. 322) кластеризация бхилов Махараштры как австралоидов, каткари и джену-куруба как монголоидов, и чамаров-джулаха, бхилов Раджастхана, бхилов-паора, параянов и санталов как промежуточных форм, тогда как по логике здравого смысла можно было бы ожидать объединения их всех в этом одном последнем кластере. Но это разделение есть артефакт, вызванный абсолютизацией изначально условных цифровых значений. На стр. 314-316 объединение всех этих групп дано так: «VI комплекс групп австралийского расового типа Центральной и Южной Индии с резко выраженными чертами евразийской и азиатско-американской расы объединяет бхилов-паора, бхилов Махараштры и Раджастхана, каткари, пулаянов, джену-куруба, урали и параянов». Эти восемь групп все племенные, и (с добавлением калларов) ими исчерпывается список групп австралоидного расового типа среди изученных нами популяций. Оставив в стороне африканоидную (негроидную) группу выходцев из Африки, сиди, и тибетцев и непальцев как монголоидов, «все остальные 35 групп в той или иной мере тяготеют к большой евразийской расе» (стр. 318), т. е. к кругу европеоидных форм.

На территории Индии доля австралоидной примеси и интенсивность пигментации постепенно возрастают с севера на юг, и в каждом регионе — сверху вниз по шкале социального статуса. Но, как показывают данные Абдушелишвили, собственно австралоидные формы доминируют только среди племенных групп. Все кастовые индусы, как высших, так и низших каст, как индоарийские по языку, так и дравидоязычные, укладываются в рамки расовых категорий, характеризующихся доминированием европеоидных черт. А стало быть, особой южноиндий-

ской расы не существует, и основное население Индии, при наличии клинальной изменчивости, в принципе достаточно однородно, невзирая на языковые различия.

В этом и состоит основной итог работ советско-индийской экспедиции. Это, конечно, в общенаучном масштабе далеко не мышь, а скорее зверь покрупнее. Но кто о нем знает? Кому он интересен? И притом, это результат работы одного Малхаза. А остальное?

Я держу в руках сборник «Истоки формирования современного населения Южной Азии». 20 лет прошло со дня его выхода в свет. Убогая бумажная обложка, плохая желтоватая бумага, тусклый, плохо читаемый текст – офсетная печать с машинописного оригинала. Многие ли знают о нем? Его цитирования я почти нигде не встречал.

Через год после выхода сборника умер академик В.П. Алексеев. В 1998 г. ушел из жизни академик Национальной академии наук Грузии М.Г. Абдушелишвили. Последний раз я видел его на похоронах Валерия. На его собственные похороны поехать я не смог – Тбилиси стал дальше, труднодоступнее, чем Анкоридж или Иоханнесбург. Сейчас он, пожалуй, еще дальше, чем раньше.

Где-то лежат горы научного наследия В.П. Алексеева. Он собрал в Индии ценнейший материал по вариациям строения тела (торса и конечностей). Обмерить одного человека, от шеи до щиколоток – это 17 минут тяжелого труда, надо десятки раз наклоняться и выпрямляться. Порой страшно было смотреть на Валерия, как он уставал, это на индийской то жаре!

Пока жива была Таня (вдова В.П. Алексеева, академик Татьяна Ивановна Алексеева), была надежда, что она, с помощью своих учениц, как-то обработает и издаст хотя бы часть материалов Валерия. Теперь и Тани нет. И надежды нет.

Лежат в Тбилиси папки наследия Малхаза. Понятно, что их содержательность не исчерпывается вышеприведенной парой строчек, при всей их значимости. Эти материалы тоже некому обрабатывать и издавать.

Лежат где-то в картонных коробках сотни, тысячи, много тысяч зубных слепков, которые с таким тщанием, со столькими хлопотами и переживаниями собирала Ирина Семашко.

Что-то я не вижу основанных на их изучении публикаций.

Лежат горы необработанного, неизученного, собиравшегося с таким нечеловеческим трудом материала. Наверное, в конце концов, эти горы сгрызут не ими рождённые мыши.

Мне часто снятся мои друзья, Малхаз и Валерий. Как это нередко в самом деле бывало в Индии, при наших постоянных переездах, я упаковываю в чемодан книги, тетради, всякую дребедень, а они стучат в мою дверь, кричат мне: «Ну, давай же, присоединяйся к нам скорее! Ведь мы на поезд опоздаем!»

Я не спешу. Спешить некуда. Поезд всё равно уже ушел.

Литература

1. Новые данные к антропологии Северной Индии. – М., 1980
2. Новые материалы к антропологии Западной Индии. – М., 1982
3. Истоки формирования современного населения Южной Азии. – М., 1990
4. Алексеев В.П. География человеческих рас. – М., 1974
5. Гадгил М., Малхотра К.Ч. Экология пастушеской касты гавлидхангаров // Советская этнография. – М., 1982. – № 5.

Воспоминания о В.В. Балабушевиче

Владимир Васильевич Балабушевич был знаменательной и по-своему исторической фигурой в индологии. Он был заведующим отделом Индии в Институте востоковедения Академии Наук СССР. Предметом его собственных научных занятий были модная по тем временам проблематика рабочего класса. Но, придавая этой теме подлинно научное освещение, он был истинным учёным – первопроходцем.

Между собой сотрудники отдела звали его ласково: «Бал-Бал».

Одним из главных направлений его деятельности была, как ныне бы сказали, подготовка кадров. Он оберегал своих молодых сотрудников – талантливых учёных, от возможных неприятных неожиданностей. Ибо, у кого-то были арестованы родители, кто-то имел другие «шероховатости» в своей биографии, и они нуждались в поддержке. У него самого была такого же рода «шероховатость», о которой все мы знали: он был сыном священника. Уж не знаю, была ли здесь какая-то связь или нет, но он был добрым и душевным человеком. Он очень любил свою жену, Надежду Николаевну, и часто на неё ссылался.

Я была его единственной аспиранткой. Вообще-то я не хотела заниматься рабочим классом, но, когда я переходила в Институт из международного отдела ВЦСПС (куда я попала по распределению), Игорь Михайлович Рейснер, поставил условием моего перехода сохранение за мной именно темы рабочего класса.

При осуществлении Бал-Балом своего научного руководства, все формальности им строго соблюдались. Он мне часто говорил: «Читайте Маркса и Энгельса и претворяйте прочитанное в своей работе». Вот здесь-то для меня и была главная труд-

ность: как именно это претворять я понимала весьма смутно. Но по-своему всё же «претворяла».

Уже тогда я была ему благодарна и очень ценила его стремление уберечь меня от контактов с представителями КГБ, что вообще-то, в те времена, было довольно широко распространенным явлением. Обычно, по желанию Бал-Бала, я обязана была, как его аспирантка, приходя на работу, сидеть у него в кабинете. Естественно, я оказывалась свидетелем его телефонных разговоров, в том числе и тех, в которых он отклонял попытки представителей этого ведомства вступить в непосредственный контакт со мной. Конечно, по молчаливому согласию, мы никогда об этом не говорили, но так было.

Но главное, когда вспоминаю и нем, на первый план выступает его душевность. Помню, когда я была в командировке в Индии, на исходе третьего месяца моего там пребывания вдруг открывается дверь – и на пороге Бал-Бал. А я так истосковалась по своим, что бросилась ему на грудь и разрыдалась. А он как-то очень бережно и ласково меня успокоил. И сейчас, когда пишу эти строки, и вспоминаю о нем, меня наполняет теплое и глубокое чувство радости и благодарности за то, что я, как-то по судьбе, оказалась близка с этим замечательным человеком.

Как мы изучали Индию: Из воспоминаний.

Здесь речь пойдёт о становлении изучения истории и современности Индии в нашей стране в 30-х годах и в последующие десятилетия прошлого века, а в особенности о тех условиях, в которых оно происходило. Я родился в 1927 году, и 30-е годы упоминаются со слов совсем немногочисленных наших учителей, далее следуют мои личные воспоминания и некоторые наблюдения.¹

Первое знакомство.

Незадолго до конца Великой отечественной войны я вместе с двумя-тремя школьными товарищами прочёл у Ромена Ролана о Рамакришне, Вивекананде и Ганди. Это в многотомном собрании его сочинений, изданном в 1936 году, ведь Ромен Ролан был другом Советского Союза. Конечно, нельзя сказать, чтобы я всерьёз понял прочитанное, всё же как-то привлекала необычность, неведомость того, что называется духовностью, или «духовным подходом» по выражению Джавахарлала Неру, который считал себя атеистом и в тоже время настаивал на таком подходе. Но, пожалуй, меня больше привлекал Тагор опять же своей необычностью и «вселенскостью» того же порядка, но более доступной: «На морском берегу бесконечных миров собираются дети...». Изданный в России еще до революции томик его стихов «Гитанджали» оказался в книжном шкафу моих родителей. Оба комсомольца 20-х годов, затем члены партии. Отец – инженер, мать – архитектор. Тагор был популярен в России ещё накануне I мировой войны.

Мы просто дружили, рассуждали и ничьего внимания не

---

¹ Подробнее и то, и другое представлено в моей книжке: Комаров Э.Н. В России и Индии. М., «Восточная литература», 1998.

привлекали. А потом дошли слухи, что студенческий кружок (если это был кружок), где читали те же работы Ромена Роллана об индийской моралистической философии и учении Ганди, внимание привлек, и его участники попали под жернов репрессий. В новом собрании сочинений Ромена Роллана, вышедшем в 70-х годах, этих его работ уже не оказалось. Значит, не помогла и советско-индийская дружба, хотя в иных случаях она помогала.

В Московском институте востоковедения.

В 1945 году я поступил в Московский институт востоковедения (МИВ), которому наследует нынешний Институт стран Азии и Африки при МГУ. Подтолкнуло то чтение, о котором сказано. Но важнее все же был какой-то полусознанный интерес к «обществу» и к чему-то вроде «мирового развития», интерес, который был присущ моим товарищам коллегам-индоведам, прежде всего тем, что прошли войну даже в тылу (по возрасту), не говоря уже о фронтовиках. В учебной атмосфере МИВа главным было национально-освободительное движение (конечно, только то, которое «антиимпериалистическое»), а что до мирового развития, то оно представляло не иначе как идущим согласно революционным предначертаниям марксизма-ленинизма. Это было время начавшегося формирования «мировой системы социализма», время послевоенного подъема освободительного движения в Азии и наступавшего крушения колониализма с перспективой перерастания борьбы за национальную свободу в «социалистическую революцию», как в Китае, хотя революция могла называться «народной» или как-нибудь иначе. Понятно, что все это впечатляло и привлекало.

Я был в «бенгальской группе» (Тагор, Рамакришна, Вивекананда — бенгальцы). Бенгальский язык нам преподавал «революционный эмигрант», живший в Советском Союзе с 30-х годов, террорист (если верить его рассказам) и отнюдь не лучший представитель индийских революционеров, к тому же мало пригодный для преподавания. Но он — живой носитель языка, что тогда у нас было редкостью. Современные индийские языки изучались скорее как мертвые. Никаких непосредственных контактов с Индией и индийцами (кроме этого преподавателя) у нас не было. Лишь под конец обучения стали читать на занятиях одну единственную бенгальскую газету.

Помню, как однажды, вскоре после открытия посольства Индии в Москве в 1947 г. в МИВ пришли двое посольских индийцев. Не знаю, предупредили ли они о своем приходе, но едва они вошли за порог, их окружила толпа студентов, стал завязываться разговор (была перемена). Но появился замдиректора, он извлек пришельцев из толпы и увел в директорский кабинет. А на следующий день собрал студентов Индийского отделения и внушал нам ни в коем случае не встречаться с иностранцами, тем более из посольства, потому что они занимаются вербовкой и «иначе быть не может». Чем бы он ни руководствовался в этом внушении, оно должно было убереечь от лагерного срока, которым в те годы расплачивались «за связи с иностранцами». Было и многое другое, что тогда могло грозить тем же, а сейчас это трудно даже представить.

В начале 50-х годов я был в лекторской группе московского горкома комсомола, читал лекции в молодёжных аудиториях о национально-освободительном движении и международном движении «демократической молодежи». Мы, члены лекторской группы, в основном аспиранты, стали было обсуждать свои лекции не в помещении горкома, а на дому у одного из нас, чья квартира позволяла собираться для этого. Лекции, конечно, насквозь ортодоксальные, а то и похуже. «А как сказать, если бастующие рабочие капиталистической страны требуют того, чего нет у советских рабочих. Нужно сказать, что они требуют улучшения условий труда», — говорил как о находке один из участников группы (впоследствии заметный функционер в сфере международных отношений), впервые узнавший об этом приеме. Однако вскоре кто-то сообразил, что собираться подобным образом ни в коем случае нельзя. Достаточно было самого малого намека, чтобы все поняли почему.

Разумеется, студенческая жизнь не сводилась к этим эпизодам, пусть они и отражали характерную атмосферу тех лет. Хотя индийские языки и изучались скорее как мертвые, но не совсем уж так. Устраивались «индийские вечера» (правда без индийцев), где разыгрывались скетчи, читались стихи и даже пелись песни на хинди и бенгальском. Мы знали гимн национального движения на бенгальском «Банде матарам» («Приветствую Родину!») и боевой марш на хинди «Чало Дили» («Вперед, на Дели!»). Правда национальный гимн независимой Индии

не знали. Бывали и вечера с выступления и песнями на английском языке и английская стенгазета тоже. И, конечно, начиналось узнавание «изучаемой страны», (так я потом называл ее по примеру дипломатов, у которых была «страна пребывания») – узнавание в аудитории и в библиотеке, а узнанное углублялось и демонстрировалось в НСО (Научном студенческом обществе).

Учителя.

Нас учили ещё на студенческой скамье, а затем в аспирантуре, главным образом те индологи, кого вполне можно было бы назвать «старыми большевиками» из марксистской интеллигенции. Это историки Игорь Михайлович Рейснер (1898-1958), Алексей Михайлович Дьяков (1896-1974) и Николай Максимович Гольдберг (1891-1961). Но формально (по партстажу) «старым большевиком» был лишь А.М. Дьяков (он занимался преимущественно новейшей историей), тогда как Н.М. Гольдберг (новое время) и вообще был беспартийным, хотя в своё время работал в Коминтерне. Может быть, только Александр Михайлович Осипов (1897-1969), тоже беспартийный (перед войной он занимался современной Индией, а в дальнейшем в основном историей индийского раннего средневековья), всё же не подходил под эту категорию (более критично относился к советской действительности, да и к «коммунизму» вообще), но был лично близок Рейснеру и Дьякову. Близка с ними была и К.А. Антонова (1910-2008), ученица И.М. Рейснера, старейший отечественный индовед-медиевист. Человек широких социально-мировоззренческих взглядов она оказывалась ортодоксом в том, что касалось представлений Маркса о доколониальной Индии. Такое подчас бывало у востоковедов.

Свою роль в становлении изучения Индии еще в 30-е – 40-е годы сыграли Р.А. Ульяновский (1904-1995), член партии, занимался экономикой и политикой в Индии, ререссирован в 30-х годах, вернулся в 50-х, София Моисеевна Мельман (1896-1978), старый член партии, экономист, в дальнейшем учитель аспирантов, занявшихся экономикой Индии, и Владимир Васильевич Балабушевич (1900-1970), в молодости работник Коминтерна (индийское национально-освободительное и рабочее движение), правда тогда беспартийный, в последствии, в 60-х годах заведующий отделом Индии в нашем институте (ИВАН). С.М. Мельман е можно было назвать ортодоксом. Индоведам

помогал П.В. Куцобин (1917-1991), влиятельный работник Международного отдела ЦК, автор ряда работ о политике и левом движении в Индии.

Самым ярким среди наших учителей был, конечно, И.М. Рейснер, сын известного адвоката, связанного с революционным движением и ставшего одним из авторов первой советской конституции. Старшая его сестра — Лариса Рейснер, из первых советских журналистов — послужила прообразом комиссара в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. В 20-х годах она принадлежала к высшим партийным кругам, а её ранняя кончина, можно сказать, наверняка избавила её от репрессий, которых не избежал её брат, но у него как-то скоро обошлось — редчайший случай.

От Рейснера можно было услышать, что «у английских рабочих пояса затянуты туго (после войны), а в головах — реформистская каша». Это в разговоре со мной, его учеником, по поводу провала коммунистов на послевоенных выборах в Англии. От них ожидали многого вслед за тогдашними событиями во Франции и Италии. Но тогда же Рейснер едко иронизировал по поводу различных официальных нелепостей, мог, например, заметить о награждении Москвы орденом Ленина (по случаю 800-летия, 1947 год), что теперь осталось разве что назвать «СССР имени Ленина», называл каменного истукана, оказавшегося в парке подмосковного дома отдыха, народным умельцем, который думает «заветную думку» (штамп тех лет, а «думка» о Сталине), а известный доклад Хрущева на XX съезде КПСС (1956 г.) следовало озаглавить «Как дошли мы до жизни такой».

Это был настоящий исследователь, и старался воспитывать исследователей. Цитировал: «Если у Сатурна есть кольцо - его надо исследовать», или «Источник молчит, если его не спрашивают». А при этом внушал: «Нужен материал, конкретные факты. А идеи - у кого их нет». Насчет идей, это, конечно, в воспитательных целях. Сам он просто не был способен обойтись без выхода на обобщение, изучал ли он (всегда, наряду с преподавателем) историю индийского национально-освободительного движения (это ещё с 30-х годов) или Могольскую Индию, или формирование государства у афганцев (в основном после войны).

В своей работе «К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени» («Вопросы истории», №

6, 1951) он изложил ряд наблюдений и выводов относительно исторического происхождения различий между Востоком и Западом, какими они предстали к началу нового времени. Эта работа И.М. Рейснера оказалась несправедливо забытой, хотя без учета некоторых его выводов и наблюдений рациональная трактовка соответствующей проблематики всемирной истории не представляется возможной. В частности, важен его вывод насчет гораздо более высокой урожайности и соответственно нормы прибавочного продукта на Востоке, чем на Западе в средние века. В этом обстоятельстве Рейснер видел «дополнительный источник силы и власти феодалов над крестьянами и нарождавшимися буржуазными элементами», что служило одной из причин "тенденции к застою в феодальных обществах Востока". Как явствует уже из этих формулировок, Рейснер не считал средневековый Восток застойным вообще. Он стремился найти слова, чтобы охарактеризовать определенное соотношение противоречивых факторов, которое обусловило то, что он рационально определил как «исторически сложившееся отставание Востока к началу нового времени». К сожалению, Рейснер не мог подтвердить свои наблюдения и выводы специальным эмпирическим исследованием. Как правило, на такие работы просто не хватало сил у тогдашних наших исследователей Индии. Их можно было пересчитать едва ли не по пальцам одной руки, и им приходилось одновременно заниматься весьма различной проблематикой, не говоря уже об общественно-политических условиях, в которых они жили, о чем речь впереди. Но и в течение последующего столетия после выхода названной работы Рейснера специальных сравнительных исследований о производительности традиционного индийского земледелия у нас не было, несмотря на появление целого ряда работ об «аграрном строе» Индии разных времен, отнюдь не безынтересных в иных отношениях.

Между тем уже в то время, когда вышла работа Рейснера, само понятие «отставание Востока» становилось не очень-то приемлемым. Рейснеру, тем не менее, досталось и за эту работу, как не раз доставалось ему даже за пустяки, которые, однако, блюстители идеологического порядка таковыми не считали. Обмолвился в лекции, сказав об основоположнике «старик

Маркс», последовало разбирательство в партбюро исторического факультета МГУ.

И.М. Рейснер говорил, что ученикам надлежало стоять на плечах своих учителей. Эти учителя давали пример не только исследовательского дела. Вот как отозвался о них специалист по Индонезии А.Б. Беленький, который в свое время работал издательским редактором со многими авторами: «Удивительный народ эти индологи. Нередко автор старается нас уверить, что именно он, и никто другой, является крупнейшим специалистом в своей области, а у индологов наоборот: приходит Н.М. Гольдберг и восхваляет И.М. Рейснера, приходит А.М. Дьяков и самым лестным образом отзывается о знаниях и опыте Н.М. Гольдберга». Конечно, не все учившие нас были столь благостными. И всё же те, кто назван здесь, и не они одни, создавали атмосферу порядочности, взаимного доверия и доброжелательности во многом вопреки тогдашним временам.

Востоковеды моего поколения начинали узнавать о Востоке, особенно о Востоке нового и новейшего времени, прежде всего, от советских исследователей, приступивших к изучению Востока в 20-30-х годах. Благодаря «старику Марксу» наши учителя смогли увидеть то, что до них замечали мало или вовсе не замечали, и ставить такие вопросы, которые прежде не ставились. Это, несмотря на сковывавшую вульгарную трактовку марксистских социологических представлений, которая преобладала в тогдашних советских условиях. Книгу молодого Рейснера можно назвать первым (и не только у нас) систематическим изложением новой истории Индии как комплексного исторического процесса. Правда, книга имела довольно нелепое название: «Очерки классовой борьбы в Индии. От распада Могольской державы до мировой империалистической войны» (1932), и печать тогдашнего нашего времени, конечно, лежала и на самой книге. Тем не менее, уже первые советские исследователи — пусть их наблюдения были сугубо первоначальными, а то и мимолетными — отмечали специфику исторического процесса в Индии. В частности Рейснер указывал, что в Индии, в отличие от Запада, фабричная промышленность возникала без предшествовавшего мануфактурного периода (1932 г.), и это обстоятельство сыграло свою важную роль в своеобразном общественном развитии страны в колони-

альных условиях. Начинали обращать внимание на особенности аграрного строя Индии и социальной структуры индийской деревни, равно как и на перемены, происходившие уже в колониальные времена (Л.И. Мадьяр, И.М. Рейснер, Г.А. Шмидт, Р.А. Ульяновский – в сборнике статей, 1934 г.). Стали исследоваться национальные отношения в многонациональной и поликонфессиональной Индии (А.М. Дьяков, 1948 г.). Конечно, приступили к изучению национально-освободительного движения, а особое внимание старались уделить рабочему движению и выступлениям крестьянства — В.А. Гурко-Кряжин (1887-1931), М.П. Павлович (1871-1927), И.М. Рейснер, В.В. Балабушевич, А.М. Дьяков.

«В духе времени» роль рабочего движения, да и радикализм масс вообще преувеличивались и нередко без всякой меры. Так полагалось. Помню, как готовя свою студенческую дипломную работу (1950 г.) о национальном движении в Бенгалии в начале XX века, я однажды сказал Рейснеру, что, мол, движение было ещё слабым из-за средневековой приниженности и пассивности масс, особенно в деревне. Рейснер ответил, почему-то по-английски: «Don't blame the masses» («Не вините массы»). Винить полагалось любое руководство «буржуазное», «мелкобуржуазное» — любое, но, конечно, не коммунистов (винить их — особая прерогатива коминтерновских, а фактически советских партийных верхов, Сталина), тем более что коммунистов в Индии в 900-х годах не было. А.М. Дьяков за критическое высказывание в адрес индийских коммунистов в своей книге (1952 г.) и при том, конечно, со ссылкой на соответствующее высказывание самого Сталина получил выговор от «Президиума Академии Наук СССР».

Между тем, от того, как пойдёт поднимавшееся рабочее движение, как поведут себя массы, начинавшие вовлекаться в национально-освободительную и антифеодальную борьбу, зависело очень многое — судьба страны. И вряд ли кому-нибудь придёт в голову обвинять индийское национальное руководство — Ганди, Неру и других лидеров, возглавлявших Индийский национальный Конгресс (ИНК), в игнорировании роли рабочего движения и самой возможности радикализации масс. Напротив, уже с первого десятилетия XX века, они уделяли пристальное и активное внимание, конечно по-своему, всему этому отнюдь не

меньше любых марксистов. Внимание было, прежде всего, практико-политическим, а цели, конечно, реформистскими, да ещё в рамках гандистского ненасилия. Вот это вызывало «праведный гнев» против «сглашательской буржуазии» и её «национал-реформистской агентуры», прежде всего, Ганди, да и Неру, которых «рабочий класс» должен был смести, возглавив «антиимпериалистическую и антифеодальную аграрную революцию». Но какими бы нелепыми и несбыточными ни представлялись эти построения применительно к Индии, именно советские исследователи попытались дать, можно сказать, «многомерное» социологическое истолкование индийского национально-освободительного движения, когда в немарксистской историографии преобладало примитивное представление (оно встречается до сих пор и не так уж редко), что освободительное движение возникло лишь в результате «английского образования», которое получала индийская социальная элита. Между прочим, тогдашняя (а подчас и позднейшая) немарксистская историография индийского национального движения — это одно, а политическая практика (да и общественная мысль) его руководства — совсем другое.

Наконец, появились талантливые литературоведческие работы посвящённые главным образом Тагору (М.Л. Павлович (Вельтман) 20-е годы, Н.М. Гольдберг, 1941 г. и др.). Шло становление систематического преподавания индийских языков профессионального изучения и преподавания истории Индии с древнейших времен до наших дней, тогда как здесь упомянуты лишь исследователи (и то не все) новой и новейшей истории этой страны, а лишь отчасти ее средневековья.

Конечно, гораздо более обстоятельное социологическое истолкование истории Индии вообще и индийского освободительного движения в особенности давали вышедшие позднее (чем, скажем, книга молодого Рейснера, 1932 г.), работы марксиста Р. Пальма Датта («Индия сегодня», 1940, 1946 г.) и Джавахарлала Неру («Открытие Индии». 1945 г., а также, по-своему, и его «Автобиография», 1936 г.). Подход Неру был, в сущности, историко-материалистическим и стал таковым отнюдь не «стихийно». Это не избавило книги Неру (обе были написаны им в тюрьме) от заключения в нашем «спецхране» до поездки их автора в Советский Союз в 1955 г. уже в качестве премьер-министра Индии. Тогда их издали у нас, но было сделано так, что приобрести эти книги оказы-

валось далеко не просто.

Здесь нельзя не сказать и о том, что и Пальм Датт, и Неру создавали свои работы в несравненно более благоприятных условиях, чем тогдашние советские исследователи, и конечно, главным образом не потому, что никто из последних в Индии не бывал, если не дожил до 60-х годов, а дожили немногие. Даже то, что Неру написал две свои главные работы колониальных времен в тюрьме, свидетельствует не только о стойкости его самого, но и даёт представление об условиях в этой тюрьме (во всяком случае, для политзаключенных вообще, а лидеров, в особенности).

В аспирантуре

В моём дипломе об окончании МИВа его владелец назван «страноведом по Индии». Хорошо ли это или, скорее, не очень, но страновед мог становиться «прислугой за всё» — заниматься различной проблематикой даже одновременно или во всяком случае на протяжении своей «карьеры». Так работали Рейснер и Дьяков (он был также и лингвистом) и приучали к этому своих учеников. Например, когда я готовил кандидатскую диссертацию по аграрным отношениям в аспирантуре ИВАН, Рейснер, мой научный руководитель, поручил написать два реферата: один теоретический по аграрной же тематике, а другой скорее эмпирический — об особенностях материального положения и формирования рабочего класса в Индии бюджетных исследований. (Работа вышла в 1953 г.).

Между тем, послевоенное поколение востоковедов не только было гораздо более многочисленным, чем их предшественники (к тому же частично выбитые репрессиями). Главное — они, как правило, могли работать более углублённо над доступным материалом. По Индии его оказывалось не так уж мало — собирали ещё в дореволюционной России, а затем и в советское время. Уже к середине 50-х годов стали выходить сборники, а вскоре и монографии, содержавшие довольно детальные исследования. Это позволило подготовить общими усилиями индологов старшего и молодого тогда поколения крупные коллективные труды «Новейшая история Индии» (1959 г.) и «Новая история Индии» (1961 г.). Позднее вышли аналогичные коллективные работы по древней и средневековой истории Индии. Ничего подобного в нашей стране прежде не было, а ряд тем прежде не исследовались и не только у нас. Происходил определенный

сдвиг в изучении Индии вообще, который намечался у нас еще на рубеже 40-50-х годов, а в последующие десятилетия изучение получило дальнейшее существенное развитие.

Техника безопасности: «Всё, что вы скажете, может быть использовано против вас».

А теперь скажу об условиях, в которых шла востоковедная работа до середины 50-х годов, а в немалой степени и ещё довольно долго впоследствии.

Мои представления об аграрном строе, сельской общине и ремесленном производстве в Индии на рубеже XVIII-XIX веков, отличавшиеся от «ортодоксальных» у нас (они изложенные сначала в кандидатской диссертации, 1953 г.) встретили возражения, правда со стороны немногих и не очень громкие. И.М. Рейснер и официальные оппоненты А.М. Дьяков и А.М. Осипов меня поддерживали, и защита состоялась. Но как тщательно Игорь Михайлович правил мой автореферат и некоторые разделы диссертации, строя частокол вводных и придаточных предложений, который должен был ограждать от догматических нападков. Я был замечен, что не стоит так уж беспокоиться, ведь у меня немало ссылок на Маркса и Ленина, на их высказывания о средневековой деревне вообще, да и тема моя отдаленная и мало кого интересует, он ответил крылатым четверостишьем из XIX века:

Ходит птичка весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий.

Это был урок «техники безопасности». В дальнейшем на её соблюдении особенно настаивал, будучи специалистом в этом деле, В.В. Балабушевич, который руководил отделом Индии в ИВАНе в 60-х годах. Не ради «проходимости» каких-либо неортодоксальных идей, как у Рейснера, а просто «ради страха» — из осторожности, словно по американской процессуальной норме, когда арестованному говорят: «Всё, что Вы скажете, может быть использовано против Вас». Эта осторожность была производной от тяжёлых склок и разборок на политико-идеологическом «фронте» 20-х — начала 30-х годов, которые давали «материал» для репрессий. В конце 40-х годов тем же целям

служили, но уже по-иному, кампании против «буржуазной науки» и против «космополитизма». Когда в отделе кадров ИВАН стали интересоваться национальной принадлежностью (независимо от указанной в анкетах), некоторых сотрудников, происшедших от смешанных браков, Алексей Михайлович Дьяков заметил (конечно, не публично): «Это не национальное регулирование. Это уже расизм». Он в 20-х годах работал в Таджикистане, был награждён тогдашним Таджикским орденом и, очевидно, оттуда вынес признание «национального регулирования» кадрового состава руководящих учреждений.

Пробуждение

Выступая с трибуны XX съезда КПСС, А.И. Микоян не постеснялся украсить свою речь риторической фигурой, заявив, что Восток давно пробудился, а Институт востоковедения всё еще спит. Оратор словно не знал, к чему у нас вело любое несанкционированное «пробуждение» даже хотя бы в исследовательской работе. Лицемерии хватало и «внизу». На чтение «секретного» доклада Хрущёва в Институте был допущен некоторый контингент беспартийных (в то время, как правило, беспартийными либо комсомольцами были мои коллеги-сверстники, как и сам автор), но уборщице, той самой «кухарке», которой Ленин прочил управлять государством, дали от ворот поворот.

Между тем, пробуждение наступало и в Институте. Здесь я имею в виду не дальнейшее расширение исследовательской работы, которое было весьма существенным, в частности, постепенно налаживалось изучение политического развития независимой Индии, а позднее начали использоваться специальные методы политической науки (политологии). Сейчас речь пойдёт о том, что действительно заслуживало название пробуждения, как бы ограничено и трудно оно ни совершалось.

На институтском партсобрании вскоре после XX съезда старый член партии в прошлом политический работник — китаист Г.И. Мордвинов (1896-1966) и молодой тогда индолог П.М. Шаститко (1923-2009.) предложили провести общепартийную дискуссию о причинах «культа личности» и необходимости их устранения. «Не хочу, чтобы меня держали за дурака» — начал свое выступление Мордвинов, имея в виду официальное

осуждение одних лишь Сталина и Берии. Шаститко говорил о необходимости соревновательных выборов в советы и повышения роли самих последних. Обоих поначалу исключили из партии за «антипартийное, объективно враждебное выступление» и изгнали из Института. Правда, в дальнейшем ограничились строгим выговором за «непартийные высказывания» и восстановили на работе. Однако за попытки студенческой и аспирантской молодёжи нелегально организовать в качестве тогда ещё обычно «независимых марксистов» (среди участников были и востоковеды) и вести пропаганду (листовки) давали лагерные сроки — до 10 лет, хотя позднее их сроки сократили.

Куда там до соревновательных выборов в советы, такие выборы не допускались и в самой парторганизации даже первичной — на уровне Института. Если какое-то время после XX съезда на выборах в партком Института члены партии могли свободно выдвигать кандидатов на институтском партсобрании («из зала»), то вскоре это уже не допускалось; Кандидатуры членов парткома подбирались институтским руководством вместе с инструктором райкома, а формально выдвигались на «сообщении» секретарей парторганизаций отделов. Сами же эти секретари подбирались подобным же образом, а кандидатура секретаря парткома института санкционировалась не только райкомом, но «отделом науки» ЦК. Уже тогда «партийно-государственное» руководство признавало, сколь различными были миллионы членов партии, которые, несмотря на ограниченный приём интеллигенции, необходимо составляли в тогдашних условиях большинство более образованных и общественно активных людей страны. Намечалось то, что впоследствии, однако лишь через четверть века, привело к краху КПСС.

Между тем пробуждение, первоначально выплеснувшееся на партсобрании ещё в 1956 году, продолжалось. Оно проявлялось по-разному, шло извилистыми путями, но так или иначе стремилось выйти за рамки дозволенного, отчасти теперь размытые, но только отчасти. Пробуждавшихся придавливали, но все же терпели даже на административных должностях, если выход за рамки не шел дальше умеренного и даже более или менее скрытого «ревизионизма» в работах, а также критических разговоров и не сопровождался каким-либо политическим действием. Значило это вот что. Вызывали недо-

вольствие, а то и угрозы «сверху», в частности, работы Н.А. Симонии и Л.И. Рейснера (сына И.М. Рейснера), которые ставили общие вопросы эволюции развивающихся стран при вольном подборе и толковании цитат из Ленина, особенно тех, что относились ко временам НЭПа.

Иначе обходились с теми, кто решился на некоторое действие, пусть самое минимальное, – поставил свои подписи под «письмами» (фактически – петициями) в защиту преследуемых инакомыслящих. Среди «подписантов» в нашем Институте более заметными были индологи, как правило, талантливые специалисты своего дела – Ю.Я. Глазов, Т.Я. Елизаренкова, А.М. Пятигорский, Б.Л. Огибенин, О.Ф. Волкова, Е.С. Семека. Почти все они уже ушли из жизни. Они не были членами партии (иначе следовало немедленное исключение) и обычно занимались неполитизированной тематикой – главным образом лингвистикой, древней и средневековой филологией и философией. На идеологические отклонения в этой области, если для таковых здесь вообще находилось место, теперь скорее не обращали внимание, всё же не 30–40-е годы. Иное дело «подписанство» — политическое действие. За него карали, конечно, не так, как было бы прежде, но карали. Глазов и Пятигорский были уволены. Остальных держали в академическом «чёрном теле» — ограничивали возможности научной карьеры, делали «невъездными», т.е. не допускали участия в научных мероприятиях за рубежом и в то же время подталкивали к отъезду навсегда тех, для кого это было возможно по этнической принадлежности. Впрочем «невъездными» оказывались и некоторые члены партии, даже те, что занимали административные должности. Это за «разговоры», если они становились известны: «Много болтает».

Перемены.

Перемены, последовавшие за смертью Сталина (1953) и XX съездом КПСС (1956) были вдохновляющими для моих товарищей и коллег, независимо от возраста. Шла реабилитация. Вернулись индологи Р.А. Ульяновский (1904–1995) и Ю.В. Ганковский. Ещё студентом я читал некоторые работы Ульяновского об аграрной Индии, не изъятые по недосмотру из библиотеки МИВа. Их автор, принадлежавший к поколению наших учителей, провёл около 20 лет в лагерях и ссылке. Ю.В. Ганковский (1921–

2001), участник войны, был репрессирован вскоре после её окончания за неортодоксальный вопрос, заданный им на лекции в МГУ. Вернувшись, оба заняли видное место в Институте, а Ульяновский затем и в Международном отделе ЦК, что представляло редчайший случай. Те мои коллеги и товарищи, чьи родители были репрессированы, теперь вздохнули свободнее, — стиралось прежнее анкетное клеймо.

Чувствовался общественный подъём, уже потому, что на рубеже 50-60-х годов «вдруг» возшло созвездие замечательных талантов, прежде всего литературных. Вырываясь из охранительных поводов, которые теперь стали гибче, хотя цензура, конечно, бдела, были и репрессии против активных «инакомыслящих», что приводило к появлению «сам- и тамиздата». Новая литература, в том числе и неподцензурная сразу же оказалась в центре общественного внимания, особенно у нас — молодёжи. Как правило, их произведения не столько открывали глаза на действительность, во многом уже известную и без них, сколько привлекали своей честностью и зачастую воспринимались как первые ласточки грядущей свободы, хотя вскоре выяснилось, что до нее еще далеко.

Кое-что из перемен:

из коммуналки в отдельную квартиру.

Перемены в культуре опережали перемены в материальных условиях жизни народа. Но и сами эти условия стали меняться к лучшему, что играло по-своему освобождающую роль.

Особенно наглядно о начавшемся росте жизненного уровня свидетельствовало массовое жилищное строительство. Какими бы скромными ни были «хрущевские» пятиэтажки, туда селились, и, как правило, в отдельные квартиры, люди из коммуналок, бараков и подвалов, каких было великое множество и в самой Москве. Если мне повезло не жить так, то я многое там видел, особенно, когда бывал «агитатором» на «выборах» как и другие студенты и аспиранты в 40-50-х годах.

В 50-х годах среди более тридцати сотрудников тогдашнего отдела Индии и Юго-Восточной Азии ИВАН не набралось бы и полдюжины тех, кто жил в отдельной квартире, как автор этих строк. Остальные, среди них старшие индоведы, как В.В. Балабушевич и

Н.М. Гольдберг, в 30-х годах работники Коминтерна, правда, на небольших должностях, жили в коммуналках, получше – у Балабушевича, похуже многих – у Гольдберга. У моего коллеги и товарища, участника войны В.И. Павлова с женой была комнатуха — куда едва помещались кровать и этажерка с книгами, а маленькое оконце выходило на «черную» лестницу. Некогда это была кладовка в большой многокомнатной квартире «бельэтажа», которая могла принадлежать, скажем, профессору. Коммунальные жильцы, теперь населявшие её, между собой не ладили, и длинный стол для кухонных нужд в общей кухне был разделен фанерными перегородками. Война ещё недалеко ушла в прошлое, и я называл эти перегородки броневыми щитками.

В дальнейшем все или почти все сотрудники нашего отдела как и других подразделений Института стали жить в отдельных квартирах.

* * *

Общественный подъём, наступивший на рубеже 50-х – 60-х годов, способствовал подъёму отечественной науки вообще и общественных наук в особенности, в том числе востоковедения, включая изучение Индии. Существенно расширилась проблематика индийских исследований – от различных проблем древности и средневековья до политического и экономического развития независимой Индии, от языкознания и этнографии до литературоведения и искусствоведения. К концу прошлого столетия читатель в нашей стране мог получить представление если не обо всех, то во всяком случае о многих важных явлениях индийской истории и современности. Появились переводы на русский произведений политических и общественных деятелей Индии прошлого и настоящего, индийских прозаиков и поэтов, конечно, прежде всего Тагора – два собрания его сочинений в 7-ми и 12-ти томах.

В 50-60-х годах возникла, можно сказать, плеяда отечественных исследователей Индии различных специальностей (десятки исследователей). Ряд их известны за рубежом. К сожалению многие из них, особенно те, что родились в 20-х–40-х годах (моё поколение), уже ушли из жизни. Следует сказать, что индоведам этого поколения, да и не только его, были, как правило, присущи определённая социально-мировоззренческая

общность, критический настрой, как и многим из советской интеллигенции. Среди нынешних старшего и среднего поколений индоведов есть способные и успешные исследователи и преподаватели. Но молодежи явно мало.

В Индии.

Свою роль в подъёме индоведческих исследований в нашей стране сыграло советско-индийское сотрудничество, которое стало налаживаться во второй половине 50-х годов. Однако поначалу идеологическая самостоятельность Индии оказалась непривычной для советского руководства.

С одной стороны, некоторые официозные публицисты и академические иерархии кинулись пересматривать прежние уничижительные оценки индийского национального руководства, в частности Ганди. Но способ мышления оставался прежним, вульгарно-классовым. Посему Ганди из представителя «соглашательской буржуазии» и даже «агента империализма» превращался в индийского «крестьянина». Понятно, что это из-за его близости к Толстому и ленинских высказываний о последнем. Каких-либо содержательных оценок Неру публицисты вообще не давали, отделяясь славословиями насчёт «великого сына Индии» и «выдающегося государственного деятеля Азии». Но с другой стороны, когда Неру в конце 50-х годов довольно сдержанно, но всё же определённо осудил «коммунизм как политическую систему», последовал своего рода официальный окрик, мол, в Индии полиция стреляет по демонстрирующим забастовщикам. Н.М. Гольдберг на это заметил, что официозный автор высказывался так, словно Неру, подписав соглашение об индийско-советском сотрудничестве, дал подписку любить «коммунизм». Между тем, советские достижения в области индустриализации, науки и образования Неру хвалил побольше многих и искренне, особенно потому, что они дали «мышлению индийцев новый импульс» и «направили его в сторону экономики», как он писал, имея в виду поиски путей ускоренного подъема народного хозяйства родины. Чтобы уйти от «классовых» нелепостей, потребовалось призвать на помощь Энгельса, его замечание о способности Лютера давать «всеобъемлющее выражение взаимоперекрещивающимся стремлениям различных классов и слоев». Я и сейчас полагаю, что это определение подходит особенно к Ганди, а, по-

своему, и к Неру.

* * *

Благодаря дружественным отношениям нашей страны с Индией доступными становились поездки индологов в научные командировки «по обмену». Более того, появилась определённая возможность издания работ (даже за рубежом) по политологической проблематике (выборы, многопартийность), а также по некоторым другим вопросам (современная общественная мысль, моралистическая философия и др.). Надо сказать, что сколько-нибудь объективное освещение этой проблематики, применительно ко многим другим странам еще долго оставалось почти, а то и вовсе невозможным в советских публикациях.

Открытость Индии позволяла встречаться с интересными и выдающимися людьми в различных областях жизни этой страны и, конечно, с индийскими коллегами — исследователями, тоже зачастую людьми незаурядными. Доводилось бывать на промышленных предприятиях и в деревнях, слышать простых индийцев, пользоваться их исключительным гостеприимством. Стоит вам оказаться в деревне или в пригородном поселке, вас непременно пригласят зайти в дом, даже бедняки будут стараться угостить вас чем-нибудь, хотя бы чаем или, если у них есть, молоком. От другой еды приходилось отказываться, а пить только кипячёное — у нас нет необходимого иммунитета против тамошних желудочно-кишечных заболеваний.

В конце 50-х годов я поехал на работу в Посольство СССР в Индии от Союза советских обществ дружбы (ССОД). Вспоминалось, как И.М. Рейснер в начале 50-х годов говорил мне, что поехал бы в Индию «хоть кочегаром» на корабле. Именно так побывал там в молодости Н.М. Гольдберг ещё накануне 1-й мировой войны, но потом — никак и никогда. Рейснер в начале 20-х годов был недолго младшим дипломатическим работником в Афганистане и в Европе, но с тех пор за границей не бывал.

Когда я работал в посольстве (два года), и тем более в последующих поездках, мне было интересно читать лекции и выступать на массовых митингах. В лекциях речь шла главным образом об изучении Индии в нашей стране и об истории связей между двумя странами, а массовые митинги, где доводилось

выступать, были посвящены, прежде всего, советско-индийскому сотрудничеству. Изучение Индии в нашей стране позволяло рассказать кое-что небезынтересное также и для индийской аудитории в колледжах и университетах. Небезынтересное как по подходу, новому для многих индийских слушателей (а подход наших индологов, как правило, вовсе не был примитивно-догматическим), так и по результатам некоторых конкретных исследований.

Выступления на массовых митингах в деревнях и городах позволяли познакомиться, помимо прочего, с одним из способов предвыборной агитации, о которой раньше читал в индийских газетах. Это длительные поездки политических лидеров, в том числе и самого премьер-министра по многим деревням. «Странствующий» лидер говорил краткую речь в деревне и тут же ехал в следующую. Свое важное значение для собравшихся селян имела сама возможность увидеть лидера, что называлось *дарман*. Так доводилось ездить и мне. Запомнились встречи с сельскохозяйственными рабочими из низших каст — «неприкасаемых» или хариджаны. В одной из деревень в Бихаре я спросил их среди прочего, «бьют ли» их (это было в 1977 г. когда газеты пестрили сообщениями об издевательствах над рабочими—неприкасаемыми (*хараджанами*)). Они ответили: «Мы не позволим». Эти сельские рабочие были организованы под руководством левых политических активистов. В другой деревне, где смешанное население — хараджаны и кастовые индусы, а главой (*сарпанчем*) деревенского совета был хараджан, я спросил у него и у собравшихся (человек 200) обращаются ли к нему кастовые индусы за разрешением споров (это одно из дел сарпанча), собравшиеся согласно ответили «да», а, когда я спросил, было ли так лет двадцать назад, закричали «нет». Доводилось выступать и на многотысячных митингах в городах, больших и малых. Нужно было учиться удерживать внимание собравшихся. Я учился этому у индийских ораторов, нередко мастеров элоквенции.

* * *

Впервые я побывал в Индии 1956 г., и тогда еще можно было увидеть воочию те условия жизни народа, в которых начиналось самостоятельное национальное развитие страны после долгого коло-

ниального правления. Это прежде всего нищета, нередко просто чудовищная, нечеловеческая. Рука не поднимается приводить кричащие ее примеры. Скажу лишь об обычном. Улицы городов кишели нищими. По ночам тысячи и тысячи людей спали на тротуарах. Вроде бы климат позволял, но если «зимою» в Северной Индии температура иногда опускалась, скажем, до (плюс:) 7-ми – 8-ми градусов, это могло оказаться смертельным. У многих не было ничего, кроме ничтожной утвари и жалкого тряпья, служившего им одеждой и не всегда хватавшего на подстилку. Если подавать нищим, то только незаметно, иначе они могли собраться толпой. Советский учёный, работавший в одном из институтов в Калькутте, едва не лишился рассудка и стал раздавать нищим, что у него было.

Жизнь многих, и не только бедняков, низведённых до крайней нищеты, была какой-то заторможенной. Приведу полшутливое замечание известного в своё время политического деятеля – социалиста д-ра Рамманохара Лохии (1910-1967). В 60-х годах он выступал за объединение всех оппозиционных сил от правых религиозных националистов (партия Джан сангх) до коммунистов против правящей партии Индийский национальный конгресс (ИНК), преобладавший тогда над другими партиями. Лохию обвиняли, что, привлекая Джан сангх, он тем самым прокладывает дорогу фашизму в Индии. Лично я не верил этому. Но всё же спросил, что он думает о таких обвинениях. Лохия, который как и некоторые другие участники национального движения бывал в Германии накануне прихода фашистов к власти, ответил, что немцев требовалось известить за два часа, чтобы они могли собраться и действовать, и что он не знает за сколько времени нужно известить русских, может быть, за четыре часа, но он знает, что индийцам нужно две недели, и потому фашизма в Индии не будет. Шутка, конечно, но «в ней намек».

В дальнейшем многое изменилось на индийской политической арене. Партия Джан санг эволюционировала и даже изменила название, усилились некоторые другие оппозиционные партии. Лет через сорок эта партия под новым названием смогло победить на выборах, но лишь в коалиции с некоторыми другими партиями и было образовано коалиционное правительство. На следующих выборах победил ИНК, но тоже лишь в коалиции

с другими партиями, сейчас это правящая коалиция. При всем том Индия остается политически стабильной.

Перемены на политической арене — следствие перемен, экономических и социальных, роста образования. Пусть не все из колониального прошлого Индии уже ушло без остатка, но многое в самом облике страны и народа изменилось. Иной стала даже походка людей на улицах индийских городов — бодрее, увереннее. Есть беднота, ее немало. Но нет больше — и это вне всякого сомнения — той вековой приниженности, безжизненности, отсутствующего взгляда, что были столь характерны для многих индийских бедняков. Более половины населения страны теперь грамотные, пока только более половины, но это без малого *полмиллиарда* людей, да и неграмотные теперь нередко не являются «политически неграмотными» как заметил индийский политолог Икбал Нарайн еще лет тридцать тому назад. Они могут постоять за себя.

Фабричные рабочие уже, как правило, грамотные, а в некоторых производствах и со средним образованием, на работу обычно едут на велосипедах. Прежде это было привилегией служащих, чиновников невысокого ранга. Теперь у них мотоллеры и автомобили. Ещё в 60-х годах автомобилей в Индии было мало. Своих не делали, а импорт легковых разумно ограничивался протекционистскими и другими мерами, которые распространялись на широкий круг потребительских товаров, особенно на предметы длительного пользования. Экономии ресурсы для приоритетных нужд развития, как в свое время было и у нас, но без наших российских крайностей. Существенно продвинулась индустриализация и постепенно модернизируется деревня. Создан значительный научно-технический потенциал. Индия крупный экспортер программного обеспечения. У нас, собираясь строить Сколково, в качестве примера приводят не только Кремневую долину, но также и индийский центр новой высокой технологии — город Бангалор.

Индия дала пример подъёма развивающейся страны, осуществленного в условиях политической демократии. Она давала этот пример еще в то время, когда господствовали, да и сейчас не редки представления, что в развивающейся стране необходима или, во всяком случае, неизбежна диктатура, будь то

левая или правая. Индия сумела соединить свой, восходящий к глубокой древности интеллект с достижениями современной цивилизации, прежде всего в области политического устройства, осуществляя в тоже время подъем и в иных областях. Но теперь и другие развивающиеся страны тоже все чаще и больше втягиваются в процесс демократизации, который стал приобретать глобальные масштабы.

В заключение следует сказать, что дружественные чувства к нашей стране, возникшие у индийских патриотов ещё в самом начале XX века во время Русской революции 1905-1907 гг., а в дальнейшем, особенно после достижения Индией независимости, утвердились в народном сознании и стали исторической традицией. Эта традиция живёт и будет жить, каковы бы ни были перемены в обеих странах.

О том, как я стал востоковедом

Казалось бы, в жизни бывает много непредвиденного, случайного, но если выстроить эти случайности в ряд, то получится некая закономерность. Так и в моей жизни интерес к Корее, на первый взгляд, возник неожиданно. Но в действительности этому способствовали какие-то внутренние мотивы, весь период предшествующей жизни, учебы в школе и среды обитания... Но прежде всего несколько биографических сведений.

Родился я 3 сентября 1930 г. в старинном городе Тамбове, который был основан в 1636 г. и который находится в четырехстах километрах к югу от Москвы. Происхожу из семьи служащего. Отец, Концевич Рафаил Станиславович (1906–1979), был ведущим инженером-авиаконструктором; мать, Концевич (д. ф. Попова) София Николаевна (1907–1996), — домохозяйкой.

Детство, а позже и отрочество провёл большей частью в доме деда Николая Дмитриевича Попова, бывшего гусара царской армии, служившего в советские годы на Тамбовском вагоноремонтном заводе (сокращение ТВРЗ мы, мальчишки, расшифровывали так «Товарищи вы работаете зря!»), потом на железной дороге и истопником в железнодорожной бане, и богомольной бабушки Ольги Васильевны Малиной. Снесённый года два назад дом № 108 располагался на улице Лермонтовской, названной в честь великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, который, проезжая через этот город, писал, что «на карте генеральной Тамбов означен не всегда». И действительно, это был провинциальный город с одноэтажными деревянными строениями и множеством церквей. Наша часть города утопала во фруктовых садах – яблони, груши, вишня, слива и др. Через три квартала от дома протекала тихая красивая речка Цна, которая

манила к себе ласковой водой, дивными берегами. А за рекой виднелся сосновый лес, из которого нельзя было вернуться без корзины грибов или лукошка ягод. Посетив Тамбов спустя 35 лет в июле 1998 г., увидел, как преобразился город. Вместо булыжной мостовой, которая шла к железной дороге и кладбищу, ныне пролегает широкая асфальтированная трасса с мостом через железнодорожные линии; ручей, который протекал через два дома от нас, совсем исчез; бараки, что были на противоположной стороне улицы, снесены, вместо них блестят оцинкованными крышами хоромы «новых русских»...

В 1932–1936 гг. родители жили в Москве. Отец учился в Московском авиационном институте, и я иногда бывал у них в студенческом общежитии во Всехсвятском на Соколе. По окончании института отец стал работать инженером-конструктором на авиационном заводе № 16 в Воронеже. В 1938 г. я поступил там в среднюю школу № 64 Ворошиловского района. Помню свою первую учительницу Полину Федоровну Ермолаеву, строгую и очень добрую. В 1939 г. родилась старшая сестра, которую я назвал в честь Клары Цеткин. Было же такое затмение! Но безмятежное детство продолжалось недолго.

В июне 1941 г. началась война. Немецкие «мессершмиты» стали бомбить город. В декабре 1941 г. вместе с заводом нас эвакуировали в Башкирию. Там, в селе Рязановка под Стерлитамаком, мы жили в доме колхозника Федора Афанасьевича Сосунова, а отец работал в Уфе и иногда к нам навещался. Я окончил 4-й класс Западно-Рязанской школы Рязанского сельсовета Стерлитамакского района. Студеной зимой в Приуралье родилась средняя сестра Людмила. Летом 1942 г. отца откомандировали на авиазавод в Андижан Узбекской ССР, где мы прожили в комнате, арендованной у местного Облшелка, в тяжелых условиях до 1944 г. Здесь я учился в Андижанской полной средней школе № 12 им. Шаумяна, где вторым языком был узбекский. Пятый класс окончил с похвальной грамотой. Это было голодное время. Чтобы прокормить семью, отец в свободное от работы время вынужден был сапожничать. От дистрофии у отца стали опухать ноги, к тому же он заболел туберкулезом легких. И мы вынуждены были вернуться в Тамбов, где поселились в доме деда, а отец некоторое время жил у матери, моей бабушки

Агафии Ивановны, которая и подняла его на ноги.

С 1944 по 1948 г. учился в мужской средней школе № 8 г. Тамбова. В школе у меня были замечательные педагоги. Например, учителем русского языка и литературы был выпускник филологического факультета Санкт-Петербургского университета Алексей Степанович Аносов, которого за его низкий голос мы любя звали Басом. Он привил мне любовь к литературе. Следуя его совету, я занимался не по стандартным школьным учебникам советского производства, а по дореволюционным пособиям по русской словесности, написанным для гимназий такими известными русистами, как В. Ф. Саводник, Д. К. Зеленин, Д. Н. Овсяннико-Куликовский и др. Эту литературу я брал в библиотеке Тамбовского пединститута, где преподавала моя тетя (младшая сестра матери) Валентина Николаевна (1918–2008 гг.). Библиотека была богатейшая: основной фонд её составляли собрания Тамбовской духовной семинарии и книги, вывезенные из Германии. Свободные от школьных занятий часы я проводил в книгохранилище – рылся в старых книгах в фондах библиотеки. Кроме того, в течение года я помогал работникам библиотеки в реинвентаризации книг и потому смог познакомиться с редкими старинными изданиями по русской литературе и истории. Именно в те годы я много читал из художественной литературы XIX в. по рекомендации моего двоюродного деда Евгения Дмитриевича Шувалова, который был юристом и очень образованным и начитанным человеком. Из писателей XX в. я интересовался Д. Мережковским, З. Гиппиус, Ф. Сологубом, Е. Замятиным и др. В послевоенные годы они еще не были под запретом. Любовь к книге, бережное отношение к печатному слову остались у меня на всю жизнь. В дальнейшем, работая в Институте востоковедения и в редакции журнала «Народы Азии и Африки», я помогал Фундаментальной библиотеке общественных наук (ныне — ИНИОН РАН), а заодно и её отделению при ИВ АН в формировании корейского фонда. Мне выпала счастливая возможность посещать книгохранилища основных библиотек Москвы и Ленинграда. Видимо, благодаря постоянному общению с книгой у меня развился интерес, вернее – страсть, к систематизации знаний и библиографии. Недаром первой работой в этой области был «Указатель литературы по корейскому

языку на русском и западноевропейских языках» (1958), а затем последовали другие библиографические публикации, завершившиеся недавним изданием «Избранной библиографии литературы по Корее на русском и западноевропейских языках (с XX по 2007 год)» (2008).

Тамбов был центром провинциальной духовной культуры. Например, в единственной действующей в то время церкви на берегу р. Цны, недалеко от моей школы, в годы Отечественной войны архиепископом был известный профессор-хирург Войно-Ясенецкий. Я хорошо помню его величественную осанку, мудрые проповеди...

Параллельно с учёбой в 8-м и 9-м классах (1946-47 гг.) я занимался на двухгодичных курсах стенографии по единой государственной системе (системе Н.Н. Соколова) при Тамбовском облоно, которые окончил на отлично. Эти курсы мне дали возможность овладеть весьма полезным для учёбы и научной работы инструментом – стенографировать лекции, делать выписки при чтении литературы в библиотеках и т.д. Ведь тогда не было ни магнитофонов, ни компьютеров, ни копировальных аппаратов.

Конечно, в последних классах школы интерес к какой-либо определённой профессии не был устоявшимся. То мы с моим другом Львом Николаевым, сыном репрессированного крупного химика из г. Котовска (под Тамбовом), жившего от нас по соседству с матерью и старшей сестрой, всерьёз занявшись дарвинизмом (по Шмальгаузену), проводили опыты на лягушках из ближайшего ручья, червяках и насекомых, собирали гербарий и мечтали стать биологами; то не на шутку увлеклись химией (мой друг таки стал настоящим химиком, ведущим специалистом по резине, окончив МИХМ им. Д.И. Менделеева); то потянуло нас к неведомым звёздным мирам, и мы соорудили телескоп из подручных материалов, надеясь стать астрономами. Неплохо знал физику, много занимаясь в школьном кабинете физики (преподавал её нам Алексей Митрофанович Ермолаев). Старался овладеть и немецким языком. Тяга к познанию неизведанного всегда была и остаётся определяющей.

Но ни химиком, ни биологом, ни астрономом, ни инженером я не стал. В окончательном выборе моей основной буду-

щей специальности — филологии сыграл немалую роль крупнейший специалист по литературам и фольклору южнославянских народов (сербов, хорватов, черногорцев и др.) профессор МГУ Николай Иванович Кравцов, в годы моей юности находившийся в ссылке в Тамбове за какие-то крамольные по тем временам высказывания, а позже работавший в Институте славяноведения АН СССР. Он не только мастерски владел учёным пером, но и блестяще читал лекции по русской литературе в Тамбовском пединституте (ныне Гос. университет им. Г.Р. Державина), которые мне иногда удавалось слушать. Его супруга, Мария Николаевна Морозова, в те времена занималась русскими говорами Тамбовской области, и я также читал её работы, опубликованные на жёлтой газетной бумаге в «Ученых записках Тамбовского пединститута». Итак, уже в школьные годы я как бы внутри себя решил стать исследователем. Даже темы для школьных сочинений я выбирал посложнее, не трафаретные. Помню, как много материала я проработал при написании сочинения «Эстетические взгляды Н.Г.Чернышевского в романе "Что делать?"». Любил читать критическую литературу, покопаться в источниках. Поэтому постепенно интерес к филологии стал преобладающим над остальными увлечениями.

После окончания школы в 1948 г. я, преодолев некоторое сопротивление со стороны райвоенкомата по поводу призыва в армию, отправился к родителям в столицу с вполне определённой целью поступить в МГУ на отделение славистики филологического факультета, чтобы заняться сербской литературой. Родители мои уже с 1947 г. жили в подмосковном городке Химки, где работал отец ведущим конструктором на одном из закрытых предприятий. Они снимали комнату в частном доме на Ленинском проспекте, 1, где теперь на его месте располагается единственный в старых Химках детский садик. До 1956 г. наша семья из шести человек, не имея своего жилья, вынуждена была скитаться по чужим углам и жить в ужасающих условиях, даже в плохо отапливаемом курятнике размером в восемь квадратных метров. Зимой приходилось отбивать топором лёд с внутренней стороны входной двери. Ведь отцу непросто было прокормить семью в шесть ртов. (В 1949 г. родилась моя младшая сестра Маргарита.)

Прибыв в приёмную комиссию филфака, который в те годы находился в старом здании университета на Охотном ряду в самом центре столицы, я, юноша из провинции, был несколько ошарашен царившей здесь суетой: в огромном зале какие-то лысые человечки сновали от стола к столу, возле которых толпились абитуриенты. Мне посоветовали сначала оформить подмосковную прописку, чтобы не претендовать на общежитие, дабы без него было легче пройти по конкурсу. За неделю, которая была потрачена на прописку, многое изменилось в моём сознании: по справочнику для поступающих в вузы Москвы я впервые узнал о Московском институте востоковедения, и подумал, чем чёрт не шутит — а не съездить ли мне в этот институт.

День, когда я отправился в МИВ (так сокращенно именовался этот институт), от которого — увы! — остался только миф (после его непродуманного закрытия в 1954 г.), выдался на редкость солнечный и безоблачный. Я поехал туда от Сокольнического круга на трамвае с аббревиатурой СК. Институт размещался в тихом месте на окраине прекрасного московского парка Сокольники на берегу речки Яузы. У Ростокинского проезда вышло двое — я и мужчина средних лет, у которого я спросил, как пройти в Институт. (Этот человек оказался начальником отдела кадров в этом Институте, и звали его Сергей Николаевич Григорян; позже он стал доктором философских наук и профессором.) По дороге он рассказал мне много интересного о МИВе. В светлой комнате приёмной комиссии царили благодатная тишина и прохлада, в отличие от сутолоки в МГУ. Со стороны секретаря комиссии Агаевой мне показалось её искренняя заинтересованность в моем выборе профессии. Вначале я хотел было поступить на персидское отделение, и вот почему. В то время мои лингвистические познания были словно чистый лист бумаги. Я считал, что поскольку я немного знаком с узбекским языком (одним из агглютинативных тюркских языков), то мне будет легче овладеть «родственным» ему персидским языком (на самом деле являющимся флективным языком индоевропейской семьи языков). Но секретарь приёмной комиссии, почувствовав мою любознательность и интерес к знаниям, посоветовала мне избрать своей специальностью Корею. Этот далёкий

полуостров в отечественном востоковедении был своего рода *terra incognita* для будущих исследований. Помимо всего прочего, ещё не было ни одного выпуска специалистов-корееведов, и потому мне не грозила безработица. Известно, что в те времена востоковеды многих традиционных специальностей (иранисты, афганисты, уйгуроведы и даже японисты) вынуждены были после окончания института переквалифицироваться из-за отсутствия работы по профилю. И так я поступил на корейское отделение Дальневосточного факультета этого Института и связал свою жизнь с Кореей, о чём нисколько не жалею. В этот Институт в то время принимали только ребят, хотя и были редкие исключения — несколькими девицам из советской элиты всё же удалось внедриться в мужской Институт. Особенно велик в 1948 г. был прием студентов на китайское отделение (свыше ста человек). Да и на корейское отделение в тот год набрали две группы по 8-10 студентов.

Московский институт востоковедения был нацелен на подготовку практических и научных работников широкого профиля по специальности «страноведение», т.е. помимо знания восточных и западных языков выпускники должны были быть знакомы с историей, географией, литературой, современным положением изучаемой страны или региона. За время обучения студенты проходили до 25 общих и специальных предметов. Этот институт славился хорошими востоковедными традициями, квалифицированными кадрами преподавателей, уникальной библиотекой и специфической средой. Выпускники этого Института до сих пор продолжают трудиться на научном поприще и в самых разных практических областях.

Я с благодарностью вспоминаю лекции по общим дисциплинам, которые читали на нашем факультете такие учёные-профессора, как знаменитый географ и путешественник Эдуард Макарович Мурзаев (физическая география Центральной и Восточной Азии), выдающийся лингвист-кавказовед Николай Феофанович Яковлев (введение в языкознание и курс общего языкознания, который он повторно вынужден был читать нам по изданной в 1950 г. работе «великого кормчего» И.С. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», кстати, моя стенограмма этих лекций сохранилась; после увольнения моего главного

учителя из МИВа по доносу бериевских приспешников я, пожалуй, единственный из учеников, поддерживал с ним связь вплоть до его кончины), превосходный специалист по Австро-Венгрии Владимир Михайлович Турок-Попов (история международных отношений; он, хотя и поставил мне единственную в дипломе «четверку», впоследствии вместе с супругой Кокой Александровной Антоновой, крупным знатоком средневековой Индии, стали большими друзьями моей семьи), блестящий экономист Э.Х. Брегель (политэкономия капитализма) и др. Деканом Дальневосточного факультета был профессор Гарма Данцаранович Санжеев, лингвист-монголовед, обретший широкую известность во время упомянутой дискуссии по языкознанию 1950 г. своим письмом Сталину. Кстати, после приёмных экзаменов, к которым я не готовился и потому сдал с полупроходным баллом, он зачислил меня в Институт, сурово спросив «Будешь учиться?», на что я вполне искренне ответил: «Да!».

На самой кафедре корейского языка занятия вели только советские корейцы, позже, с 1950 г., к ним присоединились и первые выпускники корейского отделения (Ю.Н. Мазур, В.Н. Дмитриева и др.). Начальные знания по корейскому языку и письму нам дал доцент Иннокентий Иванович Хван Донмин, бывший работник Коминтерна, преподававший в МИВе с 1945 г. Он читал и курс истории Кореи. Любимым героем Иннокентия Ивановича был адмирал Ли Сунсин. Он посвятил жизнь изучению Имджинской войны 1592–1598 гг., её историографии. Позже им была защищена кандидатская диссертация о жизни и деятельности Ли Сунсина, подготовлены переводы с *ханмуна* «Мемуаров Ли Сунсина» и «Чынбирок» («Записки об извлечении уроков из прошлого в назидание на будущее»), выпущены на корейском языке несколько сборников корейской классической литературы и избранные произведения основоположника советской корейской литературы Чо Мёнхи и др. И.И. Хвана можно считать основателем первой кафедры корейского языка в востоковедных вузах в советские годы. Повторяю, что ему, историку, пришлось обучать нас основам корейской грамоты. Поначалу не было ни учебников, ни литературы на современном корейском языке. Почитать корейскую газету считалось большой удачей.

По иероглифике и лексике чуть позже стал вести занятия наш всеобщий любимец Хан Дыкпон. Его великолепные знания в области старого корейского языка и культуры были настолько обширны, что мы, студенты, обращались к нему не иначе, как «Хан сонсэнним», т. е. «Достопочтенный Учитель Хан», и считали его «ходячей энциклопедией». От общения с ним мы получили очень много в области традиционного корееведения. Именно благодаря Хан Дыкпону я начал углубленно заниматься *ханмуном*. Только он мог доступно дать ответ на любой вопрос, касающийся *ханмуна* и старого корейского языка, объяснить трудный текст. Специальностью Хан Дыкпона были китайские лексические заимствования в корейском языке. По этой теме им была защищена кандидатская диссертация, в редактировании которой я ему помогал. Под его редакцией вышли практически все учебные пособия по корейскому языку, подготовленные в МИВс.

Но самое большое научное и личное влияние на мою дальнейшую судьбу оказал Виктор Антонович Хван Юндюн, прибывший в 1949 г. из Ташкента в Москву. Это был, по существу, первый настоящий специалист по корейскому языку, получивший педагогическое и филологическое образование. Виктор Антонович был очень яркий и одаренный человек, фанатик своего дела. Темой его кандидатской диссертации была сопоставительная фонетика корейского и русского языков. Обладая тонким музыкальным слухом, он вел занятия по обучению корейскому произношению и интонации на высоком научно-методическом уровне (им впервые в мире были разработаны структурные типы корейской интонации; к сожалению, это исследование, как и многие другие его работы, не увидели свет). Он же читал лекции по теоретической грамматике корейского языка. В области синтаксиса В.А. Хван был сторонником концепции выдающегося русского лингвиста А.М. Пешковского («Русский синтаксис в научном освещении»). Он был инициатором многих начинаний. Им был организован студенческий научный кружок, было задумано создание стабильного учебника по корейскому языку и многое другое. Именно благодаря моему корейскому учителю и профессору Николаю Феофановичу Яковлеву, крупнейшему русскому лингвисту и кавказоведу, я

избрал своей специальностью корейскую филологию. В студенческие годы я настолько увлекся теоретической лингвистикой (даже в ущерб практическому овладению живым корейским языком), что проводил все вечера и выходные дни в общем читальном зале Библиотеки им. Ленина. Под руководством В.А. Хван Юндюна и при консультации профессора Н.Ф. Яковлева я написал большую дипломную работу теоретического плана «Гласные звуки корейского языка» (90 страниц машинописи), где изложил свое видение фонетического строя корейского языка.

Из других преподавателей, давших нам знания по Корее, упомяну еще известного географа, в то время еще доцента Владимира Тимофеевича Зайчикова, который довольно монотонно (по сравнению с яркими лекциями Э.М. Мурзаева) читал нам курс географии Кореи и Китая (его книга «Корея» 1952 г. издания, защищенная им в качестве докторской диссертации, до сих пор остается единственным в своем роде пособием по географии Кореи). И тем не менее от его лекций и книг у меня возник интерес к топонимике. Стоит также вспомнить симпатичного Цой Чангира, который вел занятия по военному переводу, и одного из первых выпускников отделения Юрия Николаевича Мазура, который прочитал нам небольшой спецкурс по корейской литературе, уже на новом уровне. Ю.Н. Мазур стал ведущим специалистом в области корейского языкознания. Уже после его смерти в 2001 г. мне удалось подготовить к печати рукопись его «Теоретической грамматики корейского языка». К сожалению, нам не повезло с разговорной практикой, которую поручили вести Федору Зиновьевичу Киму, человеку малограмотному и амбициозному. Преподавание им корейского разговорного языка сослужило нам скорее вред, чем пользу. Кроме звукоподражания *ппань-ппань* (буквально «лопаться с шумом») при выхлопе пробки из бутылки шампанского я ничего не запомнил из его занятий. Поэтому навыков практического владения корейским языком у меня с самого начала было недостаточно. В 1950 г. наш курс должен был ехать на языковую практику в Северную Корею, но разразившаяся корейская война 1950–1953 гг. лишила нас этой возможности. Впервые я попал в изучаемую страну только в 1965 г. да и то в составе научно-туристической

группы на очень короткий срок (всего восемь дней).

Надо сказать, что мне в какой-то мере удалось компенсировать несостоявшуюся языковую практику в изучаемой стране. Ещё на четвертом курсе меня как успевающего по всем предметам направили работать переводчиком преподавания в корейские спецгруппы Высшей партийной школы при ЦК КПСС, которая находилась на Миусской площади (теперь там размещается Российский государственный гуманитарный университет, где я работаю по совместительству). Среди слушателей были «сливки» северокорейского общества: секретари провинциальных и уездных комитетов ТПК, председатели творческих союзов, командиры партизанских отрядов и т.п. Особенно симпатичен был личный секретарь Ким Ир Сена Ким Джонхан, проявлявший ко мне поистине отеческую заботу, бывший одно время министром культуры КНДР, а потом куда-то сгинувший. Переводить приходилось с ходу лекции по истории СССР (Анна Афанасьевна Юдинцева, женщина мудрая и честная, наставившая меня многому хорошему), истории международных отношений (профессор Александр Маркович Дубинский, с которым мы подружились на долгие годы), логике, советской литературе и другим дисциплинам. На первых порах было очень трудно: не хватало запаса лексики, знания специальной терминологии и др. Приходилось пользоваться единственным в то время «Русско-корейским словарём» (1951), составленным молодыми выпускниками МИВа. Коллектив преподавателей ВПШ был подобран высококвалифицированный. Русский язык вели также опытные преподаватели во главе с профессором М.В. Светлаевым. Получал я там буквально гроши, но работа, хотя и отнимала четыре дня в неделю, была полезна в языковом отношении. Кроме того, хорошей отдушиной была весьма приличная библиотека ВПШ, опять, как и библиотека Тамбовского пединститута, с трофейными коллекциями из Дрездена. На абонементе иностранного отдела библиотеки работала очень милая пожилая женщина (к сожалению, память не сохранила её имени), которая разрешала мне рыться на полках. Именно в эти годы я получил возможность познакомиться с философией и поэзией Ф. Ницше и А. Шопенгауэра, а также В. Соловьева и др. Правда, религиозные мотивы в работах русских философов и писателей мне были не-

интересны, так как примерно с семи лет, хотя я и крещеный и происходил из православной семьи, по сути, стал атеистом под влиянием брата отца Михаила Станиславовича, возглавлявшего отдел агитации и пропаганды Тамбовского обкома ВКП(б).

С самого начала учебы в Институте меня тянуло к научно-исследовательской деятельности. Поэтому, окончив с «красным дипломом» МИВ в 1953 г. по специальности «страновед со знанием корейского и английского языков», я на распределительной комиссии отказался от всех предложений работать в практических организациях (например, очень настойчиво меня уговаривал представитель Главлита пойти к ним на службу и сулил золотые горы; в связи с работой в ВПШ рассчитывали на меня и в ЦК КПСС, хотя фамилия, имя и отчество вызывали у кадровиков подозрение, и т. п.), т.е., по сути, отказался от привилегий и карьеры. Я твердо решил поступать в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Институт тогда размещался в старинном особняке в одном из переулков около станции метро «Кропоткинская». Директором был добрейший человек и крупный учёный Александр Андреевич Губер. Желающих поступить в аспирантуру по специальности «корейская филология» в тот год оказалось двое – Дмитрий Дмитриевич Елисеев из Ленинграда и я, на одно место. В качестве реферата для приема в аспирантуру я подал большую вполне самостоятельную работу «К вопросу об исторических альтернативах согласных в корейском языке», написанную под влиянием теории И.А. Бодуэна де Куртенэ. Работа была высоко оценена приёмной комиссией. По конкурсу прошел я, а Дима поступил на следующий год в Ленинградское отделение нашего Института и стал крупным специалистом по корейской классической литературе. Дружба между нами продолжалась до последних дней его жизни. Перед зачислением в аспирантуру каждый поступающий должен был получить добро в Отделе науки ЦК КПСС. Можно сказать, мне повезло. На собеседование я попал к специалисту по Юго-Восточной Азии Антону Никифоровичу Узянову, который положительно отозвался о моей кандидатуре. И с тех пор я тружусь в основном на научном поприще в области традиционного корееведения.

Поступив в аспирантуру ИВ АН СССР по специальности

«корейская филология», я продолжал работать в ВПШ. Потом вместо меня преподавание там продолжил мой друг Владимир Дмитриевич Тихомиров, позже ставший одной из ключевых фигур, практически способствовавших установлению межгосударственных отношений между нашей страной и Республикой Корея. В годы аспирантуры мне посчастливилось общаться с такими известными востоковедами, как профессора Борис Климентьевич Пашков (маньчжурист, китаевед и калмыковед), Александр Алексеевич Холодович (лингвист-теоретик, японист и кореевед), Николай Васильевич Кюнер (историк стран Дальнего Востока) и др. Написав, как я считаю, новаторскую для того времени диссертацию по фонологии корейского языка в традициях отечественной теории фонем (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.Ф. Яковлев, представители «московской фонологической школы»), я не стал ее защищать в силу ряда обстоятельств. При поддержке Фани Исааковны Шабшиной, о которой у меня остались самые светлые воспоминания, в конце 1956 г. я поступил младшим научным сотрудником в ИВ АН, но проработал там недолго.

В 1958 г. меня пригласил к себе на работу Иосиф Самуилович Брагинский, главный редактор академического журнала «Советское востоковедение» (позже переименованного в «Проблемы востоковедения», затем — «Народы Азии и Африки», ныне — «Восток») Изд-ва АН СССР (с 1964 г. — «Наука»). Он убедил меня в необходимости обрести опыт редакторской работы, крайне важной для учёного. В редакции журнала я проработал целых 16 лет вместо предполагавшихся пяти–шести. Здесь был замечательный коллектив единомышленников, болеющих за свое дело. С чувством глубокой благодарности я вспоминаю своих коллег — увы! — в большинстве своём уже почивших: крупнейшего востоковеда и мудрого человека И.С. Брагинского, его зама добрейшего человека Бориса Васильевича Ржевина, ответственного секретаря строгую Анну Мартыновну Зелтынь, замечательных редакторов Арона Моисеевича Моделя, Лёню Гамаюнова, Борю Парникеля, незабвенную заведующую редакцией Наталью Алексеевну Перли (дочь А.И. Рыкова), а также ныне здравствующих Мишу Занда и др. Это была хорошая школа знакомства с востоковедной средой. Припоминается, с каким

трудом в условиях тотальной цензуры и контроля со стороны ЦК КПСС приходилось пробивать в печать материалы учёных, которые не вписывались в советский трафарет, например, Г.С. Померанца, А.С. Пятигорского, В.А. Рубина, Вяч. Вс. Иванова и др. Несмотря на огромную занятость редакторской работой в журнале, я никогда не порывал с избранной специальностью — корееведением в целом и корейской филологией в частности. В 1973 г. я защитил кандидатскую диссертацию на отличную от прежней тему «Вопросы текстологии первого памятника корейской письменности “Хунмин чоньым”», где впервые в мировом корееведении дал палеографический, текстологический и источниковедческий анализ этого важнейшего лингвистического источника середины XV века. После защиты я в 1974 г. наконец-то вернулся в свою alma mater – Институт востоковедения и с тех пор тружусь там.

Работая в редакции, я тесно сотрудничал с издательствами, особенно «Советской энциклопедией» и «Художественной литературой». В первом я помогал как научный консультант по Корее, участвуя в подготовке словников, редактуре и написании статей для «Краткой литературной энциклопедии» (в 9 томах), БСЭ (изд. 2), «Советского энциклопедического словаря», «Лингвистического энциклопедического словаря», энциклопедических изданиях на языках народов СССР и др. Также я написал все статьи по корейской мифологии в энциклопедии «Мифы народов мира» и «Мифологическом словаре». В восточной редакции издательства «Художественная литература» я подготовил несколько сборников переводов, в том числе разделы по корейской классической литературе в двух томах серии «Библиотека всемирной литературы».

Огромное значение для моей работы имело овладение компьютером в 1991 г., т.е. еще в бытность мою в Южной Корее, куда меня пригласили в качестве профессора русского языка Государственного университета Кёнсан по рекомендации Юрия Михайловича Рю (Рю Хакку), блистательного учёного и переводчика экстра-класса. На первых порах работа на компьютере была чрезвычайно сложным делом: из-за несовместимости корейских и русских программ приходилось при консультации знакомых компьютерщиков специально кодировать русские

шрифты под корейские программы и т.п. Постоянное сотрудничество с издательствами «Восточная литература» РАН и «Муравей» (ныне – «Восточная книга») и др. побудило меня более глубоко освоить сложности редакционно-издательской работы. Даже научился сам готовить оригинал-макеты публикуемых книг. Так, с 2001 по 2009 г. я был главным редактором общероссийского научного альманаха «Российское корееведение», который я с моей коллегой Татьяной Михайловной Симбирцевой пестовали от начала и до выхода в свет (из-за проблемы с глазами я его передал Российской ассоциации университетского корееведения и теперь на его базе печатается под тем же названием ежегодный журнал). Среди последних изданий, подготовленных мною, назову книгу моей супруги Ирины Концевич «В стране моих снов: Из корейских дневников бывшей невыездной (1991–1995 гг.)», поэтический сборник «Одиноким журавль» корейского поэта Чон Чхоль, упоминавшуюся «Избранную библиографию...» и недавно вышедший главный труд в моей жизни «Хронология стран Восточной и Центральной Азии» (в двух томах).

В завершение должен признаться, что считаю себя счастливым человеком. В молодости я выбрал специальностью корееведение, посвятил ему всю жизнь и никогда об этом не пожалел. Были у меня и прекрасные учителя, и опытные, доброжелательные коллеги, в значительной степени повлиявшие на мою жизнь, семья, которая с пониманием относилась к моим занятиям.

Научная и редакторская работа, как и постоянный интерес к книге, библиографии и источникам, который подкреплялся занятиями в библиотеках, а ныне еще и в интернете, и, конечно же, преданность избранной специальности — корееведению в целом и корейской филологии в частности, сформировали меня как ученого-корееведа.

Завершить свои краткие заметки хотелось бы напутствием молодой смене. Может, это покажется банальным в современных условиях, но для современного ученого-гуманитария востоковедного профиля необходимы: неугасаемый интерес к изучаемой стране и ее народу, владение в идеале двумя-тремя восточными и западными языками (хотя бы пассивно), а для за-

нимающихся традиционной Кореей еще и *ханмуном* (письменным китайским), постоянное углубление источниковедческой базы, объективный и непредвзятый, аналитический подход к изучаемым проблемам, причем в контексте региона или смежных дисциплин, и т.д. К сожалению, в нашей профессии, далеко не всегда обеспечивающей человека в материальном отношении, многое держится на чистом энтузиазме. Но при всем этом содеянное, обладая каким-то неосязаемым магнетизмом, окупается. Я почти не знаю примеров разочарования в избранной профессии или отступничества от нее у настоящих ученых-востоковедов...

Афганистан революционный, каким я его видел

Сначала немного истории и национальной специфики.

Если у многих стран случаются «турбулентные периоды истории», то Афганистан – сама по себе турбулентная страна. На первый взгляд, его многотысячелетняя история – это непрерывные войны, вооружённые конфликты, столкновения, нашествия. Он всегда притягивал к себе неутомимых любителей наживы, амбициозных завоевателей чужих земель и народов. Они приходили сюда, создавали новые государства на его территории, смешивались с местным населением, иногда растворялись в нём, оставив на поверхности едва заметные черты своей идентичности. Чаще всего такие вторжения оборачивались разрухой, массовой резнёй мирных жителей, полным опустошением и долгими годами восстановления.

В своей длительной истории Афганистан знал и периоды подлинного экономического и культурного расцвета. Находясь на перекрёстке мировых коммуникаций – «Шёлковом пути» из Европы в Индию и Китай, он сумел на недолгое время, в XV в. стать одним из центров международной торговли, науки и культуры. До сих пор монументальные сооружения (вернее, их остатки) в Герате напоминают о коротком блистательном периоде в его истории. В лучах его славы получили мировую известность поэт и государственный деятель Алишер Навои и крупнейший суфийский поэт Абдуррахман Джами.

Впрочем, Афганистан не всегда был жертвой чужеземных завоевателей. Иногда он и сам был не прочь расширить свою территорию за счёт соседей. Так случилось в XVIII в., когда его основатель и правитель Ахмад Шах, совершив 18 военных походов в Индию, создал крупнейшую в регионе державу

Дуррани, куда вошли территории собственно Афганистана, Южного Туркестана, Восточного Ирана и Северо-Западной Индии. А в XIX в., распавшись на ряд небольших независимых владений, Афганистан сам стал жертвой и заложником «Большой игры» двух мировых империй – России и Великобритании. Борьба афганцев против колониальных хищников принесла Афганистану славу «кладбища империй». И хотя «Большая игра» продолжалась и в XX в., Афганистан постепенно превращался из её жертвы в искусного манипулятора интересами великих держав. Недаром в 70-е гг. его президент, «красный принц» Мухаммад Дауд афористично высказался о внешней политике страны: «Мне нравится прикуривать американские сигареты советскими спичками».

Однако Москве никогда не нравился нейтральный курс Афганистана, его политика балансирования между двумя великими державами, стремление использовать их соперничество в национальных интересах страны. Ей хотелось большего, нежели политическое, экономическое и военное доминирование в Афганистане и весьма дружественное отношение к ней со стороны короля Захир Шаха. Многим в Кремле виделся полный контроль над «южным подбрюшьем» СССР, дабы обеспечить его лояльность перед лицом политических притязаний заокеанских друзей Кабула, мечтавших, по мнению партийных чиновников из международного отдела ЦК КПСС, превратить его в плацдарм антисоветских устремлений.

1 января 1965 г. в Кабуле нелегально состоялся учредительный съезд афганских революционных демократов, сформировавший Народно-демократическую партию, «авангард рабочего класса», поставившую целью создать в стране «общество, свободное от эксплуатации человека человеком». Провозгласив «научный социализм» идеологической основой новой партии, ее основатели, однако, тщательно избегали именовать себя коммунистами. Примечательно, что на съезде (кстати, единственном за всю её историю) «партии рабочего класса и всех трудящихся страны» не было ни одного представителя «класса-гегемона», численность которого в Афганистане в то время не превышала 30 тысяч человек.

НДПА, у истоков которого в конце 50-х гг. маячила тень

резидентуры КГБ в Кабуле, сразу же попала под опеку советских спецслужб. Что, собственно, не составляло особой тайны: руководители партии регулярно приглашались в посольство СССР на приёмы по случаю советских праздников. Денежная и прочая материальная подпитка НДПА в 60-е гг. остаются у нас «за кадром», хотя вполне резонно предположить, что партия не сидела лишь на идеологическом пайке из Кремля.

Кроме того, лидер партии Нур Мухаммад Тараки, «известный пролетарский писатель», как в последующем именовала его советская пресса, в 1965 г. посетил Советский Союз по приглашению Союза писателей, по официальной версии, где ему убедительно продемонстрировали «достижения социализма». Во время визита был заодно издан в Баку и тайно переправлен в Афганистан научный труд афганского гостя – книга «Новая жизнь» на языке дари. Это было краткое, упрощённое изложение основных марксистских догм. С книгой с интересом ознакомился афганский король, который не преминул пригласить автора для дружеской беседы. Во время оной Н.М. Тараки скромно отрицал свое авторство, опасаясь репрессий. Опасения оказались напрасными: Захир Шах лишь отечески пожурил его. Монархия в те годы демонстрировала либерализм прозападного толка, и партия, насчитывавшая несколько десятков человек, не представляла угрозы государственным устоям.

Однако детище КГБ доставило немало хлопот своим покровителям из Кремля. В 1967 г. разногласия между её лидерами привели к расколу: партия распалась на две группировки – радикальную «Хальк» («Народ») во главе с Н.М. Тараки и либеральную «Парчам» («Знамя»), лидером которой стал Бабрак Кармаль. Они проповедовали и разный путь к социализму: Н.М. Тараки ратовал за создание подпольной партии рабочего класса и осуществление социалистической революции с установлением диктатуры пролетариата, а его оппонент выступал за партию «всех трудящихся», включающую в том числе интеллигенцию и мелкую и национальную буржуазию, и создание Фронта национально-патриотических сил, который должен осуществить национально-демократическую революцию.

Каждая из группировок обзавелась собственным ЦК и выступала самостоятельно. Обе активно проводили политиче-

ские акции – митинги, уличные шествия, причем под идентичными лозунгами, организовывали забастовки, выступали в парламенте, безуспешно призывая депутатов разоблачать «происки региональной реакции и международного империализма» и «крепить дружбу с Советским Союзом». Отношения между ними складывались вполне недружелюбные, если не сказать враждебные: они постоянно выступали с нападками друг на друга, зачастую выходя за этические рамки. Каждая считала себя единственной подлинной марксистско-ленинской партией и требовала от Москвы международного признания. Неоднократные попытки Кремля примирить конфликтующие между собой группировки оказались безрезультатными.

Но вот в конце 70-х гг., когда президент М. Дауд, в 1973 г. устранивший в результате государственного переворота своего двоюродного брата короля Захир Шаха, сменил внешнеполитическую ориентацию с СССР на богатые нефтью страны Персидского залива, над левыми силами нависла угроза прямой расправы со стороны авторитарного режима. Раздражённая и обеспокоенная Москва оказала сильнейший нажим на по-прежнему враждовавшие группировки НДПА. В июле 1977 г. они тайно, подчиняясь воле «старшего брата», без особого энтузиазма провели объединительную конференцию, поставив задачу ликвидации режима М. Дауда. Впрочем, их военные организации так и не объединились, что сыграло решающую роль в судьбе каждой из них в грядущей революции.

Ее спровоцировали похороны одного из лидеров «Парчам» Мир Акбара Хайбара, убитого неизвестными лицами, и последующий арест лидеров НДПА. 27 апреля 1978 г. в соответствии с планом, втайне от конкурентов разработанным халькистом Х. Амином, «правой рукой» Н.М. Тараки, воинские подразделения во главе с офицерами-членами группировки «Хальк» штурмовали президентский дворец «Арк». Не посвящённые в план офицеры-парчамисты включились в боевые действия с опозданием, и их участие в событиях было невелико, что во многом сказалось на их последующей судьбе. В ходе вооружённого столкновения оказавший сопротивление президент М. Дауд и часть министров были убиты. Такой же участи подверглась практически вся его семья, включая малолетних внуков.

Режим пал. К власти пришли военные, сформировав Военно-революционный совет во главе с руководителем переворота подполковником Абдул Кадиром. Через два дня, 29 апреля он передал власть в стране освобождённым из тюрьмы лидерам НДПА. Были сформированы новые органы власти – Революционный совет во главе с Н.М. Тараки и правительство, опять же возглавленное лидером «Хальк». Его заместителем на обоих постах стал глава парчамистов Б. Кармаль. Посты в правительстве были поделены неравным образом – в пользу лидеров «Хальк». А. Кадир стал министром обороны, а Х. Амин – министром иностранных дел.

Посольство СССР, по свидетельству советских дипломатов и признанию некоторых западных исследователей, не участвовало в перевороте, хотя в первые дни на Западе многие считали иначе. Более того, скорее всего советская дипломатическая миссия даже не была информирована о предстоящих событиях и была застигнута врасплох. По некоторым данным, посол А.М. Пузанов был в это время далеко от Кабула, на рыбалке к северу от Гиндукуша. Ничего не скажешь: поразительная беспечность (кто знает, может быть, тонко просчитанная)?!

Новый режим получил довольно быстрое международное признание. И неудивительно: за пределами Афганистана мало кто знал, что такое НДПА и её лидеры, тем более что они скрывали свою причастность к коммунистической идеологии. В своих первых интервью после революции Н.М. Тараки довольно неуклюже, а Х. Амин откровенно грубо отрицали коммунистическую природу НДПА. Кстати, любопытный факт: первым новым режим официально признала Индия, но по-дружески «уступила» эту честь СССР. Этот факт не получил огласки, и Москва в последующем ужасно гордилась тем, что была первой.

Уже в мае 1978 г. в страну прибыли первые партии советских советников (впрочем, до революции там уже работали военные советники), в том числе из КПСС и спецслужб. Москва открыто демонстрировала поддержку «братскому режиму». Советская пропаганда принялась активно «распахивать» тему Апрельской революции, научно обосновывая ее историческую неизбежность и необратимость. Кампанией искусно дирижировал «партийный академик» Р. Ульяновский.

Однако эйфория первых недель быстро улетучилась. Обстановка в афганской столице резко изменилась: уже в июне 1978 г. возобновились старые разногласия между лидерами «Хальк» и «Парчам». Общим группировкам оказалось тесно в высших органах власти. Кто-то должен был уйти. Перевес оказался на стороне халькистов. Имея большинство в Политбюро ЦК, они добились решения о снятии лидеров «Парчам» с их постов и отправили послами за границу. Руководитель парчамистов Б. Кармаль возглавил афганское посольство в Праге. Власть в стране оказалась фактически узурпированной группировкой «Хальк».

Впрочем, у большинства населения, также малознакомого с новыми хозяевами страны, эти события не вызвали никакой реакции, поскольку представляли скорее подковёрную борьбу, «облагороженную» решениями высших партийных и государственных органов. Посему её итог, т.е. захват власти левыми радикалами, казался вполне легитимным. Тем более что в адрес парчамистов не было выдвинуто никаких публичных обвинений.

Однако уже в августе 1978 г. всё поменялось в одночасье. Халькистам не хватало аргументов для окончательной расправы с оппонентами. И они их получили: в августе было широко объявлено, что в Кабуле раскрыт антиправительственный заговор парчамистов, планировавших в начале сентября свергнуть халькистское правительство. Начались аресты заговорщиков.

Это была та атмосфера, в которую я окунулся с головой, обуреваемый восторгом как очевидец и чуть ли не участник (об этом позже) великих исторических событий. 24 августа 1978 г. после долгого перерыва (с 1975 г.) я приехал в Афганистан по приглашению министра высшего образования Демократической Республики Афганистан Махмуда Сума (кстати, халькиста) для проведения полевых исследований.

В посольстве СССР меня ознакомил с обстановкой мой друг и однокурсник, профессиональный афганист Миша Конаровский, служивший тогда вторым секретарем (в 2002-2006 гг. — посол РФ в Кабуле). Он рекомендовал быть осторожным в моих будущих контактах и высказываниях, что меня должно было

насторожить или как минимум удивить: как же так, ведь к власти пришли друзья нашей страны, и они планируют построить социализм. Но тогда я не внял его советам: я ведь не дипломат, а вольный исследователь, и осторожничать мне ни к чему.

Однако уже через полчаса после беседы он охладил мой пыл, причём без всяких на то усилий. По пути в гостиницу мимо нас проходила колонна школьников, нёсших революционные плакаты красного цвета, прославлявшие «великого руководителя Апрельской революции Нур Мухаммада Тараки» и саму революцию. Охваченный искренним восторгом, я высунулся из окна машины и громко приветствовал революционных школьников. Сидевший за рулем мой друг Миша втащил меня обратно в машину, велел закрыть окно и спокойно объяснил: «За нами следует машина посольства КНР. Китайцы наверняка сфотографировали тебя. Завтра твоя счастливая физиономия появится в «Жень Мин Жибао», а послезавтра ты вылетишь из Афганистана и никогда сюда не вернешься». Я начал понимать, что у афганской революции, вероятно, не одна сторона медали, но полное понимание и прозрение пришли гораздо позже...

На следующий день я отправился на поиски прессы: по городу ползли смутные слухи об антигосударственном заговоре. В итоге мне с трудом удалось добыть номер официоза «Анис» (газета вышла двойным тиражом и распространялась бесплатно). Желающих обрести газету было до удивления много, несмотря на поголовную неграмотность в стране. Пришлось потолкаться в возбужденной толпе. Повышенный интерес к ней был предельно ясен: на всех полосах газеты были опубликованы факсимильные показания руководителей антиправительственного заговора, соратников Б. Кармаля министра обороны Абдул Кадира, министра планирования Султана Али Кештманда и министра общественных работ Мухаммада Рафи. Министры признавались, что действительно планировали заговор с целью свержения халькистского режима, свернувшего с революционного пути и не оправдавшего надежд народа на светлое будущее. Осуществление переворота планировалось на первые дни сентября, во время религиозного праздника «Ид-е фетр». Во главе государства заговорщики планировали поставить генерала Абдул Кадира, а премьер-министром назначить бывшего мини-

стра юстиции Хокуки.

В числе организаторов заговора называли также начальника главного штаба армии генерала Ш.Ахмадзая, начальника военного госпиталя доктора Мир Акбара и лидера Революционной организации трудящихся Афганистана, одного из основателей НДПА Тахера Бадахши. Все они были преданы суду, обвинены в государственной измене и по решению суда приговорены к смертной казни. Однако по настоянию советского посольства осужденным министрам она была заменена длительными сроками тюремного заключения.

Я был шокирован, более того – растерян. Напрочь отказывался верить официальной информации. Ведь эти люди были профессиональными революционерами, преданные идеям социализма, посвятившие жизнь борьбе за интересы трудового народа! Они не могли изменить делу революции! Я был убеждён, что опубликованные показания – не более чем фальшивка, фабрикация, ловкая работа спецслужб. Но ведь показания факсимильные! Да, значит, они получены под пытками, в чем не без оснований обвиняли тогдашнего начальника службы госбезопасности (АГСА) Асадуллу Сарвари, отличавшегося жестокостью. Кстати, много позднее Султан Али Кешманд, ставший уже премьер-министром, признавался, что его пытал Сарвари. И много лет спустя факт организации заговора всё-таки подтвердился. Но это было потом, а в августе 1978 г. я еще верил в чистоту замыслов лидеров НДПА.

И они демонстрировали свою приверженность идеалам революции, впрочем, весьма своеобразно. Так, в начале сентября я был приглашён посетить Национальную ярмарку, которая была развернута в полутора десятках павильонов на территории выставочного городка. В этой экскурсии меня как гостя министра сопровождали два сотрудника спецслужб с нарукавной повязкой с надписью «Хальк». У входа в центральный павильон лежал громадный ковёр с портретом убитого революционерами президента Мухаммада Дауда. Мои сопровождающие предвкушали удовольствие от лицезрения советского ученого, топчущего поверженного диктатора. Несколько секунд я был в замешательстве, затем решительно обошел портрет по краю ковра, вызвав плохо скрываемое разочарование людей с повязками. Кста-

ти, в самом павильоне оказались груды всякого пыльного добра – конфискованное имущество королевской семьи, в том числе подарки советского посольства – старые велосипеды, устаревшие магнитофоны, телефонные аппараты, крупные, но безвкусные детские игрушки и прочая дребедень. Поразило количество платьев королевы Умайры – более трехсот, причем большинство старых, изношенных. Я поинтересовался, зачем такое количество старого барахла, не представляющего ни художественной, ни исторической ценности. И услышал вполне логичный ответ: простой народ не оценит драгоценности королевы, так как никогда не сталкивался с дорогими вещами, а вот безумное количество одежды, даже не новой, произведет на него сильное впечатление: вот оно свидетельство ограбления народа!. И торжествующие взгляды людей из спецслужб говорили: вот для чего мы совершили революцию, мы избавили вас от этих грабителей.

В сентябре руководители страны в революционном угаре открыли для всеобщего посещения резиденцию президента, бывший королевский дворец Арк, переименовав его в Дом народа. Народ толпами повалил смотреть, как жили короли. Однако через пару месяцев дворец закрыли для посещения, поставив охрану, усиленную бронетехникой, вдоль всей лицевой стороны дворцового комплекса и закрыв для проезда проходящую вдоль нее улицу. На площади напротив входа во дворец поставили на постамент танк Т-34, который с командиром танкового батальона капитаном Асламом Ватанджаром на борту первым ворвался во дворец во время штурма 27 апреля. При этом у танка-памятника орудие оказалось направлено на дворец. Не к добру это, шепотом говорили умудренные горьким опытом горожане.

В тот период новые власти увлекались организацией всякого рода торжественных шествий и тому подобных шумных мероприятий в поддержку революции. Причём в этом было что-то ненастоящее, водевильное, несовместимое с серьезностью и драматизмом момента. Так, мне приходилось наблюдать из окна гостиницы «Кабул» в центре города, как мимо неё шествовала колонна рабочих, одетых в новые спецовки. По обеим сторонам колонны двигались люди со знакомой повязкой «Хальк» на рукаве. Через равные промежутки времени они давали команду, и колонна дружно скандировала «Да здравствует Великая Саур-

ская (апрельская – авт.) революция! Да здравствует великий вождь Саурской революции Нур Мухаммад Тараки!». За углом гостиницы ожидала своей очереди новая партия «рабочих». Они надевали те же новые спецовки и повторяли торжественное шествие вокруг гостиницы под теми же лозунгами и под командой тех же «повязок». Маршрут участников шествий определялся тем, что в гостинице «Кабул», находившейся рядом с Домом народа, останавливалось немало иностранцев.

Надо отдать должное новым властям того времени: они ускоренно и к тому же весьма успешно перенимали передовой опыт «старших братьев» по другую сторону Амударьи по части организации массовых мероприятий псевдосоциалистического характера. На промышленных предприятиях проводили «трудо-вые соревнования», вывешивали доски почёта, организовывали субботники на добровольно-принудительной основе. На одном из таковых мне пришлось побывать в качестве гостя. Вообще субботники, проводившиеся по выходным дням, в пятницу, являлись собой чётко разработанную кампанию: у входа в министерства и иные государственные учреждения вывешивались списки участников очередного субботника. Это были в основном чиновники. Их сажали на грузовики и отвозили в район Хайр-хана, в северной части столицы. Там они разгружались, переодевались в рабочие спецовки и сразу же усаживались на траву пить чай. Дабы не терять время, на месте сооружалось нечто вроде трибуны, с которой партийные агитаторы (люди с повязками) разъясняли участникам субботника цели и задачи партии и правительства, и это продолжалось обычно около 40-50 минут.

Надо признать, афганцы, разумеется, их образованная часть – превосходные ораторы: как правило, выступают без бумажки, достаточно логично, эмоционально, вполне доходчиво. Многие используют красочные сравнения, элементы фольклора. Как правило, пьющие чай участники мероприятия вежливо кивают головами в знак одобрения, но редко вслушиваются в содержание речи ораторствующих, поскольку они в обилии напичканы надоевшими пропагандистскими штампами. Кстати, в тот раз и меня вынудили выступить и рассказать, как «Великая Апрельская революция» воспринимается в Советском Союзе.

Разумеется, ничего интересного я им поведать не мог: тогда о ней мало кто слышал в нашей стране.

Обычно после возвышенных выступлений людям разъясняют их конкретную задачу: строить дешёвое жилье для рабочего класса, и они не спеша приступают к работе. Чаще всего она длилась не более полутора часов с перерывом на чаепитие. К полудню поставленная задача считалась выполненной, и участников субботника вновь отвозили к месту работы, откуда они отправлялись по домам.

Однако с каждым днём я чувствовал себя в этой достаточно напряжённой революционной атмосфере всё более неуютно. Возникло и никак не уходило смутное чувство неосознанной тревоги и сомнений. Оно усилилось в связи с ещё одним неприятным и в той же мере невероятным фактом: я обнаружил за собой «хвост». Я не знал, что думать. Пожаловался моему другу в посольстве, но он советовал не придавать этому большого значения: новая власть неопытна, внутри руководства продолжается острая борьба, много подозрительности, недоверия. Но скоро эта слежка закончится, успокаивал он меня. И всё равно я недоумевал: как же так, ведь я советский человек, гость министра, поддерживаю революцию. Вскоре мне дали машину с водителем, но слежка не прекратилась. За мной следовали по всему Кабулу, выясняя контакты. Впрочем, мой друг оказался прав: через неделю «хвост» исчез. Вероятно, я не представлял опасности для новых властей. Но неприятный осадок остался надолго.

К тому же ко мне «приставили» переводчика, хотя я сам в свое время два года работал переводчиком в Афганистане и затем преподавал в Москве персидский язык несколько лет. Не буду называть его имени, так как он, должно быть, ещё жив, но оставил о себе не самую добрую память. Учился в Союзе, окончил Ростовский университет, там же защитил диссертацию (название он так и не вспомнил). Она обошлась ему, как он выразился, «в две дублёрки». Женат был на русской, которая ненавидела Союз. У них была очаровательная дочь, талантливая девочка, говорившая на четырёх языках, музыкальная, с хорошим чувством ритма. Переводчик ежемесячно приносил мне зарплату, а еженедельно доносил «куда следует» обо всех моих пере-

движениях.

В сентябре-октябре я счастливо выпал на несколько недель из гнетущей столичной атмосферы. По моей просьбе министр организовал мне поездку в ряд провинций с сопроводительными письмами в адрес местных губернаторов и секретарей провинциальных комитетов партии для ознакомления с «революционным процессом на местах». Самой удивительной оказалась поездка в провинцию Бамиан. Любезно встретивший меня губернатор Дауд Мисбах поселил в лучшей гостинице провинции с одноимённым названием. Она представляла собой несколько войлочных палаток со всеми мыслимыми в условиях во многом средневекового Афганистана удобствами, включая телевизор, телефон, ванную комнату с горячей водой. Гостиница находилась на небольшом плато напротив двух знаменитых статуй Будды (V в. н.э.), в 2001 г. варварски разрушенных талибами.

Увы, удобства быта, великолепный пейзаж и недолгая поездка к высокогорному озеру Банд-е амир не могли скрасить тягостного впечатления от беспросветной жизни населения беднейшей из афганских провинций. Рядом со статуями на склонах невысоких гор находятся сотни пещер, где проживают люди со своим скарбом и скотом. Я не мог преодолеть любопытства и не заглянуть в одну из них, хотя и испытывал некоторую робость, а точнее неуверенность. Однако её обитатели оказались достаточно приветливыми. Поразительно, но они жили представлениями средневековья: они не слышали слов «Москва», «русские», «фашизм», «Вторая мировая война», «социализм», но оказались знакомы со словом «шурави» («советский»), хотя и никогда не видели наших людей. «Это те, кто нам помогает», - заключили они. Кстати, эта провинция остаётся одной из беднейших и сегодня.

Весьма информативной, но и достаточно сложной оказалась поездка в провинцию Кандагар. Во время моей встречи с командующим войсками провинции генералом Тахмаспом привели пойманного с поличным муллу, который прибыл из Ирана и распространял контрреволюционные материалы. Это был первый «душман», которого я видел живьём. Начался допрос в моем присутствии. Тощему, изможденному мулле угрожали пис-

толетом, выколачивая из него нужные сведения. «Я сгною тебя в тюрьме, мерзавец», - кричал ему в ярости начальник гарнизона Кандагара. Когда я, вернувшись в Кабул, рассказал об этом моего другу в посольстве, он долго ругал меня: я не имел права как иностранец присутствовать на допросе. Если об этом узнает пресса, втолковывал мне дипломат, это могут расценить как вмешательство во внутренние дела Афганистана. Так мне был дан второй урок должного поведения в стране победившей революции.

Кстати, что меня поразило во время поездок по стране. В начале каждой беседы с официальными лицами я интересовался их биографией. Она оказывалась поразительно однообразной: отец – крестьянин (малоземельный, безземельный, арендатор), сам собеседник окончил школу, лицей, университет в Москве (Берлине, Цюрихе, Калифорнии). Я не переставал удивляться: каким образом крестьянский сын смог получить столь блестящее образование? Или все они обманывают меня и не являются сыновьями крестьян, или не имеют высшего образования? Однозначного ответа на это не было. Однако факты свидетельствовали: принадлежа к партийной элите, это были образованные люди, даже если являлись выходцами из низов.

Пока я разъезжал по стране, в столице происходили полные драматизма события. Не удовлетворившись осуждением парчамистов-заговорщиков, правящая группировка «Хальк» пошла дальше: было объявлено, что во главе августовского заговора стоял лидер парчамистов Бабрак Кармаль, находившийся в Праге. В итоге он и четверо его соратников - послов в Белграде, Лондоне, Вашингтоне и Тегеране были отозваны. Но, опасаясь репрессий, они остались за границей, предпочтя эмиграцию. И тогда их объявили предателями и развернули беспрецедентную кампанию гонений против парчамистов. По известному нам сценарию по всей стране по команде из центра были организованы митинги «трудящихся», которые гневно осуждали заговорщиков. На Б. Кармаля навесили ярлыки «лакея империализма», «слуги международной реакции», «предателя революции». Такого же рода гневные плакаты были вывешены на здании находившегося напротив гостиницы Государственного банка Афганистана. В один из тех дней я случайно увидел отца Кармаля,

генерал-полковника Мухаммада Хусейна. Он шёл мимо банка и, прочитав плакаты, пошел дальше, ссутулившийся, как-то даже поникший от постигшего его несчастья. У него были непростые отношения с сыном, порвавшего со своей социальной средой и рано вступившего на путь профессионального революционера, ещё в 50-е гг. отсидевшего четыре года в тюрьме за политическую деятельность. Но это был его сын...

В этой кампании травли были использованы даже некоторые соратники и друзья Б. Кармаля, которые в атмосфере всеобщего страха поспешили выразить лояльность Н.М. Тараки. Всю осень шли повальные аресты парчамистов. К ноябрю все их лидеры, оставшиеся в Кабуле, были сняты со своих постов и исключены из партии. Кроме них, репрессиям подверглись все несогласные с режимом, в первую очередь духовенство, которое Н.М. Тараки заклеил как «препятствие на пути прогрессивного развития страны». Выступления государственных деятелей теперь не начинались традиционной формулой «Во имя Бога, могущественного и милостивого».

В октябре произошло еще одно событие, всколыхнувшее Кабул. Халькистский режим сменил цвет национального флага с традиционного трехцветного на красный. Это было незабываемое зрелище. Церемония поднятия нового флага происходила 18 октября на дворцовой площади. К тому времени я уже переселился в гостиницу «Интерконтиненталь», находившуюся на северной окраине Кабула. Естественно, я не мог пропустить столь важное событие, поэтому с раннего утра поспешил к Дому народа. Однако мою машину остановили более чем в километре от центра города, который оказался заполнен людьми. Они стекались со всех концов столицы и даже из провинций. Многие из них (вероятно, организованные людьми с повязкой) несли плакаты, прославлявшие революцию и её вождя. Однако было очевидно: это был стихийный поток десятков тысяч человек, охваченных волнением, небезразличных к происходящему событию. Толпа на площади была настолько плотная, что мне не удалось пробиться близко к месту действия.

Торжественную церемонию после исполнения национального гимна открыл глава государства Нур Мухаммад Тараки, окружённый своими соратниками. Бросалось в глаза обилие

военных, выделявшихся яркостью парадной униформы. При этом гимн исполняли 10 лучших школьниц Кабула, в их числе дочь моего переводчика. Всё это выглядело очень трогательно. Н.М. Тараки выступил с пространной речью. Она была весьма эмоциональна, хотя и не вышла за рамки уже знакомых сентенций по поводу целей и задач партии и завоеваний революции. Вслед за лидером выступили его соратники. И на этой торжественной церемонии не обошлось без осуждения парчамистов. После этого под звуки гимна глава государства поднял красный флаг. Момент был поистине торжественный, царила праздничная атмосфера. Я видел пожилых людей, плачущих от счастья. Они не скрывали этого, они ещё верили партии, её красивой риторике. Они (и я вместе с ними) ещё не знали, что впереди их ждут нелегкие времена. Это было только начало той большой трагедии, в которую ввергли народ его революционные руководители. Её предчувствие не могло не породить у меня определенного скептицизма относительно будущего. Оно оказалось более мрачным, чем можно было даже представить. Но это уже другая история.

Пути Господни...

Оглядываясь назад, я понимаю, что мой путь в индологию и в индологии – это и есть путь моей жизни. На этом пути было много зигзагов, поворотов, случайностей, которые могли увести меня в сторону. Но каждый раз, когда возникала такая опасность, чья-то твёрдая рука возвращала меня на однажды избранный путь.

До пятнадцати лет я не помышлял стать востоковедом и не думал, что когда-нибудь с Индией у меня будет связано так много. Я вырос в семье агронома. Следуя семейной традиции, должен был стать агрономом или, может быть, селекционером или ботаником. И всё шло к этому. В детстве я собирал гербарии, коллекционировал бабочек; читал книги из библиотеки отца о полеводстве, овощеводстве и садоводстве, доступную литературу о жизни растений, насекомых, животных. Зачитывался «Жизнью растений» Тимирязева, «Путешествием на корабле «Бигль» и «Происхождением видов» Чарльза Дарвина. Детство прошло на Украине, на Дону, где отец работал после окончания Тимирязевской академии. Рыбачил, с мальчишками гонял лошадей в ночное. Родители были уверены, что я буду учиться на биофаке МГУ.

Чтобы дать детям достойное образование, семья перед войной переехала в Подмоскowie. Отец хотел, чтобы я учился одновременно и музыке. Мне купили скрипку и даже возили в школу Гнесиных. Но началась война. Отца в армию не взяли по состоянию здоровья. Он всё время болел, очень много работал, сутками пропадая на полях. Умер он в 1946 г., так и не успев толком отдохнуть. Когда фронт подошел к Деденеву (Дмитровский район Московской области), где мы жили, мне было 12 лет. Вместе с другом Шуркой Матюниным пытались прибиться к

воинским частям, проходившим через поселок, или к партизанам, которых не знали, где искать. Войну знаю не понаслышке. Поле боя под соседней деревней Степаново, усеянное телами наших солдат, до сих пор стоит перед моими глазами.

В 1941 г. началась моя трудовая жизнь. Сначала со школой копал окопы и противотанковые рвы, а когда немцев отогнали от Москвы, косил, пахал, пас коров. Конечно, ни о какой Индии тогда я не думал: постоянно хотелось есть и спать.

Но однажды (это было летом 1945 г.) к нам приехал дядя из Тамбова – мамин брат Борисов Илья Яковлевич, инженер до-революционной выучки, человек в высшей степени замечательный. Он постоянно что-то изобретал и проектировал. Большей частью это были ветряные двигатели, за что моя мама прозвала его «Ветродуем». Кроме того, что он был убежденным сторонником использования энергии ветра, он был неплохо знаком с основами индийской философии, верил в переселение душ, в карму и дхарму. С собой он привез технический справочник «Хютте» и несколько книг о йоге, которые я, естественно, сразу проглотил. И увлекся йогой настолько, что оказавшись в Индии в качестве корреспондента «Правды», я стал брать уроки у известного йога, державшего *ашрам* под Дели.

К окончанию средней школы мои интересы изменились. Теперь я захотел стать военным моряком, дипломатом или разведчиком. Из военно-морской академии в Ленинграде, куда я послал заявление, мне ответили, что в связи с демобилизацией армии приема выпускников средних школ в академию в 1946 г. не будет. Тогда я решил поступить в Институт международных отношений. Сдал документы. Чтобы подчеркнуть важность института, в котором буду учиться, рассказал матери, какую анкету мне пришлось заполнить. Это была целая брошюра. В ней нужно было указать, служили ли я или мои родственники в царской жандармерии, полиции или пограничной страже; были ли я или мои родственники в плену, на оккупированной территории, находились ли под судом и следствием... Мама прервала повествование ошарашившей меня новостью - когда мне было два или три года, отца судили. Он сидел в тюрьме, правда, недолго. В подтверждение она дала справку, где говорилось, что Куценков Аким Иванович был осуждён за саботаж, при пересмотре

дела был оправдан «за отсутствием состава преступления», судимость снята. Детям, т.е. мне и двум сестрам моложе меня, родители решили об этом никогда не говорить, и мы действительно ничего не знали.

Будучи правоверным комсомольцем, я поехал в институт, переписал анкету и стал ждать. В списке студентов меня не оказалось. Зато меня пригласили к ректору МГИМО Францеву. Меня встретил вальяжный, барственного вида и очень вежливый человек. Ласково называя «сыном», он посоветовал мне поступить в другой институт. Дипломат, сказал он, человек особый. Он постоянно окружён злобными и коварными врагами, которые ищут малейшую шероховатость в его биографии для провокации, для вербовки и т.д. Напрасно я пытался ему доказать, что случай с отцом – никакая не «шероховатость». Мой отец – честный человек, он оправдан по всем статьям ...

Документы всё же пришлось забрать. Убитый горем, я не помню, как вышел из института. Мимо проходил автобус. Двери его были открыты. Я ухватился за поручень и на ходу запрыгнул на ступеньку. Чья-то рука подхватила меня. Это была рука моего московского друга Кости Ведерникова, сына известного московского адвоката. Узнав мою историю, он сказал, что мы сейчас же едем к его отцу, и он посоветует, что делать дальше. Прочитав справку, старший Ведерников объяснил мне, что Францев – перестраховщик, а я должен знать, что снятие судимости освобождает от необходимости указывать её в анкетах и автобиографиях. Потом добавил, что случившееся, может быть, и к лучшему. Институт международных отношений не даёт серьёзного образования. Мы должны немедленно мчаться в Институт внешней торговли Министерства внешней торговли СССР (ИВТ), куда Костя уже поступил.

В ИВТ я заполнил всё ту же анкету-брошюру и за час до окончания рабочего дня и до прекращения приема документов вручил свои бумаги секретарю приемной комиссии. Как золотой медалист я должен был сдать только один вступительный экзамен - по иностранному языку. Пройдя собеседование и выдержав экзамен по немецкому, я был зачислен на первый курс коммерческого факультета ИВТ. На втором курсе, то ли уже по смутному зову сердца, то ли из кокетства, я выбрал хинди в ка-

честве второго языка.

Институт действительно давал солидное образование, студенты за время учебы были проверены-перепроверены по части благонадежности, поэтому самые разные организации и ведомства охотно брали нас на работу. Я уже знал, что моя работа будет связана с Индией, но не знал, на каком поприще. Все решил случай. В Научно-исследовательском конъюнктурном институте (НИКИ), где я проходил преддипломную практику, мой руководитель А.А. Манукян поручил мне написать обзор рынка индийского чая. Обзор понравился и был напечатан в Бюллетене иностранной коммерческой информации (БИКИ). Он стал моей первой научной публикацией.

Исследовательская работа меня увлекла по-настоящему. Комиссия, которая занималась трудоустройством выпускников института (её ещё называли комиссией по распределению), предложила мне хорошую должность в Министерстве внешней торговли, и многие мне завидовали. Но я отказался от этого и других не менее лестных предложений и попросил, чтобы меня «распределили» в НИКИ. Просьбу удовлетворили, но попал я не в отдел стран Азии, а в Кабинет фирм. Вместо того, чтобы изучать экономику и внешнюю торговлю Индии, мне пришлось изучать фирмы в Афганистане, Иране, Пакистане, разбираться в их балансах, писать справки об их финансовом положении, о характере и вкусах руководителей и т.д. Торговый оборот СССР с Индией в те годы был незначительным, торговые связи шли в основном через Лондон и Амстердам. Еще был жив И. В. Сталин; М.К.Ганди и Д. Неру считались прислужниками британского империализма... Одним словом, тогдашнее руководство страны не видело серьезных перспектив в развитии отношений с Индией. В институте не было и штатной должности специалиста по этой стране.

Я был молод и дерзок. При каждом удобном случае я прорывался в кабинет Николая Васильевича Орлова, директора института, и доказывал ему, что мы недооцениваем Индию, что пройдет несколько лет ... и так далее. Обычно Николай Васильевич выслушивал меня, глядя куда-то вдаль за окном, закуривал папиросу «Казбек» и оканчивал аудиенцию неизменной фразой: «Ну что ты, Акимыч, горячишься. Будет, будет тебе Индия. Иди,

работай». Время шло, надежды таяли. Но однажды Н.В. вызвал меня к себе и сказал: «Если напишешь работу о перспективах развития чёрной металлургии в странах народной демократии, будешь заниматься Индией». Условие я принял с энтузиазмом. Работа получилась очень секретная и очень громкая. Я пришел к заключению, что развивать (на привозном сырье) доменное и сталелитейное производство в этих странах нерационально, что их потребности в чугуне и стали лучше покрывать за счёт импорта из СССР. Резюме на полутора страницах пошло «наверх».

Вскоре меня вызвали в Кремль к А.И. Микояну. Держа в руке резюме, он попросил меня обосновать мои выводы и предложения. Когда я закончил, Анастас Иванович сказал, что как экономист я, возможно, и прав, но политически незрел, поскольку не понимаю роли рабочих-металлургов в строительстве социализма... Всё кончилось тем, что производство чугуна и стали в странах народной демократии продолжило свое триумфальное развитие. Тем не менее, когда я вспоминаю этот случай, меня охватывает что-то вроде ностальгии: было же счастливое время, когда власти предрежащие интересовались мнением науки!

Н.В. Орлов слово сдержал. Я стал штатным индологом. Я поступил в заочную аспирантуру экономического факультета МГУ, закончил плановую работу «Внешняя торговля Индии основными товарами» (12 а.л.), которая была напечатана на гектографе и получила, как говорят, «положительные отзывы практических организаций». Писал статьи об Индии в журнал «Внешняя торговля» и газету «Гудок».

Мое вступление на стезю журналистики не обошлось без «истории». Я написал статью о проникновении американского капитала в Индию и отнес её в «Новое время». В редакции журнала мне предложили объединить мой материал с материалом Олега Леонидовича Орестова, известного журналиста, корреспондента «Правды» в Дели. Статья вышла в свет, когда мы с женой были в отпуске в Гаграх. Когда я появился в институте, распираемый от счастья и гордости, вместо поздравлений я встретил холодок и уклончивые взгляды коллег по работе. Я почувствовал, что произошло что-то неладное. Но толком никто ничего не знал.

Вскоре меня пригласил к себе секретарь парторганизации. На столе у него лежала наша статья, сплошь исчерканная синим и красным карандашами. Из его вопросов я понял, что меня обвиняют в пропаганде американской помощи Индии... Я возмутился и пошел к директору. В чем дело? Что за допросы? Почему мне ничего не говорят? Н.В., как всегда, глядя куда-то вдаль за окном, спросил: «Ну что ты, Акимыч, кипятишься? Что, тебе дали выговор или выгнали с работы? Иди лучше работай».

Как я узнал позднее, ему звонили от М.А. Суслова и спрашивали, кто такой А. Куценков: в ЦК КПСС пришло письмо от Генерального секретаря Компартии Индии Аджоя Гхоша, которое, якобы, обсуждали на Политбюро. В письме говорилось, что статья в «Новом времени» неправильно ориентирует партию и т.д. Вскоре в «Правде» появился подвал за подписью Виктора (заголовок не помню). Все знали, что так подписывались «директивные» материалы. В статье было написано, что главная угроза индийскому народу исходит не от американского, а от английского капитала. Подвал заканчивался словами, что статью О. Литова (псевдоним О.Л. Орестова) и А. Куценкова в «Новом времени» следует считать «глубоко ошибочной». На работе знакомый весельчак встретил меня вопросом: «Ты ещё на свободе?».

Добрейший Николай Васильевич уберёт меня от неприятностей, ответив на запрос ЦК, что А. Куценков — «щенок», мальчишка, только что окончивший институт, и что принимать его писания всерьёз не следует.

В конце концов, всё обошлось. Повезло.

Если везёт, то везёт во всём. И.В. Сталин умер. Менялось отношение советского руководства к Индии. В августе 1953 г. я уехал в свою первую командировку в Индию изучать методы сбыта западными фирмами машин и оборудования на индийском рынке. Накануне отъезда знакомые и незнакомые люди нанесли кучу бутылок с водкой и банок с икрой для передачи родственникам и друзьям, а в МИДе СССР мне «придали» симпатичную молодую женщину — жену нашего дипломата, которую я должен был доставить в Индию.

Это сейчас путь из Москвы в Дели занимает 5-6 часов. Тогда летели долго, на перекладных, с остановками и пересад-

ками в Праге, Франфурте-на-Майне, в Париже. В Париже жили дней пять, ожидая рейса «Эйрфранс» на Калькутту. Бродили по городу, дивились чужой жизни, не похожей на нашу. Я всё время искал глазами жертвы капиталистической эксплуатации. Когда увидел одного бедолагу, спавшего на скамейке в сквере у Елисейских полей, немного успокоился.

Полет на четырёхмоторном винтовом «Супер косталейшине» с остановками в Риме, Дамаске, Карачи и Бомбее занял целый день. В Калькутте уже ночью нас встретил работник отделения торгпредства. Мою спутницу он посадил в самолёт, вылетающий в Дели, а меня повёз в представительство, где мне была выделена комната для проживания. Я смертельно устал и мгновенно уснул.

Первое знакомство с Индией состоялось на следующее утро. Проснулся очень рано, но вокруг уже кипела жизнь. По потолку бегали ящерицы. За окном громко щебетали птички, с ветки на ветку прыгали попугаи, кричали уличные торговцы, звякали колокольчиками рикши. Вышел во внутренний дворик. Поразило ослепительное солнце и очень яркая зелень; воздух, влажный, горячий и пряный. Пахло тленом, цветами и ещё чем-то, очень индийским.

Добротный шерстяной костюм, приобретённый накануне отъезда на «экипировочные», для Калькутты оказался непригодным. Через час-два он намок от пота. Чтобы одеть меня подобающим образом, супруга одного из сотрудников представительства повезла меня на «Нью маркет». Едва мы вышли из машины, как на нас с криками «*бакшиш!*» набросилась толпа нищих. Я полез в карман за мелочью. «Не делайте этого», крикнула моя спутница. Но было поздно – меня уже окружили плотным кольцом и буквально рвали на части. Выручил человек с корзиной на голове. Он жестом разогнал толпу и сказал, что будет нашим *кули*...

Поход на рынок завершился шоком. В лавке портного-китайца я почувствовал, что кто-то тянет меня за рукав. Обернулся и заорал от ужаса: передо мною стоял прокажённый с гноящимися язвами на лице, на теле, на обрубках пальцев рук и ног. Вокруг роились мухи. Нищего отогнал *кули*. Когда я пришел в себя, то вспомнил, что мой крик сплошь состоял из не-

нормативных слов. Потом, встречаясь с милой женщиной, я не знал, куда деваться от стыда.

На следующий день состоялось знакомство и с рядовым индийским бизнесом. «Тут ходит один, говорит, что торгует оборудованием, - сказал мне не без лукавства руководитель отделения. - Поговори с ним, пощупай, чего он стоит». В приёмной сидел индеец средних лет – в *дхоти*, шлепанцах на босу ногу и с матерчатой сумкой через плечо. Поздоровались. Он протянул визитную карточку величиной с почтовую открытку и с золотым обрезом. На ней было написано, что имярек занимается банковскими операциями, представляет известные английские и американские фирмы в Индии, торгует машинами, оборудованием, химическими товарами и т.д. и т.п. На вопрос, что он может предложить нам, ответил, что готов стать и нашим торговым агентом. Но в Кабинете фирм НИКИ я работал не зря. Я сказал, что сейчас, к сожалению, мы в агентах не нуждаемся, но в будущем ... и т.д. Уже в дверях, прощаясь, он спросил, не нужна ли нам машинистка, вернее, машинист – он хорошо печатает на машинке.

Конечно, потом были встречи и с другими индийскими бизнесменами. Солидными, богатыми и обстоятельными. Но этот человек-универсал произвёл на меня огромное впечатление. Поражали его целеустремлённость, энергия и безудержный авантюризм. Сегодня, когда так много говорят и пишут об индийском среднем классе, преобразившем лицо огромной страны, я точно знаю, откуда он взялся.

Через месяц, попрощавшись с дружелюбным коллективом калькутского отделения, я отправился в Бомбей. Ехал поездом «эйркондишн класса», в просторном двухместном купе. Моим спутником оказался европеец, как выяснилось позже, англичанин. Несколько часов мы молчали; улыбались, когда встречались взглядами. Я не отлипал от окна, разглядывая через затенённые стекла проносившиеся мимо пейзажи, и не решался заговорить поскольку попутчик был намного старше меня. Заговорил первым он. Когда в купе вошел официант и поинтересовался, что мы хотим заказать на ланч, я выбрал «чикен». «Рупиан ор индиан чикен, сэр?», спросил официант. «Что вы имеете в виду?», спросил я в свою очередь. «Извините, сэр, - вмешался

мой спутник, - он спрашивает, приготовить вам цыпленка по-европейски или по-индийски?». Разговорились. Спутник много читал об СССР и задавал массу вопросов. Я отвечал, стараясь поменьше врать.

Попутчик представлял в Бомбее известную английскую машиностроительную компанию. Не надеясь на успех, я рассказал ему о цели своей командировки. К моему удивлению он сообщил мне немало полезного о работе его фирмы. В Бомбее наше знакомство продолжилось. С его помощью я познакомился с другими иностранными бизнесменами. Должен признать, что, несмотря на «холодную войну», практически везде я встречал дружелюбное отношение. По итогам командировки написал работу. Конечно, секретную, хотя, на мой взгляд, ничего секретного в ней не было. Просто тогда всё было секретным. И только через несколько лет выжимки из неё были опубликованы в открытом сборнике.

В отличие от Калькутты, где я жил среди соотечественников, по сути, в московской коммунальной квартире, в Бомбее я был предоставлен самому себе и сразу окунулся в колониальную Индию, вернее, в то, что от нее осталось. А оставалось очень много. Начиная с мелочей. В небольшом, но очень английском отеле-пансионе на Марин драйв, где я поселился, в первое же утро меня разбудил стук в дверь. В номер вошел официант в белоснежной livree с аксельбантами и золотыми пуговицами, с каким-то сложным сооружением на голове. "Morning tea, Sir". Он молча взгромоздил мне на грудь маленький столик, налил в чашку чай, напоминавший цветом деготь, плеснул туда молока... Намереваясь поспать еще немного, я быстро проглотил напиток и повернулся на бок. Не тут-то было! Сон сняло, как рукой.

До завтрака оставалось часа два. Я вышел на набережную. Море, пальмы и много деловито шагающих джентльменов с тросточками. Джентльмены оказались сплошь индийцами. Спустя годы, подобную картину я видел только на английском пассажирском лайнере, плывя из Бомбея в Карачи. Утром английское население нашей палубы так же старательно вышагивало положенную милю, совершая ранний моцион. Молодой парень, с которым я познакомился на корабле, предложил навес-

тить капитана, его друга. Поднялись наверх. И там, на мостике туда и сюда энергично носился человек в шортах. В нем я с трудом узнал капитана, который накануне вечером во всей своей капитанской красе ужинал с нами, новыми пассажирами первого класса.

В те годы многие индийцы из «приличного общества» во всём старались походить на вчерашних хозяев страны. Даже шутили в английской манере. Однажды мне довелось ехать в одной машине с министром штата, простоватым и словоохотливым человеком, и чиновником центрального правительства, напротив, сдержанным и чопорным. Министр всё время что-то рассказывал. Каждый эпизод он начинал словами «я и моя жена». Заходило солнце. Кругом простирались джунгли с зарослями колючего кустарника. «А вот и Вайнганга», сказал министр. Я вспомнил Киплинга и спросил, водятся ли здесь тигры. Министр ответил, что буквально пару дней назад он со своей женой («я и моя жена») ехал по этим самым местам и тигр на его глазах перешел дорогу... Я сказал, что было бы неплохо увидеть сейчас тигра в естественных условиях. Тогда делийский чиновник, хранивший всю дорогу молчание, произнес: «Но для этого нужно, чтобы господин министр взял в эту поездку свою жену».

Да и «сагибы» вели себя ещё по-старому. В бассейн, который я частенько посещал в Бомбее, индийцев не пускали. Мне, как и многим советским людям, это казалось диким, неестественным; ставило в неудобное положение... Зачем я пишу об этом? Затем, что считаю: самым большим достижением Индии за годы независимости является даже не экономика, а то, что она, её народ избавились от комплекса неполноценности, от духовного рабства.

Потом был Дели с его правительственными зданиями, Красным фортом, великолепными дворцами. Когда я паковал чемодан, чтобы отбыть на родину, торгпред СССР в Индии по фамилии Великий сказал мне, что из Москвы пришло распоряжение прикомандировать меня к делегации специалистов, прибывших для ведения переговоров о строительстве металлургического завода. В конце концов, эти переговоры завершились подписанием договора о комбинате Бхилаи.

А пока я входил в свою новую роль секретаря-

ря/переводчика делегации. Утром, просмотрев газеты, я рассказывал членам делегации, что пишет о нас индийская пресса. Писали достаточно часто. Многие англоязычные газеты отнеслись к приезду делегации враждебно. Пугали общественность угрозой коммунизма, разоблачали техническую отсталость советской металлургии и т.д. До нас доходили слухи о серьезных разногласиях по этому вопросу и среди членов правительства Индии. Но проект курировал сам Неру, и работа продвигалась вперед. Потом ехали на переговоры. Уточнялись технические и другие параметры будущего договора. Как можно догадаться, мне тогда очень пригодились знания о чёрной металлургии, полученные во время написания работы, открывшей мне путь в индологию.

Общение с индийской технической интеллигенцией, с высокопоставленными правительственными чиновниками добавили много новых впечатлений об Индии. Члены нашей делегации лестно отзывались о высоком профессионализме индийских специалистов. Многие из них учились в США и Англии, проработали там не один год на производстве. Приятно удивляла чёткость и организованность чиновников, руководивших переговорами. Заседания начинались точно в срок, проходили строго по плану. Протоколы стенографировались и печатались немедленно. Потом многое из этого английского наследства будет утрачено...

Но самое интересное для меня началось, когда смешанная группа индийских и советских специалистов отправилась в поездку по стране выбирать площадку для завода. Нашим домом стал специальный поезд, оборудованный под комфортабельный отель. С места на место переезжали ночью. Утром садились в джипы и мчались осматривать очередную площадку, очередное месторождение руды, угля или известняка. Иногда забирались в такую глушь, где, казалось, не ступала нога белого человека. Таким образом мы исколесили добрую половину страны.

Перед глазами открывалась другая Индия. Пыль, разбитые проселки, ленивые буйволиные упряжки и вереницы женщин с кувшинами на головах; обшарпанные провинциальные городки с устойчивым запахом мочи и кизячного дыма. И деревни, деревни, деревни. Бедность, нищета, упадок и на всём

этом печать какой-то застывшей безысходности. И много-много людей. Где бы ни остановилась наша кавалькада, словно из-под земли появлялись толпы любопытных. Сопровождавшие нас полицейские офицеры в безукоризненно отглаженных мундирах (и со стеками подмышкой!) тщетно пытались их отогнать... С тех пор я много раз бывал в Индии и видел, как она меняется на глазах. О новых заводах, госпиталях, институтах у нас написано много, хорошо и правильно. Меня же всегда удивляло, как эта огромная страна наращивает динамизм. При каждом новом посещении мне казалось, что и люди двигаются быстрее, и буйволы шагают резвее, чем в прошлый приезд.

Обратный путь домой занял более недели. До Рима летел на самолете. В Риме попал в гостеприимные объятия однокашников по Институту внешней торговли. Они посадили меня в поезд до Вены. В Вене тоже однокашники... В Чопе пересел в московский поезд.

Вернувшись в Москву, защитил кандидатскую диссертацию «Проблемы внешней торговли Индии после второй мировой войны». В ней на примере Индии я вознамерился исследовать вопросы неэквивалентного обмена развитых капиталистических стран со странами экономически слабо развитыми. Но определить, говоря фигурально, сколько теряет Индия, обменивая свои джутовые мешки на английские гвозди, мне не удалось. Трудовая теория стоимости в её конкретном преломлении оказалась не по зубам. Ограничился «ножницами цен».

Казалось, что мой жизненный путь определился окончательно: мое призвание — наука, индология. Но впереди меня ждали новые повороты. В августе 1958 г. меня пригласили в МИД и предложили поехать на работу в аппарат Экономической комиссии для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ) в Бангкок. Для экономиста-востоковеда это предложение открывало хорошие перспективы профессионального роста. Я согласился и стал готовиться к встрече с представителем отдела кадров комиссии. Но буквально через несколько дней меня вызвали в Международный отдел ЦК КПСС. Заместитель заведующего отделом предложил мне поработать в Праге в журнале «Проблемы мира и социализма», только что созданном органе международного коммунистического движения. Честно говоря, меня это предло-

жение не обрадовало. Оно ломало мои планы, да и в журнальном деле я был профаном. Я откровенно поделился своими сомнениями с собеседником. Но замзав строго посмотрел на меня и сказал, что я, молодой коммунист, должен воспринимать это предложение как почетное партийное поручение... В Прагу я вылетел через день. А на следующий день уже работал над статьей итальянского автора об аграрном вопросе на Сицилии.

О журнале, его замечательном шефе, академике Алексее Матвеевиче Румянцеве, о творческой и человеческой обстановке, которую он создал, написано много. Журнал действительно был рассадником вольнодумства. Да по-иному и быть не могло. Общаясь с представителями зарубежных компартий, редактируя и согласовывая, например, статьи китайских товарищей и итальянских или французских «еврокоммунистов», трудно было поверить в миф о единстве мирового коммунистического движения или строго придерживаться буквы и духа классиков марксизма-ленинизма. Жизнь ставила новые вопросы.

В журнале я не прекращал свои занятия Индией. К этому времени вышла в свет моя книга «Индия: экономика и внешняя торговля». Я собирал материал для следующей монографии. Однажды (в моей жизни было много таких «однажды») меня пригласил к себе А.М. Румянцев и предложил присоединиться к работникам Академии наук СССР, которые по просьбе Индийской компартии работали над теоретическими проблемами перерастания парламентской демократии в демократию народную в развивающейся постколониальной стране. Этими работниками оказались два Виктора – Виктор Тягуненко и Виктор Рымалов, которые скоро стали моими добрыми друзьями. Рабочий кабинет мы оборудовали в номере гостиницы «Интернационал» и работа закипела. Когда «бумага» была закончена, оба Виктора уехали в Москву, а я вернулся на свое рабочее место в редакцию.

И снова однажды... Однажды А.М. Румянцев отдал распоряжение Ю.А. Жилину и мне срочно лететь в Дели для продолжения работы над документом для КПИ. В Москве к нам присоединился консультант Международного отдела ЦК КПСС (бывший сотрудник нашего журнала) К.Н. Брутенц. Его назначили старшим над нами.

В Дели нам отвели просторную квартиру в жилом городке Посольства. Советник Посольства, наш куратор, рекомендовал меньше мелькать на людях, никому не говорить о цели нашего приезда. Одним словом, соблюдать конспирацию. Конспирация была полная. Даже в нашем маленьком коллективе: наш руководитель К.Н. Брутенц, не говоря нам ни слова и прихватив написанное, время от времени куда-то исчезал. Вернувшись, давал указания, не раскрывая источник поступления новых идей. Мы с Ю. Жилиным в его отсутствие времени не теряли и расслаблялись, как могли.

Как-то вечером наш советник усадил нас в машину и повез на «встречу». Изрядно поплутав, видимо, для конспирации по окрестным джунглям, он привез нас в Дели. Перед одним из особняков, на улице, нас встретило почти все руководство компартии Индии во главе с Аджоем Гхошем. В комнате, где проходила беседа, двери и окна были раскрыты настежь, её содержание могли слушать все, кому не лень. Так закончилась история с конспирацией.

А разговор получился интересным и очень полезным, по крайней мере, для меня. Он вращался вокруг специфики классовой борьбы в Индии, вокруг особенностей индийского пролетариата, буржуазии и крестьянства. Речь шла и о возможности мирного перерастания национально-освободительной революции в революцию социалистическую, и о роли «внеклассовых» или «надклассовых» факторов и т.д. Здесь я с удивлением услышал о касте, которой К. Маркс в своё время вынес смертельный приговор, как о живом и здравствующем феномене. Именно тогда каста запала мне в душу, чтобы позднее стать чуть ли не главной проблемой моих научных изысканий.

Тем временем беседа продолжалась. О нас вскоре забыли. Говорили в основном индийцы. Мы поняли, что попали на очередной раунд внутрипартийной дискуссии, что среди индийских товарищей нет единого мнения по целому ряду принципиальных вопросов и что в этих условиях создать некий программный документ, устраивающий всех, - задача нереальная.

Так оно и случилось. Впоследствии на страницах некоторых публикаций КПИ я всё же встречал знакомые тезисы, но в полном виде наше произведение, насколько мне известно, опубли-

ликовано не было. К сожалению, у меня не осталось ни копии, ни черновиков.

Тогда я ещё не знал, что вскоре мне представится возможность сопоставить свои теоретические представления об Индии с индийскими реалиями. После отъезда из Праги и кратковременного пребывания в редакции журнала «Коммунист» решением Секретариата ЦК КПСС я был утвержден в должности собственного корреспондента газеты «Правда» в Индии, Пакистане, Непале, Бирме, Малайе, Сингапуре и на Цейлоне.

У меня за плечами был уже опыт работы в солидных журналах. Но опыта газетной работы не было. Поэтому стажировка в «Правде» оказалась весьма кстати. Моим наставником по литературной части был замечательный журналист и хороший товарищ Всеволод Овчинников, уроки которого я помню до сих пор. А специфику газетной работы я постигал сам, в Отделе стран Азии и Африки, где «препарировал» материалы ТАСС и готовил в номер статьи зарубежных корреспондентов, в типографии у линотипов, где вносил последнюю правку, в «дежурке», где вместе с коллегами из других отделов вылавливал «блох», ожидал появления первого экземпляра очередного номера газеты. Поздно ночью или ранним утром возвращался домой. Приехав на работу после дежурства, как и все, интересовался, не звонили ли «народные мстители». Так в редакции называли читателей, заметивших опечатки или ошибки.

Как-то утром меня пригласил главный редактор П. Сатюков и сказал, что нужно написать передовую статью по случаю освобождения Гоа индийскими войсками. «Вот текст поздравительной телеграммы Хрущёва Неру». Я спросил, к какому сроку нужна статья. Главный посмотрел на меня с удивлением и сказал, как само собой разумеющееся, что статья должна быть готова сегодня до заседания редколлегии. Она будет опубликована завтра вместе с телеграммой. В моём распоряжении было менее двух часов. В справочном отделе я попросил досье по Гоа. «За какой год?». «Ну, хотя бы за прошлый и текущий». Мне выдали с десяток толстенных папок, которые за оставшееся время невозможно было не то, что прочитать, а даже перелистать. Я в панике побежал в отдел и стал писать. Успел к сроку. На редколлегии по содержанию статьи замечаний не было. Попросили

только «убрать» пять строк, которые не укладывались в ответный объём.

Должен напомнить, что в те годы статьи в «Правде», особенно передовицы, воспринимались как священные тексты. Их изучали, цитировали, на них ссылались и т.д. У меня трепет перед печатным словом стал пропадать ещё во время работы в журналах. Здесь же, в «Правде», я окончательно убедился, что горшки действительно обжигают не боги.

И вот я снова в Индии. Мой предшественник Николай Пастухов с нескрываемым удовольствием сдал мне дела и имущество корпункта; представил его штат – секретаря Шанти Самаджара, повара Максуда, шофера Сэма, *свинера* Кишана, *мали*, *чоукидара*...

Корпункт «Правды» занимал второй этаж просторного особняка на Сундарнагар 23. На первом этаже жил американец, сотрудник Фонда Форда. Через дорогу – чугунная ограда делийского зоопарка. По ночам оттуда раздавались рыканья и вздохи каких-то животных. За зоопарком – развалины древней крепости Пураны килы. А еще дальше, в загадочной дымке – вся Индия, о которой я знал ещё так мало!

Пятьдесят лет тому назад...

Летом 1960 г. мне довелось присутствовать на первом в Москве международном конгрессе востоковедов. Я тогда был младшим научным сотрудником, за два года до этого защитившим кандидатскую диссертацию об алжирской революции, которая происходила у нас на глазах. И хотя я встречался с алжирскими студентами, учившимися в те годы в Москве, и с их делегацией на Всемирном фестивале молодежи в 1957 г., которую возглавлял Мухаммед Хамисти (будущий первый министр иностранных дел независимого Алжира), меня интересовало, естественно, мнение и алжирских историков. Но их на конгрессе не было. Зато была большая делегация французских ученых, которые по моему представлению, тоже могли многое сказать о том, что происходило в Алжире. Однако, меня ждало разочарование.

Я регулярно, как на работу, ходил в главное здание МГУ на Воробьёвых (тогда – Ленинских) горах, где происходили заседания секции конгресса и где (в другом крыле здания) располагались комнаты студенческого общежития, в которых жила часть делегатов (в немногочисленных тогда гостиницах жили лишь те, кого мы сегодня бы назвали «ВИП-персонами»). Мой научный руководитель Евгений Александрович Беляев, бывший председателем одной из секций конгресса, попросил меня позаботиться об одном из членов французской делегации 77-летнем Луи Массиньоне, который был не вполне здоров, участвовал только в двух или трёх заседаниях конгресса и, прочитав свой доклад (кажется, о «духовном пространстве города в мире ислама»), вынужден был, к сожалению, лечь в больницу Академии Наук СССР. Я навещал его там каждый день и, как правило, привозил с собой тех членов французской делегации, которых он хотел видеть или которые хотели его навестить. Разумеется, я

старался воспользоваться случаем, чтобы выяснить их мнения о событиях в Алжире и забрасывал их, как теперь понимаю, весьма наивными и, может быть, даже не вполне тактичными вопросами об алжирской войне и алжирцах во Франции, об отношении к ним французов и о перспективах обретения Алжиром независимости. Самое смешное (как мне ясно теперь!), что я никак не мог понять, почему они все старательно уклонялись от ясного ответа. К тому же, я тогда гораздо хуже говорил по-французски и еще хуже понимал этот язык, ибо впервые беседовал с представителями Франции, о которой много читал, но в которой тогда ещё не успел побывать.

Среди них были знаменитые тогда арабисты-филологи Режи Блашер и Мариюс Канар, известный историк-медиевист Клод Каэн, этнолог Жан Сервье и один из администраторов Лувра Жак Вейль. Плохо видевший Блашер был крайне немногословен и мало расположен говорить на темы, выходявшие за рамки его специальности. Канар запомнился в основном манерой громко говорить и быстро исчезать. Каэн удивил меня потёртыми джинсами и простой рубашкой вполне «пролетарского» вида, мало гармонизировавшими с его внешностью пожилого интеллигентного южанина с грустными чёрными глазами и сидящей эспаньолкой. «По нему видно, как он экономит каждый франк» - говорил мне Е.А. Беляев, высоко ценивший Каэна как «лучшего в Европе знатока гражданской истории Ближнего Востока» и ещё до этого дважды с ним встречавшийся на предыдущих конгрессах востоковедов в Кембридже в 1954 г. и в Мюнхене в 1957 г.

Повторюсь: по теме моей диссертации я от них практически ничего не услышал. Лишь Жан Сервье, коренастый крепыш с накачанными мускулами и орлиным профилем, прочёл мне целую лекцию об Алжире, где он оказался свидетелем начала революции, а затем – одним из активных её противников и организаторов карательной экспедиции против повстанцев Ауреса (горно-лесного массива на востоке страны, ставшего колыбелью революции). Разумеется, мне мало что дали откровения Сервье, трактовавшего алжирские события в сугубо колониалистском духе. Позднее я прочитал его мемуары «По следам мятежников в Ауресе», представлявшие собой расширенный и

слишком многословный вариант того, что он мне более кратко рассказал в Москве. Справедливости ради стоит всё же признать, что один из его тезисов не был лишен основания: «Французская армия и аппарат власти в Алжире занимаются там не своим делом, не зная и не понимая причин восстания, каковые коренятся вовсе не в исламе, не в природном бунтарстве горцев и не в политических амбициях их вожakov, а в нерешённых экономических и социальных проблемах страны, косности традиционной части общества, отвергающей французское влияние, и неизжитости вражды племён». Я учёл это, по-моему, единственно правильное его утверждение, о других – спорных или совершенно неприемлемых – не буду даже упоминать. Интерес для меня представляли лишь ответы двух, как мне потом стало ясно, самых выдающихся членов французской делегации на конгрессе – Луи Массиньона и Максима Родинсона. Массиньон, к тому времени всемирно знаменитый автор множества трудов и член нескольких академий мира, говорил на многих языках, но держался удивительно просто, хотя даже среди французской делегации слыл «мистиком и близким к Ватикану тайным членом какого-то духовного ордена». Беляев говорил мне, что римский папа специально ради Массиньона внёс изменения в устав этого монашеского ордена и что Массиньон, человек редкой эрудиции и разнообразных знаний, вместе с тем является глубоко и искренне верующим католиком

Про Родинсона я тогда знал очень мало. Это потом я узнал, частично – из прессы, частично – от него самого, что он – сын литовского караима, эмигрировавшего из Витебска во Францию, что отец его последовательно был анархистом, социалистом и коммунистом, что в его семье и во Франции продолжали говорить по-русски, а Максимом его родители называли в честь Максима Горького. Работать Максим начал с 13 лет, в основном – с целью накопить денег на учёбу, так как у родителей средств на это не было. В конечном итоге он своего добился.¹ Его называли и «ведущим экспертом по Ближнему Востоку», и «гениальным самоучкой». Обучаясь последовательно в

---

¹ Подробнее см. Ланда Р.Г. Максим Родинсон – выдающийся исламовед XX века // *Азия и Африка сегодня*. – М., 2006. – №10. – С. 50-57.

трёх высших учебных заведениях, он будто бы так и не получил ни одного удостоверяющего научную степень диплома. Я не знаю, так ли это. Он сам ничего по этому поводу не говорил. Известно лишь, что ничто не мешало ему стать хорошим специалистом по древним семитским языкам, признанным исламоведом и обществоведом, эрудиция которого простиралась от глубин восточной философии до специфики арабской кулинарии.

В 1940 г. он был направлен в Сирию и Ливан, где пробыл шесть лет. Пребывание на Востоке превратило его в одного из ведущих специалистов по арабской проблематике. По возвращении во Францию он сначала работал в Национальной библиотеке, а потом – преподавал в тех вузах, в которых учился ещё до войны. Вскоре он стал экспертом по вопросам Ближнего Востока при руководстве ФКП, в которую вступил ещё в 1937 г. Тогда же, в конце 40-х годов, начались и его разногласия с этим руководством из-за «вмешательства в дела братской партии» (он позволил себе критику лидера КП Сирии Халида Багдаша). Тем не менее, с 1952 г. стали публиковаться его статьи и интервью. Одно из них я прочитал в журнале «В защиту мира» в 1957 г. Родинсон уже тогда был членом Всемирного совета мира. Так что в 1960 г. я уже знал, кто такой Родинсон, и многого ждал от бесед с ним.

Мы встретились в высотном здании незадолго до этого выстроенного общежития МГУ, где он занимал небольшую комнату. Обычно мои беседы с французами тогда были весьма краткими, и после нескольких фраз мы отправлялись к Массиньону. Однако Родинсон, в отличие от других, проявил интерес и ко мне, и к теме моей диссертации, подробно поделился своим мнением о событиях в Алжире, заодно сообщив, что он вышел из ФКП ввиду того, что её позиция не соответствует «принципам пролетарского интернационализма и солидарности с борьбой народов колоний за свое освобождение». Для меня это было неожиданностью. Окончательно он поставил меня в тупик предложением присылать из Парижа газету, как он выразился, «коммунистов-диссидентов», которая освещает все события в колониальном мире «такими, какие они есть, а не сквозь призму партийных догм». Так у нас не выражались тогда, 50 лет

назад. Более того, даже слушать подобные речи было небезопасно. И он, увидев мою растерянность, улыбнулся и всё понял.

Он как-то сразу вызвал у меня симпатию своей открытостью, тактичностью, интересом к нашей стране и нашему востоковедению, знакомством с русским языком, на котором он не говорил, но свободно читал. В ходе беседы он иногда вставлял отдельные русские слова и целые фразы, если видел, что мне что-то не ясно или не совсем понятно. Мы проговорили ещё часа полтора, потом продолжали беседовать по дороге в больницу, где мне выпала честь (все это в полной мере я осознал потом) присутствовать при беседе двух выдающихся исламоведов XX века. Массиньон, будучи католиком и сторонником де Голля (он мне сам говорил, что генерал – «это благородный, сильный и безжалостный, но великий человек»), искренне радовался приходу Родинсона, политических убеждений которого, конечно, не разделял. Но он называл его «дорогой коллега» и живо интересовался его мнением по всем вопросам, в том числе – о состоянии ислама в СССР и советского исламоведения. Он говорил при этом, что должен все об СССР знать как «академический русский» (будучи иностранным членом АН СССР, он полагал, что именно так по-русски звучит звание «русский академик»). Примечательно, что Массиньон тогда не был членом Французской академии, так как считал, что академия – «не парламент» и в неё надо не выбирать, а назначать тех, у кого есть научные заслуги, не устраивая при этом «несправедливой и неразумной конкуренции». Об этом же он говорил потом и при встречах с посещавшими его советскими востоковедами, прежде всего с Е.А. Беляевым, который, как мне кажется, понимал Массиньона лучше других. Он даже защищал его от критики, в частности – со стороны Нины Викторовны Пигулевской, которая, после посещения Массиньона в больнице, осталась им явно недовольна и сочла, что он – будто бы «типичный миссионер» и «сеятель мистицизма». Я присутствовал при их беседе и у меня сложилось впечатление, что Нина Викторовна, скорее всего, была обижена тем, что Массиньон уклонялся от разговора на близкую ей тему культуры Сирии накануне арабского завоевания и всё время обращался к участвовавшему в разговоре Е.А. Беляеву, переключая внимание на более ему интересные исламоведче-

ские сюжеты. Уже после этой беседы я слышал, как Евгений Александрович старался убедить Нину Викторовну: «Интересно не то, что Массиньон — ревностный католик. Важно, что он при этом — убежденный гуманист, широко и свободно мыслящий, какого не так часто можно встретить среди поклонников любой религии». Меня поразило, что примерно ту же оценку Массиньона я услышал от Родинсона после их вышеупомянутой встречи, свидетелем которой я был.

Слушая их беседу, я с удивлением узнавал (говорил об этом преимущественно Родинсон), что у нас, в СССР, исламу уделяется явно недостаточное внимание и что им «занимаются марксисты, не имеющие о марксизме никакого понятия». По этому вопросу собеседники поинтересовались моим мнением. Я, тогда ещё мало что зная об исламе, сказал, что у нас, судя по всему, всякая религия будет отмирать по мере роста образованности населения. «А вы были в районах распространения ислама — в Татарии, Средней Азии, на Кавказе?» — спросил меня Родинсон. Я тогда ещё нигде не был и лишь потом, побывав в этих районах, понял, почему и Массиньон, и Родинсон довольно скептически восприняли мои слова.

Когда мы, покинув больницу, шли пешком до МГУ, Родинсон мне говорил: «Конечно, Массиньон — не наш единомышленник. Он глубоко религиозен, и ему чужды любые идеи социалистического толка. Но он — человек очень широкого кругозора, огромной эрудиции и утонченного интеллекта. К тому же, он верен своим принципам, и, выступая против войны в Алжире в соответствии со своими христианскими убеждениями, он, несмотря на возраст и проблемы со здоровьем, участвовал в демонстрациях за мир в Алжире и даже пострадал при их разгоне полицией. Возможно, что именно поэтому он сейчас в больнице, куда лег из-за болей в позвоночнике». Я спросил, почему так затянулась война в Алжире, если даже такие видные приверженцы де Голля, как Массиньон, её осуждают. Родинсон ответил: «Понимаете, количество французов, погибших в Алжире, меньше, чем жертв ежедневных инцидентов на транспорте и дорогах Франции. А инерция колониалистских представлений ещё сильна. Многие верят, что Франция осуществляет в Алжире «цивилизаторскую миссию» и что вообще «Алжир — это Фран-

ция». Нельзя сбрасывать со счетов и ущемлённость французов поражением 1940 г. и 4-летней немецкой оккупацией, а также – настойчивость де Голля в отстаивании идеи «величия» Франции. В результате довольно трудно расшевелить среднего обывателя, даже – хорошо зарабатывающего рабочего. В антивоенных демонстрациях участвуют преимущественно левая интеллигенция, учащаяся молодежь, эмигранты из Азии и Африки, как правило – безработные, потому что получившие работу эмигранты, в том числе из стран Магриба, безусловно, сочувствующие алжирцам, очень боятся эту с большим трудом обретенную работу, потерять».

«Но ведь ФКП и профсоюзы организуют довольно массовые демонстрации?» – спросил я его. «Да, бывает и так – признал он как бы нехотя. – Но это, как правило, приурочено к каким-либо датам вроде 1 мая или же вызывается какими-либо целями ФКП внутри Франции. ФКП слишком боится, на наш взгляд, показаться недостаточно «патриотичной» в глазах обывателя, часто не владеет обстановкой, а пассивно «плывет по течению». Кроме того, она слишком часто подчеркивает, что ей чужд всякий национализм, включая алжирский. В результате у алжирцев сложилось впечатление, что ФКП за них – лишь на словах, формально. К тому же, давно известно, что ФКП исходит, как, впрочем, и компартия Алжира, из давней схемы: все колонии Франции, в том числе Алжир, станут свободными лишь после победы пролетарской революции во Франции. А если алжирцы не хотят ее дожидаться?»

Потом мы встречались ещё раза два, но подробно и обстоятельно поговорить не удавалось. Я больше общался в оставшиеся дни с Массиньоном и немало от него узнал, в том числе – о его знакомстве со многими лидерами алжирской революции, особенно – с Фархатом Аббасом, который через него даже пытался, как глава Временного правительства Алжира в эмиграции, установить контакты с де Голлем. Зная, как уважает Массиньон де Голля, я с удивлением услышал от него: «Генерал де Голль мечтает о великой Франции. Но её уже давно нет. Сейчас настало другое время и пришли другие люди. Причём не только во Франции». После отъезда из Москвы делегатов конгресса я получил два письма от Массиньона и от Родинсона. К сожалению

нию, они не сохранились. Мы в молодости редко можем по-настоящему оценить то, что с нами происходит, и тех с кем мы встречаемся, тем более — документы, об этом свидетельствующие. Я помню только, что письмо Массиньона было как бы «протокольным», в котором он любезно благодарил за внимание, оказанное ему в Москве. Письмо же Родинсона было более подробным. Оно касалось и здоровья Массиньона, которое не улучшалось (в 1962 году он, к сожалению, скончался), и событий во Франции, где тогда начался террор колониалистско-фашистской группировки ОАС, и войны в Алжире, которая, по мнению Родинсона, подходила к концу, что случилось, однако, примерно через год. К письму была приложена выпущенная одним из французских издательств краткая библиография опубликованных во Франции книг о войне в Алжире.

Встречи 1960 г. в Москве мне не только хорошо запомнились, но и многое дали с чисто профессиональной точки зрения. С того времени я, естественно, гораздо более внимательно и «заинтересованно» читал работы встречавшихся мне в Москве французских востоковедов. Впоследствии знание их работ помогло мне во время научных командировок во Францию, Испанию и страны Магриба быстрее установить контакты и взаимопонимание с учеными-арабистами Пьером Гишаром и Домиником Шевалье, Бернаром Венсаном и Луи Кардайяком, Мерседес Гарсиа-Ареналь и Луисом Молиной, Мхаммадом Бен Аббудом и Абд аль-Джалилем Темими. Для них имена Луи Массиньона и Максима Родинсона были как бы паролем, пропуском для назвавшего их в сообщество серьезных исследователей, хорошо знающих друг друга. Ничего этого я тогда, в 1960 г., конечно, не знал и не понимал, но впоследствии был трижды благодарен судьбе за в общем-то случайные и неожиданные встречи на конгрессе востоковедов в Москве. Слушая, о чем говорили Массиньон с Родинсоном, а чуть позже Массиньон с другими востоковедами из Франции и СССР, я учился более критически относиться к тому, что у нас писали об исламе, арабах, да и о таких понятиях как «единство арабов». Эта идея египетского президента Насера буквально овладела тогда умами наших арабистов, в том числе ведущих. Но и Массиньон, и Родинсон мне буквально открыли на нее глаза. «Это невозможно чисто географи-

чески – сказал Массиньон.- Посмотрите, какие разные арабские страны и их жители, говорящие на разных диалектах, имеющие отличия в одежде, пище, нравах, традициях». А Родинсон добавил: «Конечно, арабское единство – явление объективно прогрессивное. И было бы прекрасно, если бы его удалось реализовать. Но арабы, имеющие немало общего друг с другом, все же не образуют, как считают Насер и члены партии Баас, «единой арабской нации». Каждая арабская страна имеет свою специфику и свой уклад жизни. Христиане Ближнего Востока не похожи на католиков – кабилы Алжира, а друзы и алавиты Сирии и Ливана не имеют ничего общего с прочими шиитами. В Алжире и особенно Марокко велика роль берберов, в Ираке- курдов, в Судане – южан, не говорящих по-арабски и не исповедующих ислама. И вообще о чем говорить, если арабы-сунниты не всегда могут договориться с арабами-шиитами даже внутри одной страны, например, Ливана, Ирака, Бахрейна, Саудовской Аравии».

Так случилось, что потом мне редко приходилось сталкиваться с трудами Массиньона, поскольку он мало писал о странах Магриба, больше всего меня интересовавших. В то же время работы Родинсона попадались гораздо чаще, поскольку он, как правило, трактовал (и нередко остро критиковал) не только духовные, но также политические и социальные аспекты ислама, что всегда вызывало у наших востоковедов большой интерес. Особенно часто у нас упоминалась его изданная в 1966 г. книга «Ислам и капитализм», в которой убедительно доказано, что ислам вполне совместим с капитализмом, что представления об их якобы несовместимости – прямое следствие незнания Европой ни ислама, ни жизни мусульманских обществ.

Более того, он уже тогда, в 1966 г., признал специфической чертой мусульманских обществ средневековья наличие многих формаций (мы бы сейчас сказали «укладов») и многих факторов, определявших их развитие. Но среди этих факторов религия, по его мнению, вовсе не играла доминирующей роли. Поэтому она не была ни препятствием для развития, ни стимулом для него. Родинсон объяснял наметившийся к середине XX века антикапитализм многих стран ислама не религиозными, а социально-экономическими и историко-политическими причи-

нами, прежде всего, разрушительными последствиями их следования путем капитализма и небывалой социальной поляризации, приводившей к тяжелым последствиям. Отсюда и отказ от капитализма под флагом либо локальной самобытности (национализма), либо религиозной или социалистической идеологии.¹

Внимание Родинсона к исследованию главным образом социального аспекта ислама часто заслоняло (особенно в глазах советских исламоведов) другие стороны его научного творчества. Я лично, должен признаться, со значительным опозданием понял, что между Массиньоном и Родинсоном было гораздо больше общего, чем казалось мне в Москве в 1960 г., да и позже, когда я познакомился с их трудами. В частности, у них было немало сходных точек зрения на такие, например, проблемы, как отношения Европы и мира ислама, Франции и арабских стран, оценка государства Израиль, его политики и ее отдаленных перспектив на Ближнем Востоке.² Причём Родинсон, будучи на 32 года моложе, естественно, многому учился у Массиньона, который, в свою очередь, как он сам признавал, считал своими учителями Шарля де Фуко (известного миссионера, убитого в Сахаре и осуждавшего «колониальное проникновение западной культуры» на Восток) и Махатму Ганди, который выступал против «покушений на священный характер всякой человеческой жизни».³ Известный знаток Ближнего Востока Доминик Шевалье, цитируя по архивам МИД Франции рекомендации Массиньона французскому правительству в 1936 г. проводить «искреннюю проарабскую политику», одновременно поделился своими личными воспоминаниями о беседах с Массиньоном в 1958 г.: «Мы тогда переживали войну в Алжире. И Массиньон объяснил мне, как велика наша ответственность араби-

---

¹ Rodinson M. *Islam et capitalisme*. – P., 1966

² Massignon L. *Annuaire du monde musulman, statistique, historique, social et économique*. – P., 1923-1925; Massignon L. *L'Islam et les puissances européennes (L'Islam et la politique contemporaine)*. – P. 1927; Massignon L. *Ce qu'est la Terre Sainte pour les communautés humaines qui demandent justice (Opera Minora III)*. – Beyrouth, 1963, pp. 472-485; Massignon L. *La Palestine et la paix dans la justice // Parole donnée*. – P., 1962, – P. 228-45.

³ Opera Minora III, p. 347, 775, "Parole donnée", pp. 64, 246

стов, от которой мы не имеем права уклоняться».¹ Сам он считал это своим долгом и поступал соответствующим образом.

По свидетельству друзей, Родинсон называл Массиньона «мой учитель» (он прослушал курс его лекций в Коллеж де Франс). Но дело не столько в его формальном ученичестве, сколько в совпадении их взглядов и подхода к оценке историко-политических проблем и явлений с позиций самой безупречной морали и самой высокой нравственности, для которой совесть, справедливость и уважение к людям любого происхождения или положения, любой религии или идеологии являются вечными ценностями. Этот просвещенный гуманизм самой высокой пробы у нас раньше нередко называли «наивным утопизмом» или «вредной иллюзией». Но возможны ли без него научная добросовестность, честность ученого перед самим собой, перед коллегами и перед народами, проблемы которых он изучает?

Родинсон всегда стремился к объективному анализу ближневосточной проблемы, с одинаковой силой убеждения и основательностью критикуя как политику Израиля, так и ряда арабских лидеров, как Запада, так и СССР, сначала поддержавшего образование Израиля, а затем сделавшего из него основную мишень для критики. Как ни странно, но именно эта позиция «независимого марксиста» больше всего способствовала расхождению Родинсона с ФКП, которая то одобряла его, то осуждала в зависимости от перемен в СССР, ситуации во Франции и в арабских странах. Родинсон никогда не выступал за ликвидацию государства Израиль, но всегда требовал признания им своей ответственности и даже своей вины перед арабами, ибо только это могло, по его мнению, стать главным условием последующего политического решения конфликта на Ближнем Востоке.

И если эта его позиция в целом не была понята в своё время ни у нас, ни на Западе, ни тем более в Израиле, она нашла полное понимание у его арабских друзей в Сирии, Ливане и Палестине. Поэтому вполне логично, что именно журнал Института палестинских исследований в Бейруте, в редколлегию кото-

---

¹ Les Arabes du Message a l'histoire. Sous la direction de D. Chevallier et A. Miquel. – P., 1995. – P. 499-500

рого входят мусульмане и христиане, представители разных арабских стран, в том числе – всемирно известный и лично мне знакомый специалист по международному праву профессор Ливанского университета Эдмон Наим, недавно опубликовал серию воспоминаний друзей и коллег Родинсона с высокой оценкой его научного творчества и чисто человеческих качеств.¹

Учёный, более 40 лет жизни отдавший изучению ислама, Родинсон не мог не откликнуться на явление, которое он же первым или одним из первых назвал «политическим исламом». Внимательно наблюдая за его рождением, особенно – со времён революции 1978-1979 гг. в Иране, он посвятил ему, по его же признанию, около сотни статей. Наиболее значительные из них составили основу книги «Ислам: политика и вера» (1993, 2-е издание 1995), в которой рассматриваются развитие ислама от его возникновения до наших дней, его идеалы и их соотношение с реальностью, порождаемые исламом иллюзии и утопии, место «политического ислама» (или исламизма) в геополитической структуре современного мира, расколы и течения в исламе, его отношение к государству и меньшинствам. Родинсон обращал внимание на связь духовных, идеологических и этических проблем не только с религией, но и с экономическим развитием, историей общественных классов, социальными вопросами, которые учитываются исламистами в их политической практике. Он объяснил, почему «марксистствующий национализм» проигрывал мусульманскому национализму, более «чистому» с точки зрения масс, вновь обратившихся к религии.²

Дать полную характеристику всего сделанного в науке Родинсоном одному человеку просто невозможно. Помимо исламоведения, социологии, политологии и истории, он также активно занимался лингвистикой, о чем дает некоторое представление сборник в его честь, опубликованный семитологами Парижа к его 70-летию.³ Что касается меня, то я многое узнал о нём после наших встреч, состоявшихся уже через 35 лет после

---

¹ Hommages a Maxime Rodinson // Revue d'études palestiniennes. – Beyrouth, 2004. – №93. – P. 10-53

² Rodinson M. L'Islam: politique et croyance. – P. 7, 25, 275 – 280

³ Melanges linguistiques offerts a Maxime Rodinson par ses élèves, ses collègues et ses amis. – P., 1985. – P. 451.

первого знакомства.

В июне 1995 г. мне довелось участвовать в 3-й конференции Северного общества ближневосточных исследований в гор. Йонсуу в Финляндии. Францию на ней представлял Родинсон. Удивительно, но мы с ним встретились так, словно расстались лишь вчера. Ему было уже 80 лет, но выглядел он моложе и вообще мало изменился за то время, что мы не виделись. Его доклад «Культурные контакты в мире Средиземноморья» открывал конференцию. По его словам, «Средиземноморье всегда было классическим центром подобных контактов», местом преодоления границ между культурами и установления взаимосвязей между ними.

Живо на всё реагирующий, бодро державшийся, открытый в общении, Родинсон интересовался, как всегда, новостями из России, темами докладов российских учёных, выступал в прениях по ним, особенно подчеркивая значение анализа пограничных и переходных ситуаций в полиэтнических и многоконфессиональных обществах. Мы много общались и вне заседаний. Он говорил о своих последних работах, которые тогда ещё были у нас не известны, о его взглядах на перемены в мире ислама, на проблемы терроризма, политического насилия на Востоке и на Западе. Его суждения о работе конференции, были, хоть и скептически, но весьма поучительны. В частности, по поводу доклада норвежского ученого Бьорна-Олава Утвика «Аятоллы Хомейни – Кромвель нашего времени» он сказал следующее: «Хомейни многие принимали за Робеспьера или Ленина. Но он был скорее Кальвин и почти стал Торквемадой». Примерно это же я потом прочитал в одной из книг Родинсона.

Через год я был в научной командировке во Францию и, конечно, посетил Родинсона. Он жил на улице Вано, в бывшем аристократическом квартале Парижа, недалеко от бульвара Распай, на пятом этаже старинного дома без лифта. Подниматься к нему нужно было по неудобной узкой и крутой лестнице. «Нам с женой это трудно – говорил он мне потом. – Но мы привыкли, потому что лифт сделать в этом доме практически невозможно». Зато он очень гордился, что недалеко от него – отель Матиньон (резиденция правительства) и некоторые министерства. «А прямо против моих окон – особняк мадам Тальен, знаменитой жен-

щины эпохи Французской революции, а также другие исторические здания Парижа» - сказал он, стоя посреди комнаты, разглядеть в которой можно было лишь потолок: и стены, и пол были сплошь закрыты книгами, стоявшими в шкафах, на стеллажах, лежавшими на столе, на стульях, и просто на полу. Однако, он хорошо ориентировался в их с виду хаотичном нагромождении, мгновенно извлекая из него ту книгу, которая ему была нужна.

«Во французском исламоведении – полагал Родинсон – сейчас нет таких фигур как Массиньон. Но отдельные аспекты ислама разрабатываются глубже, чем раньше. В социологии ислама много сделал Жан-Поль Шарнэ, в изучении философии ислама – Мухаммед Аркун, в исследовании его истории – работающий в Лионе Тьерри Бьянки. Анрэ Микель – хороший специалист, но больше по арабской литературе, чем по исламу. А что касается изучения отдельных арабских стран, то здесь, конечно, на первом месте Доминик Шевалье с его работами по Ливану и Андрэ Нуши по Тунису. В Алжире – продолжал он – очень эффективный и жёсткий режим. Но никакое, даже самое сильное правительство войну прекратить не сможет, если люди будут голодать. А среди алжирцев – до 4 млн. безработных! И их чисто социальное недовольство, а заодно – и политическое, ввиду дискредитации прошлого когда-то революционного режима, находит выход в поддержке исламизма. У нас многие, да и у вас, кажется, тоже, не понимают, что религиозная оболочка политического ислама – лишь удобная форма, а в некоторых случаях – даже маска социального, политического или национального недовольства. Надо ликвидировать корни этого недовольства, а не гоняться за каждым террористом на танках и самолетах! Пока это не будет сделано, трудно предсказать, чем дело кончится в Алжире. В этом вопросе я не берусь быть пророком». О других странах (Египте, Афганистане и прочих) он предпочел вообще не говорить, сказав, что «не имел возможности последние годы вплотную ими заниматься». Ограничился лишь замечанием, что «религиозность людей всюду возрастает», даже в Европе и США, что связывал, прежде всего, со стремлением людей, в первую очередь в Азии и Африке, «но и кое-где в Европе», четко обозначить «под флагом религии свою этнокультурную идентичность», а также – с ростом неуверенности в бу-

дущем и неспособностью большинства людей переварить гигантски возросший поток информации.

Это была наша последняя встреча. В 2004 г. Родинсон скончался. Стоит напомнить, что именно ему мы все обязаны наиболее чётким и продуманным определением отношений ислама и капитализма, а заодно ислама и гуманизма, ислама и западной цивилизации. Во многом благодаря его усилиям социология, политология и изучение экономики вошли в практику исламоведов Франции, а затем и всего Запада. Он обогатил исламоведение знанием классической античной философии и общественной мысли новейшего времени, сравнительным анализом мировых религий и межкультурных контактов Востока и Запада на самых разных этапах истории. Наконец, Родинсон – первый исламовед, определивший содержание «политического ислама» как результат обогащения традиционного мусульманского общества социокультурным, научно-техническим и политическим опытом Запада.

Заслуги Родинсона бесспорны. Но далеко не все из них признаны и оценены по достоинству. Думается, что со временем Родинсон предстанет перед всеми в своем подлинном облике выдающегося специалиста по истории и политологии арабов, учёного-гуманиста, никогда не поступавшегося своей совестью и считавшего делом чести отстаивать истину в науке, политике или повседневной жизни, невзирая на лица или обстоятельства.

Как трудно стать Бартольдом

Желание стать востоковедом рождалось как-то стихийно. Первоначально я хотел поступать в Архитектурный институт, и тема Востока тогда присутствовала только в виде стамбульских мечетей и минаретов. Но за год, который начался со смерти Сталина, всё круто изменилось: я критически оценил свои способности как художника, и как математика, посему выбрал исторический факультет МГУ. Ведь там было отделение истории Востока. К тому времени, благодаря постоянно звучавшему в нашей комнате радио и регулярному чтению газеты «Правда», которую выписывала моя мама, мои представления о Востоке изменились: события в Китае, корейская война, свержение короля Фарука в Египте показывали, что именно на Востоке нас, вчерашних школьников, ждут великие дела. Сдав летом 1954 г. вступительные экзамены на истфак МГУ, я оказался в группе будущих историков-востоковедов. Нас было немного: 13 человек на курсе, где училось около двухсот. Тем не менее, мне сразу бросилось в глаза сколь активную роль играли студенты-«восточники» в жизни факультета. С самых первых дней они и нас стали опекать, помогая быстрее осваиваться в новой для нас атмосфере студенческой жизни. Нашим куратором стал Арлен Меликсетов, дружба с которым у меня сохранилась на долгие годы. Сегодня мне ясно, что я оказался на истфаке в пору расцвета отечественного востоковедения. Судьба его была очень непростая. Достаточно прочесть книгу «Люди и судьбы», чтобы понять сколь опасной оказалась эта профессия для многих наших учителей и предшественников. Однако то обстоятельство, что К. Маркс и Ф. Энгельс очень мало внимания уделяли Востоку, оставляло советским востоковедам гораздо более широкое поле для самостоятельного теоретического осмысления истори-

ческих процессов, чем исследователям занимавшихся историей России или западного мира. Когда со смертью «вождя всех народов» кончилась полоса политического террора, востоковедение в нашей стране стало быстро развиваться. Конечно, начинающим студентам понять и оценить этот процесс было не по силам, но мы с гордостью вспоминаем, что среди тех, кто нас учил, были такие выдающиеся ученые как А.А. Губер, И.М. Рейснер, Н.И. Конрад, В.А. Гордлевский. Мы слушали лекции А.Л. Гальперина, Н.М. Гольдберга, Л.В. Симановской, А.М. Осипова, А.М. Дьякова, А.Ф. Миллера, Б.М. Гранде, В.М. Насилова. У каждого из них была своя манера чтения лекций и свои взгляды на судьбы, как всего Востока, так и той страны, изучением которой они занимались. Трудно сказать, что нас привлекало больше – широта их взглядов, огромная эрудиция или оригинальность суждений, но в нашем студенческом сознании осталось ощущение огромной сложности проблем Востока, невозможность их решения без глубокого проникновения в сущность исторических явлений, без понимания особенностей жизненных условий и логики поведения населения тех или иных восточных стран. Осталось в памяти и то уважительное отношение к нам, студентам, как к молодым коллегам, которые должны продолжить начатое нашими учителями дело. Все это не только поддерживало нас в каждодневных занятиях, но и рождало в нашем сознании ощущение нужности и значимости нашего выбора, придавало смелости в высказывании собственных идей.

Не забудем, что наша учёба проходила на фоне важных перемен в жизни стран Востока, вступавших на путь самостоятельного развития, освобождения от прежней колониальной и полуколониальной зависимости. Одним из важных свидетельств тому стало создание в 1956 г. Института восточных языков (ИВЯ) при МГУ, как учебного заведения, выпускники которого должны были помочь в развитии политических, экономических и культурных связей СССР со странами Востока. В его структуру вошли восточные отделения исторического и филологического факультетов МГУ, а также преподаватели и слушатели ВИИЯКА (Военного Института иностранных языков Красной Армии). Для меня и моих товарищей по истфаку это было не

просто переезд из одного здания МГУ в другое, но и существенное изменение самого содержания учебного процесса. Прежде всего, изменился подход к изучению восточных языков. На истфаке, по старой университетской традиции, основное внимание обращалось на усвоение грамматики с тем, чтобы затем можно было читать исторические хроники и иные исторические труды. В ИВЯ упор был сделан на активное владение языком, как инструмента непосредственного общения, что существенно повышало уровень языковых знаний, но и требовало значительного увеличения учебных часов на языковую подготовку. Кроме того возросло и количество часов, отводимых на изучение литературы Востока. В конечном итоге образование, получаемое в ИВЯ, стало более широким и основательным и растянулось, с учётом годовой стажировки в стране изучаемого языка, до шести лет. Поэтому я закончил свою студенческую жизнь в 1960 г., на год позже, чем мои друзья по курсу на истфаке. Свою дипломную работу я писал уже как студент, специализирующийся по истории Турции, а ведь на истфак я пришёл, намереваясь стать арабистом. Об этой трансформации я теперь, как директор ИСАА, рассказываю первокурсникам, которые приходят ко мне жаловаться, что им достался не тот восточный язык, который они хотели бы изучать.

В моей группе первокурсников Отделения Востока, нас было трое, пожелавших изучать арабский язык - испанец А. Санчес, А. Агарышев, приехавший из Кургана, и я. Тогдашний руководитель Отделения профессор Н.А. Смирнов, известный специалист по истории Турции, поинтересовался, кто из нас хотел бы заняться турецкой историей. Мы все твердо стояли на своём. Турция тех дней не вызывала у нас никаких симпатий: страна, вступившая в НАТО, пославшая своих солдат на корейскую войну, воспринималась нами негативно. Зато события, происходившие на Арабском Востоке, вселяли надежды на развитие в ближайшем будущем достаточно широких отношений нашей страны с арабскими странами, боровшимися за свою независимость. Выслушав наши пламенные речи, Н.А. Смирнов вдруг спросил нас: «хотим ли мы быть похожими на В.В. Бартольда?». Имя этого отечественного востоковеда с мировой известностью нам было уже знакомо, хотя его работ мы ещё не

читали. Тем не менее, мы, естественно, ответили утвердительно. Н.А. Смирнов разъяснил нам, что В.В. Бартольд на студенческой скамье изучал три восточных языка - арабский, турецкий и персидский. Поэтому, если мы хотим пойти по стопам Бартольда, он предлагает нам начать с изучения двух языков - арабского и турецкого, а года через два к ним добавить и персидский. Мы с радостью на это согласились. Действительно, в течение первого года мы втроем ходили на занятия по арабскому и турецкому языкам. Когда же год закончился, Николай Александрович собрал нас вновь. Посмотрев нашу успеваемость, он отметил, что в арабском языке лучше всего преуспел А. Санчес, а из нас двоих (Агарышева и меня) лучшие результаты в турецком у меня, и поэтому в дальнейшем я буду специализироваться по Турции, а Агарышев и Санчес будут заниматься Арабским Востоком. Соответственно на втором курсе ситуация была уже другая, основная часть моих языковых занятий приходилась на турецкий язык, а у моих друзей - на арабский. Впрочем, слово своё Н.А. Смирнов сдержал: два часа в неделю я мог заниматься арабским языком, а начинающие арабисты - турецким. На третьем курсе, как мы и договаривались, нам выделили два часа на персидский язык, но уже воспользоваться этой возможностью в рамках ИВЯ нам практически не удалось. Так и не получилось из нас новых Бартольдов. Санчес стал замечательным специалистом по арабскому языку, много лет преподавал в ИВЯ, а затем уехал в Испанию, где продолжил свои арабские штудии. Толя Агарышев стал известным журналистом, освещавшим жизнь в Арабских странах, но, к сожалению, рано ушел из жизни. Я же остался преподавать в ИВЯ, а затем в ИСАА. На кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока, где я работаю, собрались хорошие арабисты и иранисты. Пока еще не удалось осуществить идею Н.А. Смирнова, но я на это надеюсь.

Мой Восток ("Картинки с выставки")

Мой Восток начался в конкретное время и в конкретном месте – а именно: в Военном Институте Иностранных Языков Советской Армии (ВИИЯСА) в 1944 г. На 2-ом, Восточном факультете.

Наверное, идея “вымыть сапоги в Индийском океане” родилась задолго до её озвучивания Жириновским, а значит, еще в Сталинском генштабе, причём я успел к этому времени пройти серьёзную школу в Ульяновском училище связи, где пришлось знакомиться с техникой от малогабаритных раций, снятых с американских истребителей “Кобра”, и до дивизионных и корпусных приёмо-передатчиков. А потом уже – полиграфия в политуправлении ТуркВО в Ташкенте (это уже по направлению из ВИИЯ), где мы печатали листовки на хинди и урду, рассчитанные на будущий театр. Но это было уже после Института. На нём же надо остановиться особо.

Тогда это был какой-то паноптикум характеров, антуража, ситуаций. Генерал-майор Биязи, начальник института, служивший до этого военным атташе в Италии, был человеком честолюбивым и тщеславным, исполненным фантастических, маниловских планов. С некоторыми можно было согласиться. Например, он мечтал о создании некоего трёхчлена: Школа. Институт. Академия. И эксперимент был поставлен: одну из обычных московских школ превратили в такой полигон, где стали преподавать китайский и хинди. Но это не получило должной поддержки и развития. До военной академии иняза дело не дошло.

Одновременно он хотел превратить Институт в элитный спортивный центр и привлекал в его стены действительно вы-

дающихся спортсменов, это были чемпионы СССР в различных видах спорта (в боксе – Михайлов, в тяжелом весе, Огуренков – в среднем, сам Биязи был боксёром в наилегчайшем весе, в “весе петуха”, были и известные волейболисты.) Числились эти “слушатели” на отделениях весьма редких языков, таких как голландский, португальский, получали хорошую стипендию, хороший паёк и посещали, естественно, не институтские аудитории, а тренировочные залы ЦСКА.

Генерал любил коллекционировать людей, которые тоже делали рекламу заведению. Так, время-от-времени можно было видеть слушательницу Валю Борц (молодогвардейку) с золотой звездой Героя и планкой ордена Ленина. Мне довелось наблюдать такую сцену: здоровый парень–амбал выслушивает рапорт какого-то майора, приехавшего на трофейном опеле–адмирале. По всему видно, что парень с “губы” – без ремня, гимнастёрка вроспуск и при нём вооруженный часовой. Парень – сын очень известного маршала, который на Западе в то время заканчивал войну. Майор, стоящий перед ним, очевидно, офицер–порученец, приставленный к супруге маршала, и, соответственно, к маме арестанта. Оказывается, майор привёз из дома от мамы судки с передачей (помните у Галича: “а там икра, а там вино, и сыр и печки–лавочки”) и малый, лениво рассматривая содержимое судков, что-то бормотал майору и тот, получив указания, отбыл. На губу же парень попал после звонка Биязи на фронт папе с жалобой на сына, который плохо учится, прогуливает. Говорили, что маршал наорал на генерал-майора за то, что он отрывает его от важных дел, не может самостоятельно навести порядок в своем хозяйстве и в заключение приказал впредь ему не звонить. После этого Биязи ничего не оставалось, как применить санкции.

И ещё одна картинка. Это выглядело своеобразным кокетством и игрой: дочь начальника общевойсковой Академии им. Фрунзе, генерал-полковника Цветаева, демонстративно носила солдатскую гимнастёрку, такую же юбку, подпоясывалась брезентовым ремнем, а на ногах кирзовые сапоги. Так как она была невысокой, то и сапожки ей шили из кирзы в ателье по заказу. В то время, когда остальные слушательницы были одеты в диагоналевые платья, сшитые по фигуре, носили капроновые

чулки (швом наружу, особый шик в те годы), хромовые заказные сапожки или туфли. А девочки с морского отделения (было и такое! Мальчиков – моряков я что-то не припомню) вообще были франтихами в своей тёмно-синей форме, в элегантных курточках и моряцких тельняшках. Этих девочек посылали в Мурманск, где они проходили практику английского языка с его живыми носителями в лице английских военных моряков из конвоя сопровождения торговых судов с поставками по лендлизу. Мужская аудитория института, по-моему, зря прохаживалась насчёт обязательных шалостей этих девочек за полярным кругом, поскольку каждая не могла поручиться за то, что её же лучшая подруга в этом случае не накатает на неё “телегу” и уж после этого не видать ей ни выточек, ни вставочек, ни швов наружу ...

Но, понятно, в Институте были не только такие мальчики и девочки, были и вчерашние фронтовики, которые жили не по московским квартирам, а в институтском общежитии и тут же столовались. И вот на моих глазах такого фронтовика, китайста-отличника, слушателя последнего, 5-го курса, единственного сына у престарелых родителей, убили. Убили средь бела дня на глазах у обалдевших людей, ожидавших трамвая на противоположной стороне улицы.

А было дело так: между торцами двухэтажных учебных зданий стоял очень неприглядный забор из горбыля, выходивший прямо на людную улицу. Биязи заказал на соседнем “Серп и Молоте” чугунную ажурную решетку с пиками, с вазоцветочными аппликациями. А на месте снесённого забора, вплоть до выполнения заказа, был выставлен часовой, который должен был препятствовать проходу посторонних в Институт и направлять недисциплинированных слушателей на проходную (а это немалый крюк, здесь же перемахнул через низкий фундамент снесенного забора - ты на трамвайной остановке).

На требование часового: “Стой! Стрелять буду!” тот не остановился, а часовой стреляет и попадает аккуратно под левую лопатку бегущему. Разбирательство этого ЧП было недолгим и вынесенный вердикт гласил: “часовой действовал по Уставу караульной службы. Наказанию не подлежит”. Но меньше, чем через год этот горе-часовой, тоже генеральский сыночек, упал

с десятого этажа. Он, якобы в результате гусарского бравирования – пил из бутылки, стоя в раскрытом окне. Говорили, что так был отмщен убитый им фронтовик-отличник на специально организованной пирушке.

Другое институтское ЧП с летальным исходом случилось во время 10-километрового лыжного кросса в Сокольниках за двести метров до финиша. А ведь этот слушатель приходил в санчасть с жалобой на сердце, но освобождения от кросса не получил, “Сачок, – сказали ему, – пойдешь!” Кажется, военврач, начальник санчасти, был после этого уволен.

Но у Института, конечно, были и немалые плюсы – прежде всего, высокий профессионализм преподавателей Западного и Восточного факультетов. Правда, во время кампании по борьбе с космополитизмом английскую кафедру 1-го Западного факультета, почти всю “замели”. Это была очень сильная кафедра. Многие преподаватели стажировались в США, это им и припомнили. Довольно скоро отпустили, правда, не в одно время и не всех. (Вспомнился классический анекдот сталинской поры: “Сталин обнаружил пропажу трубки и приказал Берии разобратся. А скоро сам нашел её в старых штанах (это обязательно, чтобы в “старых”) и сказал: “Лаврентий, отпусти всех!” – “Не могу, товарищ Сталин, все сознались!”)

На 2-ом факультете сильными кафедрами считались японская, арабская (например, по исламу лекции читал Е.А. Беляев). По просьбе Биязи директор Института этнографии С.П. Толстов направил на преподавание курса по культуре Индии своего научного сотрудника Н.Р. Гусеву, выпускницу ЛГУ, ученицу акад. Щербатского, Вострикова, Санкритьяны.

Теперь несколько слов о нашей группе. В ней в разное время было от 10 до 12 человек. Но народ подобрался изобретательный. Старшим был капитан ВВС, легко писавший ямбом стихи на любую заданную тему (в основном – непечатную, я же всю жизнь рисовал и был иллюстратором Сашиных виршей).

Как-то факультетское начальство прознало, про этот ненормативный самиздат и было встревожено самим фактом: “Как, какой-то закрытый журнал и – где?! В военном заведении!! Но после ознакомления успокоилось, крамолы в нем действительно не было). Капитан был хорош собой: брюнет, с чёр-

ными глазами, тонким небольшим с горбинкой носом и щегольской щеточкой усов. К тому же обладал недюжинными актерскими способностями, мог, например, по заказу бледнеть, когда рассказывал какую-нибудь душераздирающую историю в оправдание своего опоздания на занятие: вот только что произошла ужасная картина на станции “Бауманская” – человек был зажат между разделительными металлическими рогатками и эскалатором и его раздавило. Конечно, эскалатор остановили и т.д. и т.п. А ведь впоследствии наш капитан окончил ещё и моринскую высшую штурманскую школу, рано стал генералом и вошёл в верхний эшелон командования ВВС.

Педагогов эти архаровцы (мои однокашники) подвергали всевозможным испытаниям. Здания, в которых размещался институт, были старыми, ещё царской постройки, казармами. По углам аудиторий были крысиные дыры-норы. А к нам пришла молодая, видно, только начинающая преподавательница английского военного перевода. Ей еще надо было утвердить себя в этой сложной и такой разной аудитории (некоторые слушатели в группе были офицерами, двое уже успели обзавестись семьями). Ей устроили такое испытание: насыпали едва заметную дорожку из хлебных крошек от норы до преподавательского стула и стали ждать развязки. Тишину аудитории разрезал страшный женский визг. Женщина вскочила на стул и ещё норовила коленками утвердиться на столе. Крыса с перепугу исчезла моментально в дыре. Девушке стали искренне сочувствовать, урок был сорван, и архаровцы были довольны содеянным.

Тоже самое проделали в отношении Н.Р. Гусевой. Но здесь всё вышло иначе. Вышла крыса – “богатка”, т.е. пёстро раскрашенная – на ней были и белые и желтые пятна и если бы не характерный хвост, ее можно было бы принять за морскую свинку. Когда зверь попал в поле зрения Н. Р., услышали неожиданное: “Ка-кая милая, надо ж крыска может быть такой раскрашенной. Прелесть!” “Ну-у, Наталья Романовна!” – хором затаили разочарованные архаровцы, – это не по правилам.”

А педагогу по хинди-урду Михаилу Николаевичу, которому было за 60 ставили такой “капкан”: “Михал Николаич, вот у Курского вокзала сидит старик с транспарантом на груди и там написано: “Хлеба и денег не прошу”. И ждали, как учитель

сунет палец в “капкан”. Михаил Николаевич оглядел всех недоверчивым взглядом, приблизительно зная, с кем имеет дело. Загадочная улыбка появилась на его лице. И таки сунул палец!! “А что же он хочет?” Вот-вот это и надо было. Значит ему неизвестна эта казарменная хохма. И ответом на его вопрос были ясные, чистые глаза архаровцев и их плечи, поднятые до ушей: “Не знаем Михал Николаич”.

Я уже сказал, что рисую всю жизнь. Узнав это, Н.Р. предложила начальству создать Индийский кабинет. Появились мои большеформатные рисунки выдающихся памятников Индии: Кутуб-минар, ворота-торана Санчи, Тадж Махал и др. Я же сделал и эскизы дверей этого центра, взяв за основу порталы индусских и джайнских храмов. Столярка при институте выполнила рамы и стекление рисунков, 2-3 парные дверные накладки, на которых потом можно было каленым гвоздём выжечь необходимые рисунки, имитирующие скульптурное убранство колонн и арок знаменитых оригиналов.

Эта работа по созданию индийского центра сблизила Н.Р. и меня настолько, что мы решили наши отношения оформить официально. А в армии принято в таких случаях подать начальству рапорт, который, обычно, начинается словами “Прошу разрешить мне ...”

У Биязи секретарём была пышная знойная южная дама. Она обладала значительными полномочиями и не считала нужным рапортом, вроде моего, беспокоить начальство, поэтому резолюцию часто накладывала сама. Вот, что я получил на руки: “Генерал не разрешает. Он может советовать. Генерал не возражает”. Этот документ был у нас долго в семейном архиве. (А, ведь то, что было заложено этой резолюцией – и кто бы мог тогда это сказать! – продолжалось вплоть до конца апреля 2010 г. Или 63,5 года!!) И это тоже было моим Востоком.

Ничто не вечно под Луной и Биязи был сменён генерал-лейтенантом Ратовым. В Институте в связи с передачей дел одним генералом другому родился такой рифмованный экспромт:

“Институт блатов и связей

Сдал генерал-майор Биязи”

“Никаких связей и блатов!

Принял генерал-лейтенант Ратов.”

Институт стал строже и спокойнее. Жизнь в нём обрела черты, присущие любому нормальному высшему учебному заведению (без рингов и нокаутов).

Репутация Института была весьма высокой, о чём расскажет следующая “картинка”. Хотя как сказать! Так ли уж был повинен Институт, потому что Лень Лозовой сам себя сделал высококласным специалистом. В течение 4-го курса он наизусть заучивал газетные тексты (на хинди) и аж пожелтел весь на этой зубрежке, но зато теперь он мог заткнуть за пояс самого Михаила Николаевича, нашего бессменного педагога. – Он легко оперировал точными языковыми штампами.

И пришёл очень ответственный заказ (выше некуда), надо было ненадолго стать личным переводчиком самого Г.К. Жукова, который, будучи тогда военным министром, летел в Индию главой правительственной делегации. И случилось непоправимое. Когда самолет приземлился в делийском аэропорту Палам, у Лени так заложило уши, что он не слушал речи Жукова, произносимой тут же, на лётном поле. Поняв, что ничего исправить нельзя, он врубил на хинди весь имеющийся у него на руках текст.

Командировка Лозового оказалась очень короткой. А ведь поездка должна была быть интересной для него как индолога и весьма важной в плане служебной карьеры. Нам его искренне было жаль.

Жизнь складывалась таким образом, что нетрудно сохранить уже выбранный жанр “картинок”. Я не сторонник сгущать краски и видеть вокруг только негатив.

Например, во время нашей с Н.Р. работы в Индии и здесь, в Москве в исполкоме Общества советско-индийской дружбы (ОСИД, составная большой семьи ССОД или Союза советских обществ дружбы) приходилось быть в тесном контакте с такими замечательными людьми, как строитель Бхилая Н.В. Голдин (впоследствии министр тяжмаша и президент ОСИД), как зам. предсовмина В.Э. Дымшиц, курирующий наши стройки за рубежом, как многие писатели, художники, артисты.

Но это для другой экспозиции “картинок”. А в нашей видятся иные экспонаты. Одному “хозяину” в центре возились шубы, другому – очередные издания энциклопедии Британики.

Всё это подносилось, конечно, как подарки. На самом же деле это были откровенные взятки за продление заграникомандировок.

Я помню, как выглядел кадровик в СОД'е, когда мы, приехав из Индии, привезли ему туристические сувенирчики — какие-то “тропические” галстуки, ручки с разноцветными стержнями и еще что-то в этом роде. Он сидел в своем кресле молчаливый, почему-то в фетровой шляпе, вперив взор поверх и мимо нас. Мне кажется, он лишился дара речи и был в легком коматозе.

На Цейлоне

На этом волшебном по природе острове мне довелось быть с нашей торгово-промышленной выставкой. Я представлял стенд АН СССР-Космос. Советские спутники. Было их, помнится, к тому времени штук 6, выполненные в металле 1:1.

Выставка началась в сложной обстановке: только что произошло убийство премьера Бандерананке, зарезали нашего работника из местных (то ли билетёра, то ли сторожа). Тем не менее, выставка пользовалась успехом, народу приходило много.

Первый спутник, названный по его позывным “бип-бип” растягивался на авиационных тросиках под куполом главного выставочного зала. И вот за 2 часа до открытия, когда все пошли отдохнуть и переодеться, этот шар с четырьмя антеннами рванул в космос (какая-то растяжка была плохо закреплена рабочими) и стал описывать немыслимые орбиты. Если бы он разбил какую-то даже одну витрину, внизу, “на земле” и разрушил экспозицию, открытие пришлось бы отложить от уже объявленного в печати, по радио и телевидению. Белорусские ребята со стенда “Трактор “Беларусь” помогли мне ликвидировать нештатную ситуацию. И потекли рутинные дни работы выставки.

Нас предупредили: не ходите в гостиницу Маунт Лавиния (наши говорили Маунт Лавина), что на мысу того же названия: это центр английской МИ5. (“Не ходите дети в Африку гулять”) И, кажется, ходили-таки. Так, кока-колу попить, пива, посидеть в кондишене. Тем более, всё это было рядом с пляжем, которым мы пользовались.

Мне понравился обязательный член нашей команды. Я

до сих пор помню его фамилию – Панченко. Он, думаю, неплохо разбирался в людях и, принимая во внимание непростую обстановку, отпускал вместе со мною (назначив меня старшим), вечером в кинотеатр или в китайский ресторан. Ну, конечно, не в последнюю очередь он это делал из-за языка.

Он же проявил себя нестандартно в следующей обстановке. Среди посетителей обратила на себя внимание группа студентов, в которой выделялся некий вожак, который накачивал свою паству тем, что убеждал не верить нашим космическим успехам, что это все пропаганда, как и эти жестяные пустышки. Панченко, уловив какой-то момент, когда тот появился с группой неофитов, пригласил его в свой кабинет вместе с частью тех, кого тот привел, и предложил написать формулу закона Ома. Парень был смущён, что-то стал мямлить и чувствовал себя неловко, причём всё это происходило на глазах у тех, кто ему ещё накануне смотрел в рот. Больше мы его не видели.

То ли из-за сложившейся обстановки общей конъюнктуры, то ли от высокой влажности и температуры, но коммерческие дела шли слабо, и руководство пыталось заглушить депрессию, налегая на представительские. По возвращении в страну многие экспонаты распродавались среди служащих конторы с большой скидкой на амортизацию вещей, побывавших во влажных тропиках.

Народ всё это видел и знал, неоднократно выезжая со своими стендами. Рассказывали про контору, что какой-то директор выставки возил в Пакистан чинить старую обувь – там де это стоило дешевле, другой приобретал для себя мебель и провозил домой, как часть выставочных грузов, т.е. за государственный счёт.

Народ начинал роптать не только глухо, но и громко (чему я был свидетель) в общественном месте: “Приеду – пойду в ЦК, пусть примут меры!” Подойдешь к такому спикеру, найдёшь нехитрые слова: “Успокойся. Здесь не Москва и нет тут ЦК. Вот вернешься, тогда и сходишь”.

Или вот такая типичная для тех лет картинка: я и еще какой-то стендист идём в обеденный перерыв в свой бунгало. А надо пройти с километр парком, где нет никакого строения, никакого укрытия, и в это время обрушился тропический ливень,

да такой, что деревьев не стало видно. Нас обгоняет легковушка, водитель тормозит, распахивает дверцу, приглашает садиться. В этот момент мой спутник бросился бежать. Я в два-три прыжка его догнал, развернул на себя и зашипел: “Садись! Не позорь себя и нас!” Поехали. Водитель понимающе улыбался.

Но и тогда же случались какие-то светлые впечатления. Таким стало посещение дома-студии знаменитой танцевальной пары Читрасена. В своё время они были на гастролях в Москве, я сделал во время их выступления зарисовки и тиснул, кажется, в “Советской культуре”. Они – главные исполнители самого популярного на Цейлоне танца – кандийского (по названию древней столицы острова – Канди). Его главная особенность – высокие прыжки и сложная пластика ног и рук в моменты этого прыжка. Я пришел к ним с корзиной лотосов и был вознаграждён их потрясающим искусством. На прощанье мадам Читрасена сняла с ноги танцевальный браслет и подарила его мне. Такой презент дорогого стоит.

В Индии

В Дели я был хозяином большой территории в самом центре города с великолепным дворцом в викторианском стиле, парком с вековыми деревьями и обширными газонами, с большим плавательным бассейном, с летним кинотеатром.

Вне дворца устраивались приёмы, демонстрировались фильмы. Внутри дворца был кино-концертный и лекционный зал, гостиные, где проходили пресс-конференции и встречи писателей, художников, артистов, библиотека, фонотека, внутренний дворик – патио и т.п. Все это было Домом советской культуры. Дворец некогда принадлежал махарадже Траванкора (отсюда и название резиденции Траванкор-Хаус). И мы арендовали его у индийского правительства. А можно было все это великолепие приобрести в собственность всего-навсего за 700 тысяч рупий, как нам и предлагали сначала.

Это было, можно сказать, даром. Через пару лет он стоил уже вдвое дороже (и тогда даже следовало покупать). Чуть позже наши поинтересовались (зачем?) и услышали цифру в 5 млн. рупий. Дальше спрашивать уже не стали.

По разному работали различные подразделения зару-

бежных служб. Аппарат экономического советника решал действительно большие государственные задачи по оказанию Индии необходимой помощи в создании собственной базы экономической независимости.

Иначе, к сожалению, работал культурный советник и его аппарат. Мы, бывая на всех знаковых культурных программах в столице, куда приезжали известнейшие исполнители и творческие коллективы со всей Индии, где ежегодно проходили всеиндийские и международные художественные выставки, мы на них никогда не видали наших культурных атташе, в том числе и советника по культуре. Он до того был уверен в своей безнаказанности, что не прекращал постоянных домашних скандалов, которые стали притчей во языцах. Посол решил его урезонить по телефону и потребовал, чтобы тот в корне изменил своё поведение. В ответ он услышал такое ..., что результатом было выдворение советника из Индии в 48 часов.

Нас долго в Индии помнили. Да, мы действительно были послами нашей культуры в этой стране. И надо отдать должное руководству, которое нас выбрало и направило с этой культурной миссией, их верному чутью и предвидению. Наташина “Рамаяна”, побывавшая дважды в Индии, её преподавание русского языка в Дели, Патнале, Пуне, разработка ею учебника на основе лексической близости русского и санскрита, что дало поразительные результаты по быстрой усвояемости русского языка индийцами – всё это было подтверждением правильности сделанного руководством выбора. Ею же было передано юридическое право Индо-советскому культурному обществу (ИСКО) тиражирования и распространения этого учебника. В Индии был издан перевод её работы “Джайнизм”, за что джайны были очень ей признательны и т.д. и т.п.

Ну и коснёмся вопроса моего рисования Индии, нужного не столько мне, а сколько, как выяснилось, индийцам.

Рисунок в индийской газете существовал только в виде карикатуры. А жанровые зарисовки вроде празднования Дургапуджи в калькутской семье, праздника дасера на Рамлилаграунд в Дели, зарисовки игры в крикет с чемпионами мира австралийцами в Мадрасе, зарисовки “Цитадели”, памятника восстанию 1857 г. в Лакнау – это и многое другое интересовало ин-

дийцев в моей графике. И всё это в ведущих газетах Индии, на первых полосах, очень щедро в размерах.

Мне передали разговор, который состоялся в “Индиан экспресс”, влиятельной либеральной газете, между её шеф-редактором Франком Мораесом и редактором, выпускающим номер.

Ф. М.: А кто это Потабенко? Не югослав?

Р.: Нет. Он из Москвы.

Ф. М.: Из Москвы? Коммунист?

Р.: Не знаю. А что? Не печатать?

Ф. М.: Нет. Продолжайте.

Конечно, интересно было, когда мне делался заказ от “Нэшнл Геральд”, газеты Дома Неру, по подготовке и проведению “рамлилы” в Дели. Все подписи к рисункам были аранжированы в духе политики укрепления централизованной власти, которую проводила Индира Ганди.

У каждого художника есть работа особой удачи. Такой стала моя линогравюра Дж. Неру в День республики в ожидании прибытия президента для открытия парада. Эта церемония ежегодно проходит на эспланаде Радж Патх (Путь страны). Я так и назвал рисунок, поскольку Неру действительно первым обозначил путь новой Индии. Я сделал набросок на месте, когда был от Неру в 3-х – 4-х метрах. Этот рисунок подносился, по крайней мере, двум президентам и Индире Ганди. И неоднократно печатался у них и у нас. Значит, получился.

Ну вот, мы начали с того, почему помнят. А советника по культуре – нет. Потому что никогда его не видали.

В МИДе

Когда я редактировал Бюллетень проекта ЮНЕСКО МАИКЦА (международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии), а было это в пору серьёзных разногласий с КНР (ну хотя бы по территориальному и пограничному вопросам), входил Китай в этот проект наряду с ещё шестью странами. Международный центр находился в Москве и ИВ РАН. И пришла в голову такая мысль: а ведь Китай может подложить нам хорошую свинку, если вознамерится напечатать любой антисоветский материал в нашем Бюллетене. Не напечатать мы не

можем, причём мы не принадлежим только СССР. И если не напечатаем, в Ассоциации поставят вопрос о размещении центра в одной из 6 стран и ликвидации его в СССР. Значит, печатать обязательно. С такими вот мыслями я пришел к большому начальнику на Смоленской площади. Услышал же я одно: “Ни в коем случае!”. Я ему резоны: “Надо. К тому же мы будем иметь возможность ответа, лучше в следующем номере”. “Никогда, пока я сижу в этом кресле! (свист). Да чтобы в Москве печатался китайский антисоветский материал!! (свист). Я : “Можем потерять центр! Да что же это такое: что, на вас и управы нет?!” “Иди, жалуйся на меня Рахманину, (это, кажется, Общий отдел ЦК), он все равно твою жалобу мне пришлет для разборки!”

Так наш разговор и остался без последствий, свинку нам китайцы не подложили. И хорошо сделали. Центр остался на месте и проект ЮНЕСКО МАИКЦА продолжал быть и двигаться дальше.

Мой трудный путь в индологию

Оглядываясь назад, сейчас совершенно определённо можно сказать, что первый шаг в индологию я сделал, когда после окончания семилетки в своём родном селе учился в 1944-47 гг. в Павловском педучилище Воронежской области. Хотя в целом в училище был хорошо подобранный коллектив учителей, которым я многим обязан, в программе училища, на мой взгляд, имелся серьёзный изъян: не было предусмотрено преподавание иностранного языка. Я считал, что в моём образовании появляется большой пробел. В школе нас учили немецкому языку, но я уже понимал, что время этого языка после разгрома фашистской Германии прошло и что, учитывая отношения нашей страны с бывшими союзниками, наступило время английского языка. Я решил начать его изучение самостоятельно. Это начинание было связано с большими трудностями, т.к. никаких пособий и консультантов у меня не было. Поначалу я пользовался только англо-русским словарем, который по моей просьбе привёз мне отец, демобилизованный из армии. Потом стали появляться в продаже адаптированные издания. Необходимая база была заложена.

Высшее образование я получил на историческом факультете Курского пединститута. С огромной радостью я стал заниматься в группе с английским языком под руководством настоящего преподавателя и по настоящему учебнику. За год я освоил двухлетний курс, досрочно сдал экзамен и больше не посещал занятия.

Моя учеба в вузе пришлась на тяжёлые годы последних лет правления Сталина. Тогда проходила инициированная им уродливая и постыдная кампания борьбы с так называемым «космополитизмом», под которым понималось преклонения пе-

ред «растленным Западом» и пропаганда отечественных достижений в самых различных областях. Она проходила с характерным для того времени размахом и принимала гротескные и унижительные формы. В период этой кампании мне довелось, хотя и по другому поводу, попасть под каток тоталитарного режима.

Один из студентов нашего курса Л. Мнушкин, общительный весельчак, как-то спросил у преподавателя истории партии, какова судьба и где находятся видные деятели, осужденные по политическим процессам 1937-38 гг. Немедленно последовал донос «куда следует». Мнушкин, который был членом партии, как комсомольский работник имел также членский билет ВЛКСМ. Он был исключён из партии, а комсомольской организации было предписано исключить его из комсомола. При этом нам ничего никто не объяснял. 12 человек из нашей группы, и я в том числе, проголосовали против. Таким образом, получалось, что мы подвергли сомнению правильность партийного решения. Этого нам простить не могли.

Над нами был организован суд партийной инквизиции. На совместном заседании партийного и комсомольского комитетов, которое закончилось в первом часу ночи, по очереди обсуждалось поведение каждого провинившегося. Перед дверью, ожидая вызова, плакали студентки. Со мной был следующий диалог:

- Что вы делали в период оккупации?
- Собирал колоски в поле, чтобы не умереть с голоду.
- Ваш дед был раскулачен?
- Да. Это сделали те, которых товарищ Сталин называл «коммунистами – головотяпами». Он был восстановлен во всех правах.
- С какой целью перед новым годом вы устроили вечеринку?
- Здесь находится член бюро ВЛКСМ тов. Кондауров. Он был на вечеринке и может все рассказать.

Нельзя не обратить внимания на серьёзность подготовки к судилищу. Я являюсь уроженцем Воронежской обл. и, следовательно, для получения сведений о моих предках были задействованы органы КГБ двух областей. Инквизицию не интересовал также вопрос о моем отце и старшем брате, которые три го-

да были на фронте. При этом отец вернулся с двумя боевыми орденами и медалью «За отвагу». Этот сюжет не вписывался в сценарий.

Всем, кроме меня, был вынесен строгий выговор. Так в сознание каждого человека вколачивался постулат: «Не должно сметь своё суждение иметь». Меня же исключили из комсомола, расценив мое поведение при допросе как «вызывающее» и приплюсовав к моей вине неосторожно сказанную как-то, конечно, глупую фразу по поводу нивесть как оказавшегося в аудитории пузырька с керосином и фитилем: «Вот освещение времен 4-й Сталинской пятилетки!». Донос на меня написал бывший военный лётчик Сайков. Этот донос я видел на столе у секретаря райкома ВЛКСМ, когда пришел сдавать комсомольский билет. Хотя она лежала перевернутой по отношению ко мне, я успел увидеть его подпись. Секретарь райкома напутствовал меня словами: «На черновую работу!». Ректор на мой вопрос ответил, что я буду исключён из института, т.к. «такие студенты нам не нужны».

Всё же по моей апелляции после довольно долгого и тягостного ожидания меня, сочтя уже достаточно воспитанным, восстановили в комсомоле с вынесением строгого выговора с таким обоснованием: «За притупление политической бдительности». Замечу, что Мнушкин после XX съезда КПСС бы реабилитирован.

Так я получил возможность продолжать учёбу. В то время кандидаты наук в провинциальных вузах встречались реже, чем сейчас доктора. На истфаке не было ни одного. И вот у нас появилась новая преподавательница истории стран Востока кандидат исторических наук москвичка Елизавета Ивановна Гневушева, бывшая аспирантка А.А. Губера. Ее приезд ощутимо изменил обстановку на факультете. Я впервые с огромным интересом слушал лекции квалифицированного востоковеда. По моим вопросам и ответам на семинарах она скоро меня заметила и стала приобщать к востоковедной науке, и именно индологии. Она дала мне почитать свою диссертацию «Возникновение Индийского Национального конгресса». Это была первая научная работа по истории, с которой я познакомился. Она поощряла мои выступления в историческом кружке, стала выписывать

книги по МБА по истории Индии на английском языке, который я так удачно, как будто специально по какому-то наитию, заранее старательно изучал. А однажды она сказала, что мне надо поступать в аспирантуру. Для студента провинциального вуза столичная аспирантура была где-то в заоблачных высях. Я был просто ошеломлён и высказал искреннее сомнение в том, что смогу там учиться. Она с деланным равнодушием ответила, пожав плечами: «Не боги горшки обжигают». Елизавета Ивановна помогала мне также разобраться в оценке событий различного характера. Когда мой преподаватель опубликовал в журнале «Вопросы истории» статью «Письма трудящихся к товарищу Сталину как исторический источник» (а в этих письмах говорилось главным образом о трудовых достижениях), я спросил её, зачем публикуются такие ненаучные статьи. Она ответила: «А попробуйте не опубликовать». В связи с известным делом кремлёвских врачей я спросил её, почему их арестовали, она прямо сказала: «Великий вождь хочет попить крови перед смертью».

Перед окончанием института кафедра истории, конечно, по её инициативе, рекомендовала меня в аспирантуру, а комитет комсомола тоже дал мне такую рекомендацию. Я уже забыл точно, но тогда это, вероятно, было нужно. К тому времени строгий выговор был с меня снят. Однако секретарь институтского комитета комсомола, который на инквизиторском заседании проявил особую агрессивность по моему адресу, вскоре злорадно показал мне выписку из протокола заседания бюро райкома ВЛКСМ, которое по его инициативе аннулировало эту рекомендацию нашего комитета.

Я не был освобожден от направления на работу и поехал работать учителем в сельскую школу во Владимирскую область. Перед моим отъездом Елизавета Ивановна дала мне первые уроки по персидскому языку, который она сама изучала в аспирантуре. Она также достала мне учебник персидского языка Азери. У этого языка несложная грамматика, и за учебный год этот учебник я освоил.

Проведя летом 1952 г. снова около двух месяцев в Москве в кабинете Востока ГПИБ, я усердно готовился к поступлению в аспирантуру при кафедре новой истории Московского городского пединститута им. В.П. Потемкина. Этой кафедрой

тогда заведовал будущий академик А.Л. Нарочницкий. Он не доверял комиссиям, принимавшим экзамены по иностранным языкам, и сам проверял их знание поступавшим в аспирантуру. Выяснив, что я собираюсь заниматься Индией, он попросил лаборантку принести какую-либо книгу по индийской истории на английском языке. Это оказалась книга о кастах. «Читайте вслух и переводите», - сказал он. Для меня это был, так сказать, «момент истины», но мне удалось успешно справиться. Точно таким же образом, Алексей Леонтьевич экзаменовал абитуриентов по французскому и немецкому языкам.

Но на вступительных экзаменах меня ожидала тяжёлая неудача. Получив оценки «отлично» по специальности и по английскому языку, я получил всего лишь «удовлетворительно» по основам марксизма-ленинизма, как называлась фактически история партии. А с такой оценкой в аспирантуру не принимали. Еще год я работал в сельской школе, теперь уже в Курской области.

Буквально когда я давал урок в начале марта 1953 г. по радио было зачитано сообщение о болезни Сталина, а 5 марта мы узнали, что он скончался. Тогда я ещё не знал, что его смерть будет означать решительный поворот в моей судьбе.

Ближе к лету лаборантка А.Л. Нарочницкого, разыскавшая мой адрес, прислала мне открытку, в которой сообщалось, что он ожидает подачи моих документов в аспирантуру. На этот раз при конкурсе пять человек на место я успешно сдал все экзамены на «отлично» и стал аспирантом. Только через 17 лет мой научный руководитель А.Н. Хейфец рассказал мне, что стояло за моей «тройкой» в 1952 г. Заведующий аспирантурой спросил его: «Вы думаете, ваш Райков не знал истории партии? Да знал он!». Оказалось, дело заключалось в том, что я был на оккупированной немцами территории, а таких в аспирантуру не принимали. Документы поступающих шли в райком партии по месту нахождения вуза, а там против фамилий нежелательных поступающих ставили «птичку», которая гарантировала нужную оценку. Смерть Сталина сняла это ограничение.

И вот, наконец, я аспирант. Поначалу я хотел избрать темой политику английских колонизаторов в Индии в период подъёма освободительного движения в 1905-1908 гг., но А.Н.

Хейфец убедил меня изменить её и исследовать рабочее движение в тот период, кульминацией которого были знаменитые бомбейские события 1908 г.- процесс Б.Г. Тилака и Бомбейская политическая стачка, о которой есть упоминание в статье В.И. Ленина.

В аспирантуру я поступал вместе с выпускниками московских вузов и с завистью смотрел на значки МГУ у них на груди. В институте я увлекался парашютным спортом и гордился значком парашютиста- спортсмена первого разряда. Но с тех пор я его ни разу не надел. Были также выпускники МГИМО с блестящим знанием двух иностранных языков. Я всегда остро ощущал недостатки полученного в провинциальном вузе образования и решил самостоятельно восполнить пробелы, особенно в области востоковедения. Это было тем более необходимо, что кафедра новой истории МГПИ состояла из преподавателей истории стран Запада, и аспиранты были обязаны сдавать три кандидатских экзамена по новой и новейшей истории стран Запада, а не Востока. Я должен был освоить огромный список литературы и изучать французские революции, войны и классовую борьбу в Европе и Америке. Тогда я, конечно, безропотно это делал, но ведь ясно, что для востоковедов программа должна была быть совершенно иной.

Я стал регулярно посещать занятия на Восточном отделении Исторического факультета МГУ – лекции по истории Индии И.М. Рейснера, спецкурс по национальному вопросу Индии А.М. Дьякова, спецкурс по источниковедению Индии Н.М. Гольдберга. У А.И. Осипова я изучал язык урду, к которому я с легкостью перешел от персидского языка. Студенты острили, что у них три кумира: Игорь, Алексей и Александр Михайловичи.

Тогда меня очень беспокоила статья Конституции Индии о переходе в 1965г. с английского на язык хинди, как государственный. Я не представлял, во что это выльется, но было ясно, что к нему надо готовиться. Поэтому я от А.М. Осипова перешёл в небольшую группу по изучению языка хинди, в которой преподавала Т.Я. Елизаренкова. У меня сохранился документ из МГПИ с просьбой разрешить мне посещать эти занятия с резолюциями декана истфака МГУ А.В. Арциховского и М.Ф. Юрь-

ева, который, вероятно, руководил тогда восточным отделением. Переход с урду на хинди не был трудным, поскольку это один и тот же язык, только нужно было освоить шрифт деванагари. Хинди давался мне легко.

Тем временем в аспирантуре я за месяц занятий сдал кандидатский экзамен по английскому языку, а в конце учебного года сдал экзамен по немецкому языку. Чтобы освободить время для работы над диссертацией, я досрочно за год сдал все три экзамена по специальности.

К тому времени Е.И. Гневушева уже работала в Московском институте востоковедения, где преподавала историю Индонезии (для чего овладела голландским языком), а после несчастной истории с его закрытием перешла на восточное отделение Истфака МГУ. Она была знакома с И.М. Рейснером, и по её просьбе он согласился дать мне консультацию по теме диссертации. Придя к нему на квартиру, уже в прихожей я увидел на стене портрет его знаменитой сестры Ларисы Рейснер с кобурой нагана на боку. Она послужила прообразом женщины-комиссара в известной пьесе В. Вишневского «Оптимистическая трагедия». Расспрашивая меня о проделанной работе, он спросил, нашел ли я что-либо новое. Я ответил отрицательно. Он с раздражением сказал: «Но ведь тогда это же болтовня!». Он меня запомнил и однажды на лекции, упомянув термин *вакил*, неожиданно остановился передо мной и спросил: «А кто это такой?». Я ответил, что так в Индии называют ходатаев по делам.

Мне хотелось послушать лекцию Игоря Михайловича по теме моей диссертации, но он поручил прочитать её своему студенту А.И. Чичерову, который писал на эту тему дипломную работу. Потом он долгие годы был научным сотрудником в Институте востоковедения, и мы с ним были хорошо знакомы.

В последующее время я неустанно искал «что-то новое» - не из-за замечания И.М. Рейснера, а просто потому, что сам хотел использовать все доступные материалы по своей теме. И удача мне улыбнулась. В Архиве внешней политики России в фонде «Российское консульство в Бомбее» я нашел донесения российского консула Гейкинга о процессе Тилака, на который он был приглашен в качестве почётного гостя, и бурных бомбейских событиях июля 1908 г. Но самое важное заключалось в

том, что к его донесению были приложены судебные материалы – переводы на английский язык с маратхи нескольких статей Тилака, которые ставились ему в вину. Используя эти статьи, И.М. Рейснер написал работу, в которой радикально пересмотрел свою оценку взглядов Тилака, данную им в книге «Очерки классовой борьбы в Индии», изданной в 1932г.

В донесениях российских консулов нашли также отражение важнейшие события подъёма освободительного движения в Индии в 1905-1908 гг. Мне удалось ввести в научный оборот много неизвестных ранее данных. Находкам в АВПР была посвящена моя первая печатная работа, опубликованная в 1956 г. в журнале «Вопросы истории». Её рецензентом был А.И. Чичеров.

Много мне дали аспирантские командировки. В Ленинграде, где я побывал дважды и провел полтора месяца, я познакомился с богатыми фондами библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. По истории Индии там хранится более полутора сот «синих книг» английского парламента. Работал и в БАН – Библиотеке Академии Наук, но больше всего мне повезло в библиотеке ЛГУ, где хранятся подшивки индийской газеты «Times of India» (weekly edition). В ней печатались подробные отчёты о процессе над Тилаком и о развитии национально-освободительного и рабочего движения. Побывал я в Ясной Поляне в музее Л.Н. Толстого, куда поехал вслед за Н.М. Гольдбергом, опубликовавшим статью об индийских материалах, которые там хранятся. Мне довелось держать в руках журналы, которые присылал писателю М.К. Ганди из Южной Африки. Ездил также в Ташкент – первый восточный город, в котором я побывал. Но библиотека им. Алишера Навои гораздо беднее фондами по сравнению с нашими.

Диссертацию я защитил в 1957 г., моими официальными оппонентами были А.М. Дьяков и Н.М. Гольдберг, который в связи с болезнью был заменен Л.Р. Гордон-Полонской, но представил письменный отзыв.

С того времени всё больше крепили и развивались мои связи с Институтом востоковедения. Я с глубокой благодарностью вспоминаю, с какой искренней доброжелательностью относились ко мне его сотрудники. Они всегда проявляли неиз-

менную готовность оказать всю возможную помощь, дать консультацию или благожелательный отзыв для печати на мои работы. Мне впоследствии нередко приходилось присутствовать на обсуждении ими работ своих коллег, и я видел, с какой строгостью и даже придиричивостью проходили обсуждения. Однажды я был на обсуждении в Отделе Индии рукописи книги Г.Г. Котовского по аграрному вопросу и слышал убийственную фразу Л.Б. Алаева: «Григорий Григорьевич, так писали 15 лет назад. Сейчас так не пишут». В результате автор изъясил рукопись из издательства. Я понимал, что они видят недостатки моих работ, но я как будто пользовался какой-то привилегией.

С заведующим Отделом Индии В.В. Балабушевичем я познакомился ещё будучи аспирантом, когда попросил принести библиотечный двухтомник “Factory Labour Commission”, который мне нужно было изучить. Вскоре после защиты он предложил мне перейти на работу в его отдел. «Мы посадим вас на современность», - сказал он. Я уже был свидетелем невероятных зигзагов в оценке современных событий в нашей исторической науке и не хотел в этом участвовать. Но, конечно, немалое значение имел и тот факт, что повисал вопрос о квартире.

После окончания аспирантуры я был направлен на работу в Шуйский пединститут, где меня ожидали новые трудности. Там была вакансия преподавателя истории древнего мира. Пришлось обложиться книгами по этой специальности и тратить драгоценное время и силы, которые мог бы использовать для совершенствования в своей основной специальности – востоковедении. И это продолжалось несколько лет, так как после Шуи в Вологодском пединституте я пять лет преподавал новую и новейшую историю стран Запада. И только после перехода в Липецкий пединститут в 1963 г. я получил желанный курс новой и новейшей истории стран Востока. Но и в Шуче, и в Вологде я использовал всякую возможность заниматься историей Индии. Даже в районной библиотеке в Шуче исправно работал МБА, по которому я получал книги из столичных библиотек.

Постепенно выкристаллизовалась тема, которой я стал заниматься – история индийских революционных организаций. Конечно, это в немалой степени было результатом моего воспитания, т.к. в нас десятилетиями вбивали представление о все-

мирно-историческом значении революционного движения, о том, что насилие – «повивальная бабка истории», хотя Индия демонстрировала другой путь. Но сыграло также роль то обстоятельство, что эта тема в нашей историографии практически не была изучена. Я стал публиковать статьи на эту тему.

1962 г. был отмечен для меня двумя памятными событиями. В начале года руководство Вологодского пединститута направило меня на один семестр на стажировку в Институт востоковедения. Освобождение от рутинной учебной работы для преподавателя провинциального вуза всегда обеспечивало возможность поработать в центральных библиотеках и архивах. Кроме того, за время стажировки в Институте я присутствовал на различных мероприятиях, конференциях, обсуждении работ сотрудников. В результате расширились мои контакты с индологами.

В то время в Институте было много любителей шахмат. В обеденный перерыв, а нередко и до конца рабочего дня где-либо на лестничной площадке кипели сражения в молниеносной игре. На почве увлечения шахматами я познакомился с Л.Б. Алаевым, с которым в дальнейшем нас связали теплые дружеские отношения, имеющие уже почти полувековую историю. Он был единственным шахматистом Института, который выиграл в сеансе у гроссмейстера Тайманова. Хотя наши научные интересы лежали в разных областях, Л.Б. Алаев за многие годы работы приобрёл обширную эрудицию в различных областях индийской истории, и постепенно у нас наладилось и научное сотрудничество. Он был ответственным редактором одной моей книжки, дал отзыв для издательства на другую. Мы стали сотрудничать в аспирантских делах. Я советовался с ним о тематике диссертаций моих аспирантов и получал квалифицированные и успешно реализованные советы. Мы взаимно оппонировали у своих аспирантов. Хотя он мог ограничиться письменным отзывом, он любезно приезжал на защиты в Воронеж и Тамбов. Он также стал научным консультантом по докторской диссертации моей бывшей аспирантки Л.А. Черешневой и довёл её до защиты. Сейчас она заведует кафедрой всеобщей истории. Он приезжал в Липецк, чтобы читать нашим студентам спецкурсы по актуальным проблемам исторической науки. Со своей стороны, на-

ша кафедры была официальным рецензентом учебного пособия по истории Индии, соавтором которой он является. В 2000 г., когда в Липецк приезжал посол республики Индия, и в нашем вузе состоялась научно-практическая конференция «Россия-Индия - проблема сотрудничества регионов», Л.Б. Алаев входил в состав официальной делегации ИВ РАН во главе с директором Р.Б. Рыбаковым и выступал на конференции. Таким образом, неформально представляя Центр индологических исследований, он внёс весьма существенный вклад в формирование научно-преподавательского коллектива нашей кафедры.

Но вернемся назад. В.В. Балабушевич меня не забывал и в 1962 г. включил меня в группу из 12 человек для поездки в Индию. Её организовало Общество советско-индийских культурных связей с целью оживить деятельность отделений Общества индийско-советской дружбы, в которой ощущался застой в связи с индо-китайским конфликтом. Такие поездки за рубеж в то время были очень редкими, и любезность В.В. Балабушевича трудно переоценить.

В самый последний момент, когда члены группы получали авиабилеты, моя поездка едва не сорвалась. Я был потрясен: в кассе для меня билета не было! В каком-то отношении это был отзвук событий студенческого периода. К тому времени я уже принял окончательное решение не вступать в партию, и это привлекло внимание. Меня приглашали для беседы на ул. Куйбышева в один из кабинетов комплекса зданий ЦК КПСС к тов. Кондакову. Меня поразило его пронизывающий взгляд. Это был человек, который видел собеседника насквозь. Он задал мне несколько вопросов и осуждающе констатировал: «Вы не член партии». На что я очень неудачно ответил, имея в виду место работы: «У нас этому не придают значения». Он строго ответил: «А у нас придают». Но встреча со мной, очевидно, не вызвала у него опасений за лояльность моего поведения за границей, и он разрешил мне отбыть в Индию.

Поездка произвела на меня огромное впечатление. Наша группа побывала в крупнейших городах Индии — Дели, Бомбее, Мадрасе, Калькутте, Бангалуре и конечно, в Агре, где мы любовались Тадж Махалом. Индия поражает своими контрастами. С одной стороны, великолепные памятники многовековой исто-

рии, а с другой — невообразимая нищета народа. Я сам два раза видел, как на улице падает человек от голодного обморока.

Незабываемой была встреча с Святославом Рерихом. Его имение, которое было его зимней резиденцией (лето он проводил на севере в Ладакхе), находилось в 12 милях от Бангалура. В нашей группе был будущий академик Г.М. Бонгард-Левин, сумевший связаться с офисом Рериха в городе, которым управляла его жена Девика Рани, в молодости — известная актриса индийского кино. Во время встречи с нею в её речах отразилось её безграничное преклонение перед мужем: «Он великий художник, великий учёный, великий человек. Служить ему — моя религия». Туристская кампания «Меркурий» любезно предоставила нам машину. К нему мы поехали втроём: со мной и Бонгард-Левиным была также редактор издательства «Восточная литература» И.С. Лесных. Она редактировала мои печатные работы, деликатно и профессионально исправляя погрешности в стиле.

И вот мы в имении С. Рериха, обширная территория которого огорожена высоким забором. Записка Девики Рани открыла нам ворота. Он принял нас в просторном зале, который представлял собой настоящую картинную галерею. Безмолвные слуги приносили по очереди последние работы художника. Зашёл разговор о вооруженном конфликте с Китаем. Рерих выразил свое беспокойство по вопросу о судьбе предметов искусства буддистских храмов, находившихся на территории, оккупированной китайскими войсками. Касаясь позиции СССР, он высказал мнение о том, Китай — это «младший брат» и что нашей стране можно было бы призвать его к порядку. Он решительно высказался в том смысле, что нам нужно дружить не с Китаем, а с Индией. Я обратил внимание, на то, что когда он употреблял выражения «наша позиция», «наша пресса», он имел в виду правительство и прессу не Индии, а нашей страны. После прогулки по территории поместья на прощанье он подарил нам по экземпляру только что вышедшего из печати журнала «Indian Illustrated News» со статьей о нём и репродукциями картин. Несмотря на то, что он давно жил в отрыве от своей родины, он говорил на безупречном русском языке. Только атомную бомбу называл «атомической».

Во время одного из переездов в поезде я оказался в

двухместном купе вдвоем с мелким индийским бизнесменом. Неизбежно зашел разговор о конфликте с Китаем. Когда он спросил о позиции нашей страны, мне пришлось выступить в непривычной роли дипломата. Я сказал, что в недавней статье в газете «Правда» отражена позиция нашего правительства, которое выступает за урегулирование конфликта мирными средствами. Мой сосед оказался очень хорошо информирован и резко прореагировал: «Да, но в этой статье китайцы названы «братьями», а индийцы только «друзьями». Вам стоит только перекрыть нефтяную трубу, и китайская армия останется без горючего». Таким образом, высказывания Святослава Рериха о позиции Советского правительства в китайско-индийском конфликте отражали широко распространенные тогда в Индии настроения.

Из Индии я увёз несколько книг, из них особенно ценными для меня были две на языке хинди об индийском революционном движении, которые я нашёл в книжном магазине в Дели.

Связи с Отделом Индии Института востоковедения всё более укреплялись. В 1968 г. вышла моя первая книжка «Пробуждение Индии», посвященная деятельности революционных организаций. Коллективный отзыв для её публикации в издательстве «Восточная литература» дали А.М. Дьяков, Т.Ф. Десяткина и М.Н. Егорова. Я с понятным интересом прочитал рецензию на нее в журнале «Indian National Culture» за октябрь 1970 г. индийского историка Сурендры Гопала. Небезынтересно отметить, что ровно тридцать лет спустя он же опубликовал рецензию на мою работу «Опаснейший час Индии» в журнале «History» университета в г. Бурдван, которую с оказией передал мне с дарственной надписью на русском языке. Как туда попала книжка, изданная в Липецке, трудно представить.

Мои статьи печатались в сборниках статей по истории и историографии, религии и идеологии, в ежегодниках «Индия». Н.А. Халфин пригласил меня участвовать в работе над томом «Индия и Россия», а П.М. Шаститко в создании двух сборников документов по истории русско-индийских отношений. Выпуск этих сборников из печати был высоко оценен в Индии. Их презентация была проведена в индийском посольстве в Москве, а первый том был издан в Индии в переводе на английский язык.

Мне было приятно участвовать в деле издания архивных документов, поскольку до этого я много работал в наших архивах, где сделал немало интересных находок по истории русско-индийских отношений. Мои работы на эту тему публиковал журнал "Soviet Land», издававшийся в Индии, а индийская пресса охотно перепечатывала их. Например, статья о пребывании в России индийского махараджи Далип Сингха была перепечатана в 26 индийских газетах, список которых я получил через агентство печати «Новости». Случались находки и по истории освободительной борьбы о фактах, неизвестных в Индии. Так, материал о заговоре в 10-м полку джатов в 1909 г. с целью свергнуть английское правление вызвал большой интерес. Меня позабавило, что статья была перепечатана одновременно как в газете компартии Индии «New Age», так и в шовинистически-индуистском журнале «Orgaiser».

Как преподаватель вуза, я должен был включать в ежегодный отчёт сведения о своих контактах с зарубежными учебными заведениями. Такие контакты у меня были, конечно, с индийскими заведениями. Так, университет в г. Курукшетра опубликовал в своем журнале мою статью о неизвестной в Индии миссии в Россию после поражения восстания 1857-59 гг. индийского князя Рао Раджа Тела Сингха. Калькуттский Scottish Church College опубликовал в сборнике к столетию со дня рождения Субхаса Чандры Боса статью о его пребывании в Германии. Три статьи, посвященных освободительной борьбе индийской общины в Юго-Восточной Азии, были опубликованы в сборнике статей, посвящённых С.Ч. Босу, подготовленному Bhattar College в Западной Бенгалии

Для историка, живущего в провинции, всегда большой проблемой является литература и источники. В советское время исправно работали в библиотеках отделы МБА, с помощью которых из центральных библиотек почти всегда можно было получить нужную книгу. Получал я книги и из зарубежных библиотек. Со временем из Библиотеки им. В.И. Ленина стали высылать микрофильмы, которые можно было заказывать и в личную собственность. Сейчас, с появлением ксероксов, положение сильно изменилось в лучшую сторону, но высылка книг стала платной и сильно осложнилась вообще.

Но в наших библиотеках далеко не всегда имелась нужная литература, и сотрудники Института востоковедения, имевшие больше возможностей занять редкие издания, помогали мне и в этой сфере. Я получал книги в пользование из личных библиотек Г.Г. Котовского, Э.Н. Комарова, П.М. Шаститко, Р.Б. Рыбакова. Немало разных книг и других материалов, в том числе архивных индийских, я получил у журналиста, много лет проработавшего в Индии, а потом сотрудника Института Л.В. Митрохина. Несколько статей, написанных нами в соавторстве на основе этих материалов, были опубликованы в Индии.

Говоря о личных коллекциях книг по Индии в нашей стране, нельзя не упомянуть преподавателя Восточного факультета ЛГУ Ю.В. Петченко, с которым я познакомился на одной из научных конференций на этом факультете. Когда я приехал в ЛГУ, чтобы выступить официальным оппонентом, он пригласил меня к себе. Я с сожалением отказался, т.к. хотел поискать в библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина две книги, которых не нашёл в Москве. Он спросил, какие это книги и сказал: «А они у меня стоят на полке». Это были редчайшее издание – седьмой, ранее секретный, том официального отчета английских властей об Амритсарском расстреле 1919 г. и ещё одна монография индийского автора. Я был приятно удивлен, так просто получив для изучения искомые книги и еще другие.

Его домашний кабинет был набит редчайшими книгами по индийской истории, которые могут оценить только специалисты. Назову некоторые. У него был полный комплект журнала Б.Г. Тилака на языке маратхи. Стояли все 84 тома полного собрания сочинений М.К. Ганди, и это при том, что в Москве можно найти только разрозненные тома в разных библиотеках. Юрий Владимирович сумел собрать восемь из десяти имевшихся томов различных документов индийских революционных организаций, изданных для служебного пользования английской полицией. Он показал номерное издание, содержащее исследование о национальном восстании 1857 г., предназначенное только для служебного пользования. В его библиотеке было и печальное свидетельство эпохи сталинского террора: собрание сочинений зарубежного автора, у каждой книги которого был варварски содран корешок. Это сотрудники НКВД искали спря-

танную «крамолу» у арестованного хозяина Я давно не был в Санкт-Петербурге, но хочется думать, что руководство Восточного факультета ЛГУ найдёт способ сохранить эту уникальную коллекцию.

После защиты докторской диссертации у меня появилась новая сфера деятельности, т.к. я стал участвовать в работе диссертационных советов. Приходилось ездить даже в г. Куйбышев. Но потом появились советы поближе – в Воронеже, Курске Тамбове. Эти поездки отнимали немало времени, но я считал их своим долгом, т.к. знал, с какими трудностями сталкиваются иной раз соискатели ученых степеней. Я выступал также официальным оппонентом на защитах докторских диссертаций в Институтах востоковедения АН СССР и УзССР, Саратовском и Казанском университетах, в разных вузах оппонировал на защитах кандидатских диссертаций.

В очень скором будущем я уйду на пенсию с сознанием выполненного долга. Я полагаю, что своей работой, в особенности по подготовке преподавательских кадров для вузов, я полностью оплатил счета по долгам своим учителям. На кафедре всеобщей истории, которой я руководил в течение двадцати лет, работают пять моих бывших аспирантов, из которых четверо защитили кандидатские диссертации, а двое затем стали докторами наук. Еще двое кандидатов работают в других вузах, а один доктор, у которого я был научным консультантом, в Елецком государственном университете

Жизнь, как известно, развивается по спирали. И у меня есть все основания полагать, что следующий виток в развитии кафедры будет во всех отношениях гораздо более впечатляющим.

Китай в моей жизни

Я родился в Москве 28 августа 1931 года, в семье служащего. Отец мой не имел никакого отношения ни по образованию, ни по характеру своей работы к гуманитарным сферам. Он был сначала простым инженером, потом стал ответственным конструктором в соответствующей организации, которая называлась НИИ-17 и работала в области радиолокации. Я рос в семье своих родителей. Когда началась война меня родители отправили в пионерлагерь в Рязанскую область с моими товарищами по школе, родители которых служили в одной военнокавалерийской организацией. Вскоре, по мере приближения немцев к Москве, нас погрузили в теплушки и отправили за Урал. Мы пересекли Уральские горы, и я оказался, как сейчас помню, в деревне Варгаши Курганской области. Один с ребятами, детьми военнослужащих-кавалеристов. Мать меня нашла по всяким рекомендациям. Оставив отца в Москве, она бросилась в погоню за мной, чтобы найти своего единственного ребенка. И она нашла, а потом узнала, что отца эвакуировали в Томск, куда мы, в конце концов, и перебрались. Там я прожил с родителями в одной томской семье почти два года. В 1943 г. мы вернулись в Москву, и я, не пропустив ни одного года обучения в средней школе, продолжал его и в 1949 г. окончил школу.

Чем я увлекался и чем занимался в школьные годы? Почему мои интересы, вдруг, оказались сопряженными с Китаем? Надо сказать, что многие моменты в моей жизни, в том числе и с точки зрения получения китаеведческого образования, оказались связанными со случайностями. Но, говорят, что скопление случайностей образует закономерность. Может, в этом что-то есть. Конечно, то, что я окончил школу в 1949 г., в год образования КНР, не было случайностью.

С одной стороны, я неплохо читал стихи, имел неплохой

голос, как мне говорили, и даже хотел стать артистом. Но на каком-то этапе своего обучения в средней школе я также начал увлекаться и историей. Здесь тоже сыграла роль случайность. В 6-м или 7-м классе, точно уже не помню, я «набедокурил» вместе с двумя одноклассниками. Учитель начала вызывать нас по очереди, чтобы наказать соответствующими отрицательными оценками. Двоим она поставила двойки. А мне задала вопрос: Расскажи, пожалуйста, о правлении Юлия Цезаря. И, вдруг, неожиданно я ответил ей на этот вопрос! «Блестяще! – сказала она, – выпучив глаза, наверно – Пять!». И, вот, с тех пор я увлекся историей! Я стал посещать исторические кружки, стал писать доклады на различные исторические сюжеты, в том числе об образовании Москвы, и так далее. И решил, в итоге, пойти на исторический факультет МГУ. Подал заявление. Но я, в общем-то, не думал поступать на китаеведческое отделение. Про Китай я знал еще в средней школе – большая страна, находится рядом с СССР. Знал, что там идет борьба за власть между КПК и Гоминьданом. Знал о борьбе китайского народа против японских агрессоров. Но не больше, в общей сложности. При поступлении на истфак я не добрал один балл и попал в так называемую группу «полупроходников». Тех, кто не добрал один балл, решили собрать и сказали: «Ребята, у нас на историческом факультете образуется восточное отделение. И, в частности, кафедра истории Китая. И будут также кафедры, связанные с изучением Кореи, Японии, Ближнего и Среднего Востока и так далее. Вот, вы останьтесь и решите между собой, на какую страну вы, в конце концов, пойдете». И вот здесь, если можно так выразиться, я «высидел» Китай. Потому что мне, вдруг, захотелось изучать Китай. Спонтанно, но, тем не менее. Многие тоже хотели изучать Китай, потому что мы знали – вот-вот «на сносях» образование Китайской Народной республики. Японию, которую потом все стали «спрягать», и все хотели стать японистами, изучать почему-то никто не захотел. (из нас, 30-ти таковых оказалось только двое). А Китай хотели изучать многие. Но я «пересидел» многих своих коллег и, в конце концов, оказался на кафедре истории Китая, которой руководила профессор Лариса Васильевна Симоновская. Таким образом, с 1949 по 1954 гг. я учился на историческом факультете МГУ на кафедре истории

Китай. Поскольку я учился в целом на истфаке, и нам преподавали такие крупнейшие историки, как академики С.Д. Сказкин, Б.А. Рыбаков, как профессор А. Бокщанин преподававший историю Древней Греции и древнего Рима, учеба заложила у меня основу для неплохого знания общемирового исторического процесса, которое подпитывало потом мою эрудицию.

Учился я с известными в дальнейшем российскими востоковедами. Например, с крупнейшими российскими индологами – будущим академиком Г.М. Бонгард-Левиным, профессором Л.Б. Алаевым, профессором Н.Г. Киреевым – тюркологом, профессором Ваниным – корееведом, с Эмилией Павловной Стужиной, ставшей в дальнейшем видным советским китаеведом.

Кто были нашими учителями? В первую очередь, с точки зрения изучения языка, я хочу назвать Алексея Петровича Рогачёва – отца будущего российского посла в КНР; Любовь Дмитриевну Позднееву, которая преподавала нам древнекитайский сложный язык вэньянь. Средневековую историю Китая нам преподавала Лариса Васильевна Симоновская. А новую и новейшую историю – Григорий Борисович Эренбург, Михаил Филиппович Юрьев, Владимир Николаевич Никифоров.

Какие события времени и личные обстоятельства больше всего повлияли на мою китаеведческую судьбу? Вот здесь я тоже могу назвать, можно сказать, случай, который сыграл решающую роль в моей дальнейшей биографии, как китаевода. Дело в том, что, по окончании истфака, я получил диплом специалиста-историка с правом преподавания истории СССР в средней школе. Никто не интересовался нашим востоковедным, в данном случае, китаеведческим образованием. Никому мы в тот момент оказались ненужными. И я в течение полугода был вынужден искать себе работу. Я нашел ее в строительном техникуме Моссовета и 4 года преподавал историю СССР и политэкономию социализма и капитализма. Получил профессию преподавателя. И, вот, случайная встреча, которая состоялась в 1958 г. вдруг, круто изменила мою судьбу. Дело в том, что я случайно встретил в метро своего однокашника Володю Трифонова, с которым учился на истфаке. В этот момент он начинал свою журналистскую карьеру. В частности, опубликовал в жур-

нале «Коммунист» большую статью о VIII-м съезде КПК. А когда встречаются в такой момент русские – может и сегодня, хотя сегодня, чаще всего такие вопросы уже не задают – сразу спрашивают: где ты? И сколько получаешь? Я сказал, что преподаю историю СССР в строительном техникуме. Он выпучил глаза и говорит: «Как?! Мы с китаеведческим образованием, и ты не нашел применение знанию Китая?» Я говорю: Ну, а где, Володя? Он: Как где?! Образовался Институт Китаеведения АН СССР. Беги туда! Там сейчас работает В.Н. Никифоров, который нам преподавал. Иди к нему, и, может, он поможет тебе что-то устроить! Я, по его совету, направился в Китайский проезд, где находился только-только образованный в 1956 г. Институт Китаеведения, нашёл Владимира Николаевича Никифорова. Он, конечно, меня узнал, как своего бывшего студента. Поговорили. Он сказал: Юра, тебя, как специалиста, даже младшим или просто техническим научным сотрудником мы взять не можем! Ты 4 года постепенно забывал и историю Китая, и язык, преподавал другие предметы. Что я тебе посоветую? Я посоветую тебе идти в аспирантуру. Более того, он сказал: Ты поступишь под начало, под научное руководство доктора наук, профессора Сергея Леонидовича Тихвинского. Имя Тихвинского уже в 1953 г. «гремело» у нас на истфаке и среди преподавателей-китаистов, и среди студентов-китаистов. Потому что в 1953 г. молодой 35-летний Сергей Леонидович Тихвинский защитил на сложнейших китайских источниках докторскую диссертацию о китайских реформаторах конца XIX века. Даже те преподаватели, которые нам преподавали: и уважаемый нами Григорий Борисович Эренбург, и Михаил Филиппович Юрьев, в общем-то, по используемым ими в своих работах источникам и материалам не могли встать на один уровень с таким знанием китайского языка, каким обладал Сергей Леонидович, в частности, вэньяня.. И когда я узнал, что могу попасть в аспирантуру под руководством Сергея Леонидовича Тихвинского, моей радости не было границ. Так началась моя учеба в аспирантуре.

Как формировался круг моих китаеведческих интересов? Как была определена тема кандидатской диссертации? Мои научные интересы и моя исследовательская деятельность, хоть, может, это звучит и нескромно, начала формироваться еще в

МГУ. Потому что преподавали нам серьезные специалисты, и они выдвигали очень серьезные требования к нашим курсовым работам. С этого и начались зачатки нашей исследовательской работы. Я уже не говорю о дипломной работе, которую я писал, работая даже в архивах и, в какой-то степени, используя и труды Сунь Ят-сена на китайском языке. Я стал увлекаться деятельностью Сунь Ят-сена и написал работу о его революционной борьбе в «предсиньхайский» период. А затем эта работа уже развивалась в рамках аспирантуры у С. Л. Тихвинского. Сергей Леонидович предложил мне тему, которую я и развил в качестве кандидатской диссертации, о деятельности реформаторов уже непосредственно в то десятилетие, которое предшествовало Синьхайской революции. Я не исключаю, что Сергей Леонидович и сам не подозревал, что в канун Синьхайской революции в Китае выкристаллизовалось и начало развиваться движение, которое в какой-то степени «переплонуло» даже революционное движение под руководством Сунь Ят-сена. Это было так называемое либерально-конституционное движение (ли сянь юньдун), «движение за введение Конституции» в Китае. Работать пришлось с очень сложными, с точки зрения перевода, китайскими текстами. Мне очень помог крупный специалист в области китайского языка, китаец Ду И-синь. Он работал в нашем отделе Китая, где я стал работать после окончания аспирантуры. Защитился я не сразу, я насыщал свою работу китайскими источниками. Работал в архиве АВПРИ — архиве внешней политики Российской империи. Смотрел все донесения царских послов, переводы цинских указов по тем или иным вопросам. В 1962 г. я окончил аспирантуру и был принят на работу в отдел Китая Института народов Азии АН СССР (в 1961 г. Институт китаеведения был закрыт, а его сотрудники влились в коллектив Института народов Азии). Для завершения работы над диссертацией мне очень помогла полугодовая стажировка в 1964 г. в пекинском университете. В 1965 г. я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции накануне Синьхайской революции в Китае». А через год, в 1966 г. вышла моя первая монография: «Накануне революции 1911 года в Китае».

Мои научные интересы в дальнейшем менялись под

влиянием международной ситуации и развития советско-китайских конфликтов в 1960-х и 1970-х годах. В частности, когда директором нашего института стал академик Е.М. Примаков, он начал внедрять в научную деятельность института практику ситуационных анализов. В группу, которая занималась анализом различных проблем международных отношений вокруг Советского Союза, Лев Петрович Делюсин, который к этому времени стал руководить отделом Китая, выдвинул меня. Какое-то время я посвятил международной тематике. В частности, я заинтересовался вопросами, связанными с японо-китайскими отношениями. Тогда это было достаточно актуально и остро. И сегодня остаётся, безусловно, острым вопросом, затрагивающим в известной мере и наши интересы. Занимаясь темой японо-китайских отношений, я написал ряд справок, аналитических записок. В содружестве с коллегой Зоей Дмитриевной Катковой мы решили исследовать японо-китайские отношения, но не просто с точки зрения политики и экономики, а с точки зрения этнопсихологического взаимовосприятия двух народов, двух наций. В итоге мы написали совместную книгу, она вышла в первом издании в 1995 г. под названием «Китай и Япония: любовь или ненависть? К вопросу о развитии социально-психологических и политических стереотипов японо-китайского взаимовосприятия». Не исключая, что мы были одними из первых в российском китаеведении, кто стал разрабатывать сюжеты, связанные с этнопсихологией. Только в дальнейшем, через 12-13 лет на этнопсихологические сюжеты связанные с Китаем появились две монографии – А.В. Лукина о восприятиях Китая в России и С.Л. Тихвинского – России в Китае (Лукин А.В. Китай: медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII – XXI веках. – М., 2007; Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. – М., 2008).

Помимо китайско-японских в круге моих научных интересов в те годы были и советско-китайские отношения. В этот период (60-70-е годы XX века) они развивались не лучшим образом. Противостояние, в итоге, переросло в вооруженный конфликт на о.Даманский. Встал вопрос о том, чтобы поднять перед общественностью вопрос о советской помощи китайской революции. Я принял самое непосредственное и активное участие в

этой работе. Я стал участвовать в создании целого ряда сборников воспоминаний советских волонтеров в Китае в 1920-1930-х годах. Работа эта была непростая. В конечном итоге, я оказался главным редактором, составителем, автором предисловий и примечаний восьми сборников воспоминаний видных советских военачальников, которые воевали в Китае, помогая развитию китайской революции и отражению японской агрессии. Они вышли в свет в 1980-х годах.. Один из этих сборников - «На китайской земле» – был переведен на китайский язык; другой - «В небе Китая» (о летчиках, которые воевали в небе Китая в 1938-1939 гг.) - немецкий язык. Издательство «Прогресс» выпустило ряд воспоминаний советских волонтеров на английском языке. Естественно, что в ходе этой работы я общался и был лично знаком со многими нашими военными советниками, в частности с генералами А.И. Черепановым, А.В. Благодатовым, А.Я. Калягиным, наконец, маршалом В.И. Чуйковым. Мне как историку Китая общаться с ними было чрезвычайно интересно. Ведь многие из них лично знали многих видных политических деятелей Китая той поры - Чан Кай-ши, Ван Цзин-вэя, Чжоу Эньлая и других. Г: Все эти героические события происходили 70 лет назад. И, как известно, в то время китайцы испытывали к советским военным специалистам самую глубокую благодарность. Сегодня, правда, восприятие и оценка китайцами советской помощи Китаю несколько изменилось. В различных кругах она далеко не однозначна. Когда попадаешь в Китай сегодня, когда встречаешься и начинаешь разговаривать с людьми на улице, один из самых первых вопросов, которые они задают, особенно молодежь: «Вы из какой страны? Ты начинаешь в шутку их спрашивать: «А сам ты как думаешь, из какой я страны? Начинается перечисление Америки, Англии, Франции. Дальше почему-то у молодежи количество стран исчезает. И только когда ты говоришь: «Во ши элосы жэнь (Я россиянин)», в ответ – вот такие выпученные глаза! Ну, а потом, с усмешкой: «А-а, лао да гэ (Старший брат)!» (так нас называли в Китае в 50-е годы).

Естественно, когда изучаешь какую-либо страну, наиболее сильное впечатление производит ее посещение, общение с ее людьми и научными коллегами. За 50 лет трудовой деятельности я побывал в Китае 6 раз. Все это были чрезвычайно инте-

ресные, но далеко не однозначные поездки. В частности, моя вторая поездка в Китай после завершения работы над диссертацией состоялась в 1966 г. в период «культурной революции», когда мы продолжали поддерживать отношения с КНР несмотря на все сложности, трудности и противоречия с лидерами КПК. В том числе старались не прерывать и туристические отношения. Так я попал в качестве сопровождающего в одну из последних советских туристических групп, направленных к Китай. Руководил нашей группой секретарь Тимирязевского райкома партии, а я с коллегами, как китаеведы, сопровождали эту группу в качестве помощников и консультантов. Вот тогда я увидел, что такое «культурная революция». Правда, это было только ее начало. В г. Наньчан нашу группу повели на экскурсию на радиоламповый завод. Прошлись по цехам, посмотрели, как трудятся китайские рабочие. А вот, когда мы стали выходить с завода, мы вдруг увидели огромное полотнище – так называемое дацзы бао («газету больших иероглифов»), расстеленное прямо на асфальте. На нём по-китайски было написано: «Долой советских ревизионистов!» Газета была величиной с комнату, и мы не знали, как её обойти или перепрыгнуть. Все было сделано так, чтобы мы наступили на это препятствие. Кто-то сделал огромный прыжок, кто-то старался ступить между иероглифами. Мы перевели нашим товарищам, что было в тексте. Начальник группы сразу потребовал автобус, чтобы нас доставили в гостиницу. Но, не тут-то было! Когда мы стали выходить с территории завода, нас окружили хунвэйбины с нарукавными повязками, держащие в руках цитатники Мао Цзэдуна, и сказали: «Сейчас мы будем вас судить! Вы растоптали наш «дацзы бао»! Вы надругались над нашими лозунгами!» Надо сказать, что судили нас довольно оригинально, выкрикивая всякого рода лозунги антисоветского содержания, зачитывая те или иные цитаты из красной книжечки – цитатника Мао Цзэдуна, продержав на примерно три часа. Мы стояли спинами к ним, взяв женщин в кольцо. Руководитель непрерывно заявлял протесты, требуя отправки в гостиницу. В конце концов, через несколько часов этот «суд» закончился, нас посадили в автобус и отвезли в отель. А на следующий день китайский руководитель нашей экскурсионной поездки появился, как ни в чём не бывало, и предложил поехать посмотреть оче-

редную достопримечательность...

Самое сильное впечатление у меня оставила третья поездка в Китай в 1985-86 гг., связанная с годичной стажировкой в Фуданьском университете в Шанхае. В общежитии для иностранных студентов, где я жил с нашими соотечественниками, я попросил китайскую администрацию подселить ко мне в комнату одного из китайских студентов для разговорной практики. И китайцы выделили мне Вэнь Чжигуана - одного из лучших студентов исторического факультета, дед которого, крупный специалист по мировой финансовой системе, во время «культурной революции» подметал улицы... Во время зимних студенческих каникул мне удалось совершить большое путешествие, проделав на поездках, пароходах и автобусах более 10000 км и посетив более десяти провинций Китая. Для лучшего знакомства с китайцами я часто уговаривал кассиршу продавать мне билеты в общий сидячий вагон, в котором ездили только китайцы (продавать билеты иностранцам в такие вагоны было запрещено). Так я побывал в Ухане, где начиналась революция 1911 г., на родине Мао Цзэдуна (Шоу-шань) и Чан Кайши (усадьба Си-коу), добрался до о. Хайнань, посетил красивейшие места Китая (Гуйлинь, Лушань) и крупнейшие памятники китайской культуры. В Ухане я возложил цветы к памятникам (скульптурным изображениям) двадцати советских летчиков, погибших в 1938-1939 гг., защищая китайское небо... Каждый раз, посещая Китай, я поражался трудолюбию и деловой активности китайцев, тщательнейшей обработке крестьянами каждого клочка земли. В провинции Сычуань потрясали огромные террасные поля, выдолбленные в скалах за многие века...

Но вернёмся к моей трудовой и научной деятельности. С 1962 года по настоящее время, то есть, более 48 лет я работаю в Институте востоковедения, в частности, в отделе Китая. Короткое время работал по совместительству в Институте Дальнего Востока, по приглашению его директора академика Михаила Леонтьевича Титаренко, и даже полгода преподавал историю Китая в ВИИЯ КА (Военный институт иностранных языков Красной армии). В отделе Китая я работал с известными советскими китаеводами. В частности, с академиком С.Л. Тихвинским, который после ликвидации Института Китаеведения, вер-

нее, его слияния с Институтом Востоковедения, стал заместителем академика Б.Г. Гафурова, который возглавлял в то время Институт народов Азии АН СССР. Я работал с такими крупными специалистами, как доктор Р.В. Вяткин, как профессор Л.П. Делюсин, как доктор О.Е. Непомнин, как доктор Лилия Николаевна Борох. Нас всех объединяла любовь к истории и культуре Китая. Именно эти люди научили меня понимать и любить Китай. Это очень важная вещь! Ведь когда ты просто изучаешь те или иные аспекты китайской жизни или истории, ты можешь делать это и не заглядывая в глубинные структуры, как это принято сейчас говорить, в менталитет китайской нации. Не понимая традиций, которые и вчера, и сегодня продолжают играть огромную роль в развитии китайской цивилизации и государственности, в социальной жизни китайского народа вообще. Эти люди меня научили, во-первых, как можно глубже проникать в глубины китайского языка. С.Л. Тихвинского я считаю своим учителем и горжусь принадлежностью к его школе. Его докторскую диссертацию его я читал внимательнейшим образом и знал почти «назубок». Она мне кажется и вчера, и сегодня «эталонном» научного подхода. Его книгу о китайских реформаторах конца XIX в. я по-прежнему считаю вершиной его научного творчества. Конечно, он написал потом много других работ. По просьбе Сергея Леонидовича я принимал участие в издании пятитомника собрания его сочинений, которое вышло не так дано.

Р.В. Вяткин – крупнейший учёный, хотя внешне не производил впечатления человека, который стоит на каком-то пьедестале и гордится этим. Был очень прост в обхождении. Когда руководил отделом, интересовался и личной жизнью коллег. Р.В. Вяткин стал известен своими исследованиями в области изучения исторической науки в КНР. Значительную часть своей жизни он посвятил именно этой тематике. В конце концов, эта тема подвинула его к научному подвигу. Он стал переводить, первоначально с нашим крупным специалистом В.С. Таскиным, «Исторические записки» Сыма Цяня. К сожалению, его смерть не дала ему возможность довести работу до конца. Сейчас его сын, А.Р. Вяткин, с помощью ряда специалистов завершает беспрецедентный труд отца, впервые в мировой синологии взявшегося перевести на иностранный язык полный труд Сыма Цяня.

Лев Петрович Делюсин, который руководил отделом Китая после С.Л. Тихвинского, занимался сюжетами, которые были далеки от моих интересов, от моей тематики. В частности, он изучал аграрные вопросы в Китае, борьбу КПК за решение аграрного вопроса. Вместе с А. Костяевой он изучал историографию китайской революции 1925-27 годов. С точки зрения понимания Китая, китайских традиций и менталитета китайской нации (он был крупным журналистом, долгое время работал и в Китае, и в наших периодических изданиях, в аппарате ЦК КПСС) – он производил на общающихся с ним огромное впечатление. Именно у этих людей я и учился понимать Китай.

Российское китаеведение сегодня - это несколько сотен, как некоторые считают, около пятисот специалистов разных возрастов и уровней. Сосредоточена эта «когорта», в основном, в Москве, в стенах Института Дальнего Востока, Института Востоковедения, Института стран Азии и Африки при МГУ, и в Санкт-Петербурге на восточный факультет ЛГУ и в стенах Института древних восточных рукописей (в бывшем филиале нашего института). Ну, и известная когорта китаеведов сегодня сосредоточена на Дальнем Востоке, в институте, которым руководит В.Л. Ларин, и который изучает экономику, этнографию и культуру Китая, в основном, приграничных районов. Крупнейшими российскими китаевед в настоящее время, безусловно, являются академики С.Л. Тихвинский, М.Л. Титаренко, Б.Л. Рифтин (крупнейший литературовед, исследователь китайской мифологии), медиевист, исследователь китайских литературных памятников Л.С.Переломов, профессор А.А. Бокщанин, профессор О.Е. Непомнин, доктор Л.Н. Борох, доктор В. Буров. Сегодня это мощный отряд исследователей. К сожалению, его члены стареют, а подпитка со стороны молодежи пока достаточно ограничена. Тем не менее, перспективы развития отечественного китаеведения я представляю достаточно оптимистично.

История двусторонних отношений с Китаем, конечно, влияла на развитие советского и российского китаеведения. Причем, влияла по разному. В частности, в 1956 г. был открыт Институт Китаеведения, а в 1961 г., под влиянием китайской стороны, не в последнюю очередь Мао Цзэ-дуна, институт был закрыт. И я думаю, что это не лучшим образом сказалось на

российском китаеведении. В этом же плане следует рассматривать и полное прекращение научных контактов с КНР в 1964-1984 гг. «Холодная война», в свою очередь, резко ограничила контакты советских китаеведов и с западными коллегами.

Распад СССР также негативно повлиял на эти процессы. Некоторые коллеги рискнули уехать в другие страны. Например, литературовед Виола Аджимамудова долгое время работала на Тайване, а потом уехала в США. Некоторые, привлеченные неплохими заработками, также рискнули поехать на Тайвань и в США. Я имею в виду М.В. и В.М.Крюковых, отца и сына. К сожалению, младший – Вася Крюков погиб на Тайване. Я мог бы назвать и нашего крупного специалиста в области китайской культуры Е.В. Завадскую (Виноградову), которая также работала на Тайване и, к сожалению, умерла вскоре по возвращении на родину. Я имею в виду А.А. Писарева и В.В. Малявина, которые и сегодня работают там, бывшего выпускника ИСАА при МГУ А.В. Панцова, который в настоящее время трудится в одном из университетов США. Ничего страшного в этих отъездах нет, потому что люди набираются опыта, знаний, языка, контактируют со специалистами, обновляют свой «мозговой материал», если можно так выразиться. Изучают подходы к Китаю со стороны своих и западных, и китайских коллег. Но как-то начало ощущаться отсутствие в российском китаеведении многих из этих людей. Конечно, с распадом СССР наше отечественное китаеведение не погибло. Во-первых, Институт Дальнего Востока РАН продолжает свое развитие. В настоящее время там работает более 200 научных сотрудников. Академик М.Л. Титаренко, который возглавил институт, показал себя не только как прекрасный ученый, но и как отличный менеджер, великолепный организатор востоковедного процесса в рамках этого института. Важнейшим направлением деятельности ИДВ является изучение современного Китая, прежде всего процессов модернизации. Важной стороной деятельности ИДВ было и остается исследование истории российско-китайских отношений.. В частности, под руководством академика В.С. Мясникова были изданы материалы и документы о российско-китайских отношениях в XVII-XVIII веках, о миссиях в Китай Федора Байкова и Ивана Петлина, о деятельности и трудах Иакинфа Бичурина и

Спафария. Сотрудники ИДВ (в частности, профессор А. Григорьев) разработали важную тему «Коминтерн и китайская революция», издав пять томов важных архивных документов. В последние годы институт Дальнего Востока внес серьезный вклад и в изучение китайской культуры, выступив инициатором создания многотомной энциклопедии «Духовная культура Китая» в шести томах. На сегодня издание этого огромного труда завершено. Профессор Л.С. Переломов, который еще в 1960-е годы перевел китайский исторический трактат «Книга правителя области Шан» (Шан цзюнь шу), выполнил полный перевод с комментариями главного конфуцианского канона «Лунь юй».

Крупным достижением отдела Китая ИВ РАН за последние десятилетия было издание в 1972 г. «Новой истории Китая» (истории Китая цинского периода), в работе над которой мне посчастливилось принять участие в составе большого авторского коллектива. Важным достижением отдела в рамках создания этой работы явился четырехтомник переводов китайских источников по различным аспектам новой истории Китая (история движения тайпинов, восстание ихэтуаней, революция 1911 г., движение 4-го мая 1919 г. в Китае). Значительным вкладом специалистов отдела в развитие российского китаеведения явились обобщающие сборники статей по различным аспектам развития китайской культуры: «Конфуцианство в Китае», «Дао и Даосизм в Китае», «Личность в традиционном Китае», «Китайские социальные утопии», «Этика и ритуал в Китае», «Человек и Природа в Китае», «Культура, религии и традиции в Китае». Большой вклад в развитие этого направления внесли Л.Н. Борох, А.И. Кобзев, Л.С. Васильев. Культурологические исследования в отделе Китая ИВ РАН реализовывались также в трудах профессора Станислава-Роберта Кучеры. Помимо его трудов по изучению достижений китайской археологии, хотелось бы назвать его перевод значительной части трактата «Чжоу ли», входящего в конфуцианский канон. Крупнейшим библиографическим событием явилось завершение в 1984 г. гигантского проекта - издание Большого китайско-русского словаря под редакцией проф. И.М. Ошанина.

Важным достижением отдела Китая ИВ РАН следует считать также ежегодное проведение научных конференций

«Общество и государство в Китае». Эти конференции, которые начали проводиться с 1970 года (их инициатором был Л.П. Де-люсин), собирают значительное число отечественных китаеведов, которые представляют коллегам свои новые научные разработки. Публикуются ежегодные сборники тезисов этой конференции. Уже выпущено 40 сборников, которые, в совокупности, хотя бы с точки зрения тематики, в известной мере можно рассматривать как квинтэссенцию развития советского и российского китаеведения.

Надо сказать, что распад Советского Союза значительной мере повлек за собой большее знакомство отечественных специалистов с материалами, связанными с развитием западного китаеведения. Конечно, многие коллеги, изучая те или иные сюжеты, знакомились с работами, которые писали английские, американские и японские исследователи. В частности, ратая над диссертацией и главами для «Новой истории Китая», я знакомился с трудами американских исследователей - профессора Левинсона, Камерон о китайских реформах, с работами Винейка, Джонсона, Уайтинга, японца Такэучи Минору и других. Но это были отдельные «лагуны», которые мы изучали в зависимости от изучения наших тем, и изучали их в значительной мере для того, чтобы с марксистской методологии покритиковать западных учёных, сказать свое «веское слово» в противовес их точкам зрения. А, вот, в более широком плане влияние западной мысли на китаеведов было достаточно сложное и неоднозначное. Скажем, в период «холодной войны» знакомство с трудами корифеев западной мысли, с трудами Вебера, Тойнби, Парсонса, было ограничено и не приветствовалось партийно-идеологической элитой. Их труды не переводились на русский язык. Они критиковались с марксистских позиций. Их переводы и издания на русском языке я считаю одним из крупных достижений нашей перестройки. Для русскоязычного интеллектуального читателя появилась возможность знакомиться с теми трудами западных философов и политологов, которые не переводились и не издавались у нас в «доперестроечный» период. Сегодня многое изменилось. Скажем, западные идеи о циклическом развитии Китая, теория цивилизационного подхода Тойнби, его мысли о Вызовах исторического процесса и Ответах на эти вы-

зовы, — эти идеи все больше привлекают внимание отечественных исследователей, в том числе и историков Китая. . Посмотрим, как будут дальше развиваться все эти процессы!

К сожалению, мой опыт контактов с зарубежными коллегами был достаточно ограничен.

С огромным удовольствием вспоминаю свои встречи с китайскими учеными Чэнь Чжи-хуа, Ли Фэнлинем, Пан Давэем, Ян Лицяном, Лу Ганом, Ху Шэнху, Чжан Яо и другими. О встречах и опыте общения со многими из них я написал в книге «На глазах меняющийся Китай» (М., 2008), в которой рискнул описать свои впечатления о посещении Китая во время года России в Китае и года Китая в России, в 2006-2007 годах, поделиться своими соображениями о китайских реформах, XVII съезде КПК и российско-китайском стратегическом партнерстве. Эту книгу я рискнул отправить своим китайским коллегам Ли Фэнлиню и Чэнь Чжихуа, и получил от них положительные отзывы, что мне, естественно, было очень приятно.

Большие впечатления у меня остались от посещения Японии в 1991 г. Я оказался в Японии в связи с тем, что мы с З.Д.Катковой как раз работали над нашей книгой. Я пошел к руководителю нашего института, в то время нами заведовал бывший заместитель министра иностранных дел М.С.Капица. А я как китаевед знал его еще раньше. Он был прекрасный лектор. На его лекции о международном положении стекалась вся Москва. А я определенное время своей жизни сочетал с лекторской пропаганде знаний о Китае. Объездил весь Советский Союз от Бреста до Южного Сахалина, и от Архангельска до Душанбе. За 20 лет (1970-1980-е годы) я прочитал, в общей сложности, более 2000 лекций о современном Китае. Михаил Степанович благожелательно отнесся к моей просьбе, и я был направлен в научную командировку в Японию в г. Киото. Так я попал в Японию, правда, всего на один месяц. За это время мне удалось посетить Токио, Нару, Иокогаму. Естественно, знакомился и с памятниками японской культуры. Посетил, в частности, знаменитый сад 15-ти камней (Реандзи). Используя свои знания английского и китайского языков, я хотел побеседовать с японскими китаеведами, которые занимались смежными с моими сюжетами. И вот тогда мне организовали встречу с профессором Такэучи Мино-

ру, который в своё время написал небольшую статью о китайско-японском взаимовосприятии, которая подвигла нас с З.Д. Катковой на развитие этой темы в нашем освещении.

В Японии меня, может быть, по контрасту с нами и с Китаем, поразила гармоничность отношений японцев друг с другом. Потому что в Китае, несмотря на разговоры о гармонии и так далее, мне встречались вещи, которые не очень симпатично вспоминать. Когда китайцы ругались друг с другом, используя матерные выражения, которые не хочется повторять. Когда они толкаются и, не взирая на разность возрастов, пытаются пропихнуть себя в автобус. Или когда молодой человек, сидящий возле стоящей беременной женщины, не уступит ей места. В Японии я ничего подобного не увидел. Конечно, по контрасту, это произвело на меня довольно сильное впечатление, которое сохраняется до сего времени.

За время своей научной деятельности я участвовал и выступал с докладами на Конгрессах востоковедов в Будапеште и в Москве. Участвовал также в научных конференциях российских и российско-китайских. В частности, в 2006 г. сделал доклад «Россия, Китай и проблемы АТР» на российско-китайском форуме «Россия и Китай: прошлое, настоящее, будущее», организованном в Пекине по линии РАН и Китайская академия общественных наук (КАОН). Принимаю участие на межинститутском симпозиуме «Общество и государство в Китае».

Часть своей 48-летней карьеры в Институте востоковедения в 1996-2007 гг. я посвятил издательской деятельности. Она оторвала меня на 10 лет от изучения Китая. Я предложил дирекции создать небольшую редакционно-издательскую группу в рамках института, чтобы не нырять в издательские фирмы, которые берут крупные деньги, а нырять прямо в типографию, пройдя определенную предпечатную подготовку в стенах института. Меня назначили руководителем небольшого редакционно-издательского коллектива. Я не жалею о затраченном времени и усилиях, потому что помог своим коллегам, издав больше 320 книг по востоковедной тематике. В марте 2007 г. я снова вернулся в отдел Китая, где опубликовал книгу и целый ряд статей по проблемам современного Китая.

Как я оцениваю восприятие образа Китая в России? Это

вопрос, безусловно, неоднозначный. Сказывается влияние истории, неоднозначных отношений двух наших стран. К сожалению, социально-психологическое восприятие не меняется столь быстро, как меняются социально-политические отношения. Перепады этих отношений, конечно, сказываются до сегодняшнего дня. В нашей политологической среде, не скажу, что в научной, а именно в политологической среде, есть мнения, что Китай будет возвышаться, что к нему надо относиться достаточно сдержанно и осторожно, быть готовым к разным возможным изменениям в настроении у китайского руководства. Но, есть и в китайской политологической и не только политологической, а и в соответствующей верхушечной среде люди, которые также неоднозначно относятся к нам. Мы можем обратить внимание, что в Китае до сего дня публикуются карты, где соответствующие территории нашей страны рассматриваются как «даннические» земли, относящиеся к сфере влияния Китая. Эти карты публикуются. Что касается вооруженного конфликта на о. Даманском, случившегося сорок лет назад, то китайская сторона организовала, по моим сведениям, чуть ли не музей на Даманском. Освещение в некоторых публикациях войн России с Китаем, естественно, интерпретируется неоднозначно, в том числе и с не очень приятным для нас оттенком. Нельзя сказать, что это — мнение сегодняшнего китайского руководства. Но надо сказать, что все издания сегодня в Китае контролируются государством. Там нет частных изданий, и это, конечно, в известной мере, настораживает. Но нам никуда не деться от нашего соседа, так же, как и им от нас. Главный опыт, который китайцы вынесли из XX века, это вывод о необходимости обеспечить стабильное развитие своего государства. Причем они готовы идти даже на жесткие меры, чтобы пресекать любые попытки дезорганизовать ситуацию в стране. Это показали недавние события в Синьцзяне, в Тибете. Но они также хотели бы стабилизировать ситуацию и вокруг Китая — и в региональном, и в более широком масштабе. Думаю, что здесь у нас будут продолжаться отношения, которые в перспективе должны экстраполировать в будущее то, что мы наблюдаем в наших отношениях сегодня. Китайцы хотят выйти к 2020 году на достаточно высокий уровень не только своего общего ВВП, который может чуть ли не сравнять-

ся — я не очень уверен, что это будет сделано к 2020 году — с масштабами американского ВВП. Но они хотят поднять уровень жизни народа. Потому что проблемы, которые встали перед Китаем в последние годы, конечно, озадачили китайское руководство, и они пытаются их по-своему решить.

Изменения, которые произошли в Китае за последние десятилетия, я оцениваю, безусловно, положительно. Я рад за Китай и китайцев! Взгляд у меня на развитие наших отношений оптимистичный. Обеим странам нужна стабильность внутри, на региональном и глобальном уровнях. И главный урок, как я уже сказал, который извлекли китайцы в XX столетии, это необходимость мирного и стабильного развития. В ближайшие десятилетия Китай может вполне вырваться на первые места в мире по ВВП. Но решит ли он при этом все проблемы, которые его мучают его сегодня? Сделает ли резкий рывок в инновационном развитии, — вот, это вопросы, на которые вряд ли кто может ответить сегодня однозначно. По крайней мере, Запад не даст ему вырваться серьезно. Сегодня отставание Китая по технологиям от Запада, как признают некоторые исследователи, составляет примерно 15-20 лет. И Запад будет стараться эту дистанцию сохранять.

Что касается программы моей научной работы, я участвую сегодня в написании 10-томной «Истории Китая», научный проект которой задумал и реализует академик С.Л. Тихвинский. Я участвую в работе над тем томом, который связан с предсиньхайским периодом истории Китая.. Непосредственным руководителем этого тома является проф. О.Е. Непомнин. Одновременно работаю над монографией «Крушение монархии в Китае», которую собираюсь завершить в 2012 г.

Говоря о будущем отношений между Россией и Китаем, я считаю наиболее оптимальной именно экстраполяцию нашего сегодняшнего взаимодействия с Китаем. Хотя нельзя исключить, что возможны и определенные перепады в наших отношениях, связанные возвышением Китая и развитием нашей страны. Дело в том, что сегодня мы в России никак не можем развить нашу технологическую инновационную структуру, чтобы на базе новых технологий перейти к развитию конкурентоспособных товаров, которые могли бы заинтересовать китайскую сто-

рону. Мы уже отстаем от Китая в плане развития потенциалов. На сегодня мы остаемся поставщиками сырья, а именно, углеводородов. А что будет дальше? Надо сказать, что некоторые люди в России, не только в кругах наших политологов, но и на уровне массового обыденного сознания, считают, что в дальнейшем мы можем превратиться чуть ли не в сырьевой придаток Большого Китая. Хотя некоторые китайские коллеги, с которыми я беседовал (Ли Фэн-линь, в частности), заявляли мне, что они ничего страшного в этом не видят. Может, здесь была и определенная их заинтересованность в таком развитии событий, я это не исключаю. Но проф. Ли мне сказал, что лишь бы народ лучше жил. «Вкладывайте зарабатываемые деньги в улучшение жизни народа, и все будет нормально!»

В народе, особенно на Дальнем Востоке, иногда возникают мысли, связанные чуть ли не с возможностью территориальных захватов китайцами наших не очень обжитых земель. Иногда пугают наших людей возможностью обширной китайской миграции на нашу территорию. Эти настроения имеют место. Кое-что нам иногда не нравится в поведении китайской стороны, в тех публикациях, которые мы иногда читаем. Но я должен сказать, что не надо преувеличивать все эти моменты, потому что наши связи с Китаем насчитывают не один год, не одно десятилетие и даже не одно столетие!

Если говорить о китайских рабочих, которые появляются на нашей территории для работы на соответствующих договорных началах, так ведь надо вспомнить историю! Еще в годы Первой мировой войны трудовой отряд из ста пятидесяти тысяч китайцев строил Мурманск, мурманский порт и стратегическую железную дорогу до Петрограда. А с ростом потребностей России в рабочей силы рекрутирование рабочей силы в Китае стало важной частью и государственной политики. Мы не должны пренебрегать возможностью использовать китайский труд в нужных направлениях. Конечно, на соответствующих договорных началах и на базе законов, действующих на нашей территории.

Если вернуться к будущему наших отношений, то я думаю, что китайская сторона понимает, что им нужно иметь, по крайней мере, не враждебно настроенного соседа. И нам нужно

учитывать китайский интерес. Насколько я понял из бесед с китайскими специалистами и обывателями, особенность китайской нации связана с тем, что у них существует острая реакция, связанная, конечно, с историей, на любые попытки ущемить их национальное достоинство, их гордость, их менталитет, «лицо» и так далее. Но они также понимают, что и мы тоже — нация, которая вряд ли простит обиду в свой адрес. Мне запомнилось высказывание одного видного китайского политолога Тан Пининя. Он писал, что нет ничего более опасного для безопасности Китая на континенте, чем враждебно настроенная Россия. По его мнению, Китай должен приложить максимум усилий, чтобы заново усиливающаяся Россия была Россией дружеской. Будучи гордой нацией, пишет Тан Пининь, Россия больше всего не терпит пренебрежительного отношения к себе. А история доказала, что для тех, кто пренебрегает Россией, Россия становится самым опасным врагом. Поэтому, считает он, мы, китайцы, должны уважать Россию и добиваться дружеского партнерства с ней и тогда, когда она станет более сильной страной. Я думаю, что эти же строки мы, россияне, можем перенести и на наше отношение к Китаю.

Отечественное китаеведение развивается, в целом, достаточно автономно и самодостаточно. Интерес западных и китайских ученых к нашим исследованиям пока достаточно ограничен. Здесь сказываются, конечно, трудности языка. С русского языка, все-таки переводить проблемно. А английский распространен в мире более широко. Сегодня интерес к русскому языку в Китае стал угасать. Молодежь рвется учить английский язык.

Что касается миссии российского китаеведения, я считаю, что это высокая миссия — ознакомление российской общественности с Китаем, нашим самым большим соседом. А, вот, перспектива, думается, связана с притоком новой молодой поросли. Но это требует и внимания и, в частности, денег, государственного финансирования.

С чем у меня ассоциируется Китай, когда я думаю о нем? Китай — большая, великая и очень красивая страна, в которой живет великий и очень трудолюбивый народ. Я счастлив и рад, что вся моя научная жизнь оказалась связана с изучением Китая.

Я рад, что отношения нашей страны и Китая обрели, наконец, параметры, как я надеюсь, долговременного добрососедства и сотрудничества. Нам всем нужно и важно понять место и роль Китая в стратегическом партнёрстве наших стран и нашего исторического развития. Одним словом, российско-китайское партнёрство требует новых горизонтов. Процесс этот, однако, вряд ли будет быстрым.

Начало пути

Известие о том, что в сентябре 2010 г. в Звенигороде будет проходить седьмой съезд российских востоковедов, посвящённый 110-летию Общества востоковедов РАН, навело меня на мысль, что почти половину этого срока – 50 лет – я работаю в Институте востоковедения. После окончания Исторического факультета МГУ 1 августа 1960 г. я была принята на работу в Институт народов Азии – так тогда назывался наш Институт. Очень хорошо помню, как мы с Катей Мироновой сидели на стульях около кабинета тогдашнего заведующего отделом кадров А.И. Кошкина, которого почему-то мы очень боялись, предполагая, наверное, что он здесь самый главный и наше будущее зависит непосредственно от него (в Институте ходило выражение «страшнее кошки зверя нет!»). Начинала я свою трудовую деятельность в секторе информации Отдела международных вопросов, который возглавлялся тогда Г.Л. Бондаревским.

Я считаю, что мне очень повезло: общение с Григорием Львовичем по существу определило всю мою дальнейшую жизнь, а установившиеся тогда же дружеские отношения с Лидой Вальковой, Валерией Андреевной Хрулевой, Мирой Яковлевной Тарховой, Сашей Резниковым сохранились на долгие годы, можно сказать, на всю оставшуюся им и мне жизнь.

После двух лет творческой деятельности в качестве научно-технического сотрудника с зарплатой в 74 руб. у меня созрело решение и возникла возможность поступить в аспирантуру Института. Не скрою, в тот период необходимость ежедневного хождения на работу несколько осложнялась рождением дочери Маши, которая, естественно, требовала постоянного внимания. Тем не менее, как мне представлялось, я была в состоянии, разумеется, с помощью моей семьи, совмещать аспи-

ранскую деятельность с материнскими обязанностями.

Как бы то ни было, я начала переговоры с Григорием Львовичем относительно возможности поступления в аспирантуру, выбора темы и просила его согласия быть моим научным руководителем. Звезды расположились благоприятно, и в ноябре 1962 г. в один день с Лидой Вальковой я поступила в аспирантуру Отдела международных вопросов, и нашим научным руководителем стал Григорий Львович.

Прежде чем рассказывать о моих аспирантских годах, я не могу не вспомнить тех, кто в тот период работал в Отделе международных вопросов. Многие из них составляли цвет отечественной востоковедной науки и по существу создавали ее новое направление - исследование международных отношений на Востоке. Я не думаю, что такие учёные, как А.Ф. Миллер, Б.М. Данциг, Н.А. Халфин, недавно ушедший из жизни М.С. Лазарев нуждаются в особом представлении. В Отделе работал И.Б.Редько, который, как кажется, знал о Непале больше, чем сами непальцы; хорошо известны имена Ю.Марунова и Ю.Потемкина; индологи и пакистановеды хорошо знают работы Г.П.Колыхаловой и Р.М.Мукимджановой, которая и сегодня активно участвует в научной жизни Института, а А.М.Хазанов неизменно руководит исследованиями в области международных отношений на Востоке вот уже в течение нескольких десятилетий. Огромную помощь молодым сотрудникам оказывал японист профессор Борис Григорьевич Саложников, генерал в отставке, который непосредственно участвовал в военных действиях на Дальнем Востоке. Многие наши коллективные сборники печатались под его редакцией, и он делал все возможное, чтобы в составе авторов была молодежь. Мы особенно восхищались Борисом Григорьевичем, когда в праздничные дни он приходил в Институт в генеральской форме, с большим количеством орденов и медалей, орденских колодок. Наш коллега Сергей Морозов, который занимался австралийскими проблемами, перешел из Отдела в газету «За рубежом», редакцию которой он впоследствии возглавил. Г.Г.Кадымов и сегодня является профессором Дипломатической Академии. Мы сохранили контакты с А.С.Шином. Приятно и полезно было сотрудничать с Н.Б.Лебедевой, которая сегодня является моим коллегой по

Центру индийских исследований. Недавно ушла из жизни Н.П.Челинцева, она же – Наташа Равва, которая также начинала свой путь в Отделе международных вопросов. Можно лишь сожалеть, что от нас рано ушла Л.В.Валькова, которая блестяще защитила кандидатскую диссертацию по истории британской колониальной политики в Адене, а затем не менее успешно – докторскую диссертацию по проблемам Саудовской Аравии. Дружили мы и с Г.Арсеньевой, китаисткой, изучавшей проблемы Гонконга, с Ирочкой Меликсетовой, специалистом по Океании, совершившей однажды поездку на исследовательском судне для изучения аборигенов островов Юго-Восточной Азии и Тихого океана. К сожалению, их тоже уже нет с нами.

Отдел постоянно публиковал индивидуальные и коллективные работы, охватывавшие как историю международных отношений, так и ее современное состояние. Можно вспомнить серийные издания, посвященные политике великих держав в различных регионах Азии, исследования двусторонних и региональных конфликтов, политике СССР в Азии и пр.

В общем, для начинающих сотрудников работа в таком коллективе была связана не только с широкими возможностями, но и с серьезными обязанностями. И лично передо мной встала, прежде всего, проблема выбора темы диссертации, и в решении этой проблемы неоценимую помощь оказал мне Григорий Львович.

Г.Л. Бондаревский в первой половине шестидесятых годов был уже известным учёным, прекрасно разбиравшимся во всех деталях и тонкостях мировой политики. Он необыкновенно щедро делился своими знаниями и предоставлял в распоряжение своих аспирантов и сотрудников свою уникальную библиотеку. Некоторые издания из его коллекции находились в одном-двух экземплярах в нашей стране, и он был рад и горд показывать их нам и давать возможность их использовать. В 1965 г. Григорий Львович блестяще защитил докторскую диссертацию по теме: «Борьба за Персидский залив, Аравийский полуостров и Красное море на рубеже XIX-XX вв.», которая состояла из двух томов и насчитывала 2500 страниц. Мне было очень приятно, что моим научным руководителем стал доктор исторических наук, и это обязывало меня к ещё большему усердию.

Выбор темы моей диссертации во многом определялся особенностями сложившейся в тот период ситуации в Азии, и это было связано, в первую очередь, с обострением отношений между Индией и Китаем. У меня возник интерес к исследованию этой сложной азиатской проблемы. Григорий Львович дал мне мудрый совет, за который я ему благодарна и по сей день — он порекомендовал мне сконцентрироваться на изучении истории, корней этого конфликта, что привело меня к Симлской конференции 1913-14 гг. Речь шла о проблеме разграничения сфер влияния в Центральной Азии, о статусе Тибета как центра мирового буддизма и зоны особых стратегических интересов Великобритании и Китая при прямом или косвенном участии России. Именно в ходе заседаний конференции в Симле британский представитель сэра Генри Макмагон прочертил на карте красным карандашом знаменитую «линию Макмагона» как границу между двумя азиатскими гигантами, вокруг которой и скрестили шпаги Индия и Китай в утверждении своей версии границы.

Григорий Львович в прямом и переносном смысле этого слова привёл меня в Архив внешней политики России, где хранятся уникальные документы: донесения и докладные записки дипломатических представителей из Лондона, Пекина, Симлы, Калькутты, Урги, Адена и Санкт-Петербурга — мировых центров, где формировалась и осуществлялась политика Великобритании, России и Китая, широко обсуждались действия китайских, британских, тибетских и российских властей, оказавшихся вовлеченными в обсуждение основной проблемы, ради решения которой и была созвана конференция в Симле. В тот период работать в Архиве было не так просто. Описей документов не было или нам их просто не выдавали, так что приходилось надеяться на интуицию или информацию от коллег, и здесь неоценимую помощь мне вновь оказал Григорий Львович, который хорошо знал документы Архива. Ксероксы тогда не использовались, так что приходилось документы или переписывать от руки или заказывать их перепечатку на пишущей машинке.

Я помню, какое огромное удовольствие я получала от работы с документами, от знакомства с подлинниками посланий и донесений из фондов Китайский стол и Среднеазиатский стол,

отправленных в конце 19-начале 20 вв. Большинство этих документов - это написанные от руки каллиграфическим почерком на пожелтевших от времени листах мелованной бумаги письма российских дипломатов из Индии, Китая и Великобритании на имя государственных чиновников из Министерства иностранных дел и Министерства двора, и ответы на эти послания, в которых часто приводились ссылки на мнение Его Императорского Величества, а на некоторых документах – пометки, написанные его собственной рукой. Эти послания отличались особым неповторимым стилем, и можно лишь сожалеть, что искусство эпистолярного жанра такого высокого уровня нами практически утеряно. Впоследствии в 2005 году совместно с Е.А. Беловым, к сожалению уже ушедшим из жизни, мы опубликовали сборник русских архивных документов 1900-1914 гг. «Россия и Тибет», чтение которых и сегодня доставляет большое удовольствие.

Тогда же я только начинала свою работу в архиве и старалась отыскать материалы, связанные с Симлской конференцией. Я находила уникальные документы, которые затрагивали практически мало известные мне страницы российской внешней политики – прямые контакты с Тибетом и его светским и духовным правителем – первосвященником Далай-ламой, который, как выяснялось в процессе знакомства с документами, был осведомлен о России, о «Белом царе», который покровительствует единоверцам Далай-ламы – подданным России ламаистам – бурятам и калмыкам. Из этих документов можно было узнать и о том, как российский подданный буддист из Забайкалья Агван Доржиев сумел достичь значительных высот в изучении догматов ламаизма и буддизма и стал учителем и ближайшим советником юного первосвященника, рассказывая ему о могучем северном соседе.

Эти уникальные документы и сам сюжет общения России и Тибета настолько заинтересовали меня, что, после консультации с моим научным руководителем, было принято решение сконцентрироваться именно на этом сюжете и посвятить диссертацию роли российско-тибетских связей в определении дальнейшей судьбы Тибета. А эта роль представлялась весьма важной – ведь именно сообщения о приеме русским царем тибетской миссии возбудили серьезные подозрения вице-короля

Индии лорда Керзона в агрессивных намерениях России в Центральной Азии, повлекшие за собой вооруженное вторжение в Тибет британской армии, подписание под дулами ружей ряда международных соглашений, ущемлявших права тибетцев. Я продолжала сбор материалов в АВГР, в Ленинской и Исторической библиотеках, в Государственном историческом архиве Ленинграда.

Не могу не вспомнить также, что в тот период – середине 1960-х годов практически все материалы: документы, статьи из периодической печати, а также книги, монографии и брошюры, в которых в прямой или косвенной форме упоминались китайские дела, касающиеся как далёкой, так и близкой истории, не публиковались в открытой печати. Поэтому по мере приближения моей защиты становилось очевидным, что защищать её придётся на заседании закрытого учёного совета, без публикаций статей в открытой печати. Так оно и произошло: 10 марта 1966 г., по случайному совпадению в годовщину тибетского восстания 1959 г., я защитила кандидатскую диссертацию.

Я до сих пор хорошо помню и сохраняю чувство самой сердечной благодарности моим «любимым оппонентам»: доктору исторических наук Н.К. Вайнцвайгу и в тот период кандидату, а затем доктору исторических наук Б.П. Гуревичу. С Борисом Павловичем и его семьёй у нас установились очень тёплые отношения, а впоследствии мы даже публиковали совместные работы, в частности, по советско-китайской и индийско-китайской границе. Его сын – Михаил Бондаренко – и сегодня сотрудничает с нами и оказывает помощь в публикации работ Центра индийских исследований.

После защиты диссертации мой интерес к тибетской проблеме не только не прошёл, но получил новый импульс. Приехавший из научной командировки в Индию Г.Л. Бондаревский привёз сотни кадров микрофильмов с копиями документов Национального архива Индии, охватывавших события, происходившие в странах «к Востоку от Суэца» с конца 19 века и до 1913-1914 гг. Григорий Львович провел огромную работу в индийском архиве для того, чтобы отобрать документы для микрофильмирования, и при этом стремился обеспечить ими не только и не столько самого себя, сколько сотрудников Отдела,

своих аспирантов, студентов. Эти документы дали возможность защитить несколько диссертаций, опубликовать статьи и монографии. К сожалению, в тот период далеко не все смогли или захотели по достоинству оценить то, что было сделано Григорием Львовичем, и создать благоприятные условия для использования микрофильмов этих документов.

Часть привезённых Григорием Львовичем микрофильмов этих документов затрагивала и тибетские дела, относившиеся именно к тому периоду, которому была посвящена моя диссертация. Это были документы, авторы которых – британские дипломаты, политики и путешественники, представлявшие свою страну в России, Китае и Британской Индии – описывали практически те же события, о которых шла речь в моей работе и документах АВПР, однако видели их с совершенно иного угла зрения и рассматривали их как прямую угрозу безопасности Британской Индии со стороны России. Ситуация вокруг Тибета рассматривалась как часть «большой игры» - англо-русского соперничества в Центральной Азии, которое сыграло важную роль на путях формирования коалиций накануне первой мировой войны.

И мне ещё раз повезло: в 1975 г. я поехала в трёхмесячную командировку в Индию.

Несколько отвлекаясь от изложения событий, связанных с моей сугубо научной деятельностью, хочу поделиться моими воспоминаниями о первых впечатлениях от знакомства с Индией. Думаю, что мне повезло вдвойне: в этой первой поездке моим спутником и гуру оказался Григорий Максимович Бонгард-Левин, с которым я была знакома ещё до поступления на Исторический факультет МГУ. Мы познакомились летом 1954 г. в доме отдыха «Подсолнечное» в районе Солнечногорска, где Григорий Максимович – историк-индолог, аспирант кафедры Востока Истфака МГУ - вместе со своим отцом профессором Максимом Григорьевичем Левиным, в то время заместителем директора Института этнографии АН СССР, приходили в себя после пережитого ими горя – ухода из жизни жены и матери. Там же отдыхала и тогдашняя студентка кафедры Востока Юлия Алиханова – сегодня международно признанный специалист в области санскрита и древней истории Индии, профессор ИСАА

при МГУ. Я тогда перешла в десятый класс школы, и, естественно, стоял вопрос о выборе дальнейшего пути. Во время прогулок Юля и Г.М. много говорили о своей профессии, об Индии, и это обстоятельство сыграло решающую роль при выборе мною профессии: я поступила на кафедру Востока Исторического факультета МГУ. Уже гораздо позднее, как раз во время моей первой поездки в Индию, Григорий Максимович неоднократно напоминал мне и говорил об этом индийским коллегам, что только благодаря ему я оказалась в Индии! Думаю, что в этом была значительная доля правды. Мы дружили с Бонгард-Левиным – человеком очень ярким, талантливым, остроумным, достигшим заслуженных высот в академической иерархии и в высшей степени популярным в Индии – буквально до самых последних месяцев его жизни.

Я вспоминаю первые сутки моего пребывания в Дели. Я прилетела рано утром 10 января 1975 г., когда температура воздуха составляла всего 5 градусов. По дороге из аэропорта мы проезжали по дорогам и улицам, которые были заполнены велосипедистами. Меня крайне удивило то, что на ногах у подавляющего их большинства были открытые сандалии, в то время как головы и плечи были плотно закутаны в шали, шарфы, платки и пледы. Ведь у нас считается, что держать в тепле нужно как раз ноги, а головы могут оставаться в холоде. Поскольку я летела всю ночь, приехав в гостиницу в центре Дели я отдыхала, а около пяти часов решила выйти на улицу и прогуляться вдоль расположенных рядом с гостиницей на улице Джан Патх небольших магазинчиков и лавок с яркими тканями, платками, юбками и платьями, чеканкой по металлу, изделиями из дерева и поделочных камней. Приближался вечер, яркая толпа возвращавшихся с работы индийцев, иностранных туристов и просто зевак заполняла улицу. Торговцы – молодые и старые и их юные дети на разные голоса зазывали покупателей, обещая им товары «самого высокого качества» за самые «небольшие» деньги. Из многих лавок доносились звуки национальной музыки, а когда стемнело, зажигались лампы, фонари, национальные светильники с живым огнем. Раздавались громкие сигналы автомобилей, уговоры вело и мото-рикш воспользоваться их услугами и еще много самых разных звуков, природу которых труд-

но было сразу понять. Поражали также и удивительные запахи индийской улицы – это сочетание аромата готовящейся еды с карри и другими индийскими специями, цветов жасмина, тлеющих благовоний, сандала и пр. Вся эта обрушившаяся лавина света, запаха и звука производила на меня завораживающее впечатление, я дошла до конца улицы и повернула обратно, но когда я оказалась около гостиницы, я почувствовала потребность снова и снова ходить по Джан Патху, пока лавки не начали закрываться, огни гасли, музыка постепенно выключалась и толпа редела. Но те ощущения и чувства, которые я испытывала в тот вечер, я не могу забыть до сих пор.

В ходе этой первой поездки благодаря Григорию Максимовичу я смогла увидеть Бхопал и Гвалиор, где мы осматривали археологические раскопки, проводившиеся друзьями и коллегами Бонгард-Левина из Археологического департамента Индии. Незабываемые впечатления остались от путешествия на слоне в Джайпуре. В общем, удовольствий было много.

Но и работы тоже: не без помощи нашего недавно ушедшего из жизни друга и коллеги Леонида Митрохина – я смогла получить, по крайней мере, часть необходимых мне документов в Национальном архиве Индии. Проблема состояла в том, что, как мне говорили индийские коллеги, даже на них распространялся негласный запрет руководства внешнеполитического ведомства Индии на выдачу документов, касающихся проблем Китая, Тибета и всего того, что было связано с индийско-китайскими отношениями. В описях документы и материалы Симлской англо-тибетско-китайской конференции 1913-14 гг., были указаны, но когда я их заказала, то мне выдали лишь папки за 1913 год, а самое важное для меня – само обсуждение условий Симлской конвенции в 1914 г. и обстоятельства ее подписания – оставались под запретом. И, тем не менее, я еще и еще раз благодарю судьбу за возможность держать в руках подлинники и копии уникальных документов, которые давали возможность во многом по иному воспринимать ход исторических событий того периода.

Сравнение архивных российских документов с относящимися к одним и тем же событиям британскими материалами подчас приводило к удивительным результатам. Так, в донесе-

ниях российских дипломатов о «секретной миссии» Агвана Доржиева к русскому царю утверждалось, что изменившим свою внешность тибетским посланникам удалось пересечь территорию Британской Индии незамеченными и ввести, таким образом, в заблуждение британские власти. Когда же мы читаем британские дипломатические документы, то обнаруживаем, что англичане самым внимательным образом следили за передвижениями тибетских посланников Далай-ламы и сами приняли решение не препятствовать их поездке.

Таких «совпадений» было несколько, да и в целом использование этих материалов для моей работы, которая уже практически была готова к публикации, придавало ей новые акценты и значительно расширяло круг вопросов, которые в ней затрагивались. Кроме того, в поле моего зрения оказались опубликованные в пражском журнале «Архив Ориентальны» переводы с китайского на английский язык китайских хроник, относящихся к периоду первого десятилетия XX века и показывающих политику маньчжурских властей в отношении Тибета. А политика эта носила вполне определенный характер и была направлена на колонизацию Восточного Тибета, расширение китайских поселений и ассимиляцию тибетского населения, жестокое подавление всех антикитайских выступлений и движений лам и мирян. В общем, материалы из разных источников давали возможность представить полную картину того, что происходило в Тибете и вокруг него в первые полтора десятилетия XX века, в какой мере тибетская политика Британской Индии, Китая, России и Монголии отражала общие направления деятельности этих крупных игроков на азиатской и европейской арене в сложный период назревания первой мировой войны.

Я не могла не воспользоваться тем, что в моих руках оказались очень интересные материалы, и в конце концов, конечно, со значительным опозданием, в 1977 г. был опубликован специальный бюллетень за номером 7, 1977 г. с моей работой «Тибет в международных отношениях конца XIX-начала XX вв.»

Впоследствии, к счастью, ситуация изменилась, и тибетская проблема перестала быть «запретной». Мне удалось обудить мою работу с представителем Oxford University Press в Индии, и

после ознакомления с ней одного из индийских историков-русистов, знающих русский язык, была достигнута договорённость о переводе книги на английский язык и издании её в этом престижном издательстве.

Процесс перевода и его редактирования продолжался несколько лет. Изначальный перевод был сделан в Калькутте силами Центра по изучению русского языка, возглавлявшегося близким другом и коллегой Пуроби Рой – бывшей аспиранткой нашего Института. Можно себе представить, сколько раз и с каким трудом – в то время мы не пользовались электронной почтой - текст переправлялся из Москвы в Калькутту и обратно. В Москве огромную помощь в редактировании работы мне оказала дорогая Мира Яковлевна Тархова, которая в то время была уже на пенсии, но никогда не отказывала в поддержке и внесла значительную правку в перевод, сделанный в Индии. После этого еще и еще раз мы переправляли текст, но на этот раз уже из Москвы в Дели, где находилось само издательство. И, наконец, в 2000 году книга была опубликована под названием «Тибет: «большая игра» и Царская Россия» (Tibet: the Great Game and Tsarist Russia).

В этот период я уже работала в Центре индийских исследований и занималась несколько иными проблемами, хотя, наверное, и не менее интересными. Но это уже другая история. Тибет же навсегда остался “My First Love”.

Научное издание

*Бюллетень Общества востоковедов
Приложение 6*

ВETERAНЫ BOCTOKOBЕДЕНИЯ O CЕБЕ

**Составители: Васильев Дмитрий Дмитриевич, Столяров
Александр Александрович**

**Подписано в печать 27.08.2010. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № 133**

**Издательский дом «Ключ-С»
127051, Москва, Малый Каретный пер., 11**

**Отпечатано в издательском центре ИСАА МГУ имени М.В.
Ломоносова
Москва , ул. Моховая, 11**

ISBN 978-5-93136-133-8

